Общественная палата Республики Татарстан (Казань) Комиссия Общественной палаты Российской Федерации по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений (Москва) Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань)

РОССИЙСКИЙ ИСЛАМ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО МИРА И СОГЛАСИЯ

МАТЕРИАЛЫ

Международной научно-практической конференции, приуроченной к празднованию 1100-летия принятия Ислама Волжской Булгарией

г. Казань, 24–25 ноября 2022 г.

УДК 297+316+94 ББК 86.38+60.5+63.3(2) Р 76

> Утверждено к печати Ученым советом Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

Репензенты:

Р.М. Мухаметшин, доктор политических наук, профессор, ректор Российского исламского института (Казань)

Р.К. Адыгамов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань)

Научный редактор

доктор политических наук Л.В. Сагитова (Казань)

Р 76 Российский ислам как фактор укрепления межнационального и межконфессионального мира и согласия: материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к празднованию 1100-летия принятия Ислама Волжской Булгарией (г. Казань, 24–25 ноября 2022 г.) / Под ред. Л.В. Сагитовой. — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023 — 220 с

ISBN 978-5-94981-384-3

В сборнике публикуются доклады участников Международной научнопрактической конференции «Российский ислам как фактор укрепления межнационального и межконфессионального мира и согласия», приуроченной к празднованию 1100-летия принятия Ислама Волжской Булгарией (г. Казань, 24–25 ноября 2022 г.). Книга представляет интерес для исламоведов, историков, социологов, политологов, преподавателей гуманитарных дисциплин, студентов, государственных служащих, и всех тех, кто интересуется религиозной проблематикой.

ISBN 978-5-94981-384-3

УДК 297+316+94 ББК 86.38+60.5+63.3(2)

© Авторы, 2023

- © Общественная палата Республики Татарстан, 2023
- © Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственные слова

Зорин В.Ю.	6
Валеева З.Р.	13
Альмуханов Н.И.	18
Секция 1. Ислам как значимый фактор евразийского)
пространства: историческая ретроспектива,	
советское наследие, постсоветская трансформация	
и актуальные вызовы современности	
Сагитова Л.В. Реисламизация и политика	
идентичности современного Татарстана	21
Гузельбаева Г.Я. Ислам и государство в Республике Татарстан: взаимодействие	
религиозных и светских структур	33
Колчерин А.С. Христианско-мусульманский диалог	
в Республике Татарстан как один из факторов укрепления	
межнационального и межконфессионального	
мира и согласия	46
Мчедлова Е.М. Ислам в эпоху трансформаций:	
новые образы и идеалы	52
Али-заде А.А. Вклад мусульманских религиозных	
и общественных деятелей в развитие добрососедских	
отношений между Россией и Азербайджаном	62
Магомедов А.К. Ислам на российском Крайнем Севере: конструктивная роль новых общин в формировании	
идентичностей полярных регионов	67
* *	

Акаев В.Х. Ислам на северном Кавказе: традиции, активизм и динамика
Бикбулатова А.Р. Религиозная ситуация в Кыргызстане и тенденции развития
Бегалинова К.К. Казахстан – центр межконфессионального согласия
Секция 2. Российское исламское образование, духовные институты и идентификационные процессы среди мусульман России и стран СНГ в контексте формирования общегражданского единства
Абдулагатов З.М. Особенности исламского образовательного процесса дагестанцев
Солодовник Д.М. Отечественное исламское образование: достижения и современные вызовы
Алмазова Л.И. Современное исламское образование в Республике Татарстан через призму теории транслокальности: внешние вызовы
и кризис идентичности
империи или «мусульманский вопрос» изнутри
о себе в исламе в нарративах современных мусульманок
Хузина А.Х. Вклад татар в строительство мусульманских институтов Семипалатинска XIX века и развитие города 149

Секция 3. Риски религиозной радикализации и экстремизма в современной России: социальные основания, поиск путей профилактики и раннего предупреждения

Денисенко П.А. Теоретические основы информационной базы исламского радикализма и экстремизма	160
Яхьяев М.Я. Превращенные формы исламских феноменов как идеологическая основа экстремизма и терроризма	169
Гайнутдинов И.И. Взаимодействие государства и религиозных организаций как фактор преодоления духовно-нравственного кризиса молодежи	178
Хабутдинов А.Ю. Опыт мониторинга по анализу современного состояния российской уммы и исламского радикализма в субъектах Российской Федерации	181
Ахметкаримов Б.Г. Конфликтогенные факторы в современном мусульманском сообществе Республики Татарстан	192
Мухаметзарипов И.А. Практики урегулирования споров в религиозных сообществах на примере Татарстана	199
Сафиуллина-Ибрагимова Р.Р. Кризисная психология в период проведения специальной военной операции и мусульманское сообщество	208
Резолюция конференции	216

Приветственные слова

Приветственное слово Председателя комиссии Общественной палаты Российской Федерации по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений В.Ю. Зорина

Добрый день! Очень рад здесь быть. Спасибо за приглашение. Тем более, что в этом зале действительно, как сказал мой коллега по Комиссии ОП РТ, которую он здесь возглавляет -А.Г. Большаков, здесь много знакомых лиц с которыми мы много уже лет сотрудничаем и работаем, находим оптимальную модель государственно-религиозных отношений, оптимальную модель религиозных отношений, оптимальную модель того, что в научном языке называется – этнополитика, этнополитология. Мы с вами являемся не только людьми, которые реализуют эту политику, но мы в каком-то смысле ее творцы. Потому что тот практический опыт (а наша конференция называется научно-практическая конференция) тот практический опыт, который мы нарабатываем из жизни и рекомендации науки, сидящих здесь участников, политических деятелей, он позволяет нам сказать, что ту модель государственной национальной политики, которая существует на сегодняшний день, мы создавали все вместе.

Три основных фактора государственной национальной политики: это власть во всех её проявлениях, это институты гражданского общества во всех формах, это конечно наша наука, наши эксперты, наши учёные, без которых мы тоже не двигаемся вперёд. Это очень важно. Их недооценка неоднократно приводила к серьезным политическим кризисам, угрожавшим целостности российского государства, как такового.

В период 1990–2000-х гг. нашему государству пришлось решать сложный комплекс межнациональных межконфессиональных проблем, который сложился ещё в советскую эпоху. В результате только путём уступок, компромиссов и даже силового

решения отдельных конфликтов удалось сохранить основные институты государства и его территориальную целостность.

Совсем недавно, несколько дней назад в Москве завершила свою работу Всероссийская научно-практическая конференция «Россия: единство и многообразие», приуроченная к 10-летию деятельности Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям и реализации стратегии национальной политики. Всего в конференции в очно-заочном формате приняли участие более 12,5 тыс. человек, прозвучало более 250 докладов. Наш второй со-модератор, Л.В. Сагитова, выступала там, участвовал наш председатель и представитель Государственной Думы И.И. Гильмутдинов, и многие представители Татарстана, потому что действительно нам было что рассказать и о чем поговорить.

Открывая пленарное заседание, заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации Магомедсалам Магомедалиевич Магомедов подчеркнул, что вопрос реализации национально-государственной политики относится к числу наиболее приоритетных и важных для страны. Решение президента России принято в 2012-м году, откуда мы 10 лет отсчитываем – стали основой для последующих преобразований, которые послужили началом фундаментальных изменений в реализации современной национальной политики. В Стратегии национальной политики РФ, которая рождалась в результате широкого обсуждения, дискуссии, отражена форма межнационального согласия современной России Она одновременно выступает ориентиром практической деятельности, как институтов государства, так и институтов гражданского общества. Это формула звучит так: «Укрепление единства российской нации на основе сохранение и развития этнокультурной самобытности народов России». Я процитировал Магомедсалама Магомедова. Еще хочу процитировать В.В Путина, который направил приветствия участникам, гостям и организатором нашей конференции, что само по себе символично и важно. В своем приветствии, Президент РФ ещё раз подчеркнул важность мирных, созидательных, межнациональных отношений. Он сказал буквально следующее: «В нашей стране на протяжении веков в мире и дружбе живут представители разных национальностей. Традиции добрососедства и взаимоуважения, исторический опыт межкультурного взаимодействия, гордость и общее достояние межрелигиозного согласия, укрепление единства, сохранение многообразия обычаев, языков, самобытных культур – в числе неизменных значимых ключевых приоритетов».

Образование Совета по межнациональным отношениям стало началом нового этапа нашей деятельности. На протяжении десятилетия последовательно возрастала общественная вовлеченность в эти процессы. Тысячи общественных организаций, которые работают в сфере национальной политики, мы их насчитываем около 30 000, есть еще не зарегистрированные. Это большая армия активных людей, которые заинтересованы в укреплении нашего единства. Кроме того, в стране действуют 32 000 религиозных объединений и организаций. Это данные Минюста на сегодняшний день. Члены Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по гармонизации межнациональных и религиозных отношений вместе со всей Общественной палатой активно участвуют в работе с этими организациями. Ещё хочу подчеркнуть, что эти 32 000 представляют 62 номинации. Тема этноконфессиональных отношений была включена в программу Майских указов Президента 2012 года и продолжает оставаться в центре внимания на самом высоком уровне сегодняшнего дня.

На протяжении 2010-х годов основными инновациями в сфере государственно-национальной политики стали: становление и восстановление этнокультунрного суверенитета РФ; возвращение государства в сферу этнополитики. Вся проведенная работа сказалась позитивно на межнациональном климате в стране, профилактике экстремизма и терроризма. Можем констатировать, что проведенная работа органов власти, гражданского общества, научного сопровождения, я уже подчеркивал эту триаду, за эти годы несут положительную динамику: меньше стало конфликтов, проявления ксенофобии языка, вражды в медиа пространстве, особенно в публичной сфере.

Завершая этот небольшой экскурс в новейшую историю, следует подчеркнуть: наша научно-практическая конференция «Российский ислам, как фактор укрепления межнационального и межконфессионального мира и согласия» проходит на хорошем

фоне. Буквально вчера состоялось заседание Валдайского клуба, на котором участвовали участники и присутствующие на нашей конференции специалисты. Развернувшаяся в стране работа по подготовке законодательных актов в развитии конституционных поправок, очередная годовщина принятия федерального закона о свободе совести религиозных объединений — также хороший повод оценить эффективность созданной в России модели взаимодействия религиозных организаций и государства. Тем более практически все страны, которые связаны генетически с европейской цивилизацией, ее ценностями столкнулись с похожими проблемами в религиозной сфере.

Хотелось бы напомнить, что участники Валдайского клуба отмечали, и мы согласны с этой оценкой, что Республика Татарстан традиционно объединяет множество культур, традиций. Представители более 130 национальностей живут здесь в мире и согласии, здесь встречаются Восток, Запад, Европа и Азия. Именно у этих людей есть чему нам поучится, когда мы говорим о единстве. Я думаю, что мы все готовы подписаться под этим.

Общественная палата РФ постоянно занимается этой проблемой. Сейчас у нас 7 созыв завершается, и все эти годы мы исходим из того, что Россия многонациональное и многоконфессиональное государство. Только с помощью конструктивно налаженного диалога мы можем победить религиозное невежество, экстремизм, вербовку в террористические группировки и способствовать гармонизации межрелигиозных отношений и стабильности нашего общества. Наша модель межрелигиозного сотрудничества и действующие российские законы не позволяют гражданам России, нашему обществу неуважительные высказывание о вопросах веры, убеждений людей в России. В сфере заботы нашей комиссии действует только 30 000 этнокультурных образований НКО, а по данным Минюста 32 000 религиозных объединений и 62 номинации.

Я хочу подчеркнуть, что конечно, ключевой темой, с учетом нашей научно-практической конференции, является роль ислама и еще, может быть, нельзя не говорить в этой связи о православии, в контексте данной территории, нашей России — это две крупнейшие религии в нашей стране. Ценности этих религий за-

ложили фундамент нравственных ориентиров гражданского общества и сегодня стали ориентиром для формирования правой системы и воспитания подрастающего поколения в духе уважения к родной стране, ее истории.

В России на сегодняшний день различные религиозные объединения, создаваемые некоммерческие организации активно взаимодействуют с государством по широкому спектру ключевых общенациональных задач. Такое плодотворное сотрудничество востребовано в делах благотворительности, делах молодежи, реализации масштабных программ в сфере культуры, образования, просвещения. Трудно переоценить вклад религиозных объединений в сбережении нашего исторического наследия, непреходящих духовно-нравственных семейных ценностей, их вклад по усилению и сохранению единства и общественного согласия. Именно эти задачи были сформулированы недавно в указе Президента о мерах по сохранению, укреплению духовно-нравственных ценностей нашего народа. Взаимодействие верующих имеет огромное значение, происходит взаимное культурное обогащение, обмен мнениями, это не только внутренний вопрос, это вопрос международной политики по актуальным вопросам современности и поиска опорных точек для совместного решения задач национальной, культурой и межгосударственной этнокультурной политики.

Можно с уверенностью сказать, что религиозная вера послужила формированию уникальной культуры наших народов, обладающих неповторимом колоритом, и легла в основу национальной идентичности граждан многих стран. И сегодня религиозная вера является источником вдохновения, искренних устремлений множества людей, нацеленных на обеспечение благополучия, процветания родной страны.

Одним из факторов признания наших религиозных объединений является то, что государство недавно приняло решение о распространении на них различных льгот при регистрации, при взимании налогов, при всем комплексе проблем, которые распространялись только на НКО, связанные с участием в реализации конкретных программ государства. У нас тут 2 реестра таких: Министерство юстиции и Министерство экономики. Сейчас на-

ши организации там представлены, активно работают по включению в эти реестры, для того чтобы получать государственную поддержку. Это знак особого признания обществом, государством той роли религиозных организаций, которую они сыграли в сложнейший период пандемии, в сложнейший период организации работы по поправкам в Конституцию РФ. Вы знаете, что в 2020 году, мы внесли впервые несколько существенных записей в статью 114, где провозглашена роль и право институтов гражданского общества участвовать в выработке государственной политики. Впервые в нашей Конституции появилось упоминание Бога. Этого никогда раньше не было. В статьях 68, 67, 69 закреплено наше этнокультурное многообразие. И конечно огромную роль сегодня играют религиозные организации на внешнеполитическом поле. Они активно участвовали в благотворительных мероприятиях в Сирии, неоднократно выезжали туда с гуманитарной помощью. Сейчас мы все вместе активно содействуем интеграции новых субъектов России, недавно был проведён референдум, кстати тоже по инициативе Общественных палат, институтов гражданского общества, которые государство поддержало.

Благодаря грамотно выстроенной религиозной политике общество надежно защищено от идей псевдорелигиозного и религиозного радикализма. Отрадно, что государство стремится сохранять многовековое, духовное наследие наших ведущих конфессий, ислама, который мы часто называем — российским. Об этом ярко свидетельствуют и мероприятия, посвященные 1100-летию принятия ислама на территории Волжской Булгарии. Не мне рассказывать, какая здесь проведена большая работа, какое внимание мы уделяем этим проблемам.

О роли российского ислама в деле укрепления межнационального и межконфессионального мира сегодня мы еще будем говорить много. Я думаю, наша конференция рассмотрит различные аспекты этого важного направления в нашей деятельности. Мы думаем, что обмен опытом властей и общественности, который состоится на этой площадке, особенно востребован в наши дни и будет способствовать укреплению традиционно добрых отношений между народами, развитию взаимодействия в социальной и гуманитарной сфере. Подчеркиваю, что это имеет большую важность в наши дни, когда традиционные культуры и духовные ценности находятся под прицелом внешних сил, агрессивно продвигающих в мире циркулярную идеологию и формирующих новую релятивистскую культуру, отрицающую в первую очередь религиозность и семейные ценности.

Что еще хотелось бы отметить? Ситуация, которая складывается вокруг нашей страны в связи со специальной военной операцией, актуализировала целый ряд задач, имеющих отношение к государственно-национальной политике на фоне того, что Россия подвергается небывалым информационным, санкционным атакам. В связи с этими вызовами растёт запрос на мобилизацию и упрочнение единства. Особо актуальным становится усиление ответственности, эффективности, внимания власти и гражданского общества к недопущению проявления дискриминации прав людей на национальной и религиозной почве. Хотелось бы выразить признательность властям Республики Татарстан, Общественной палате РТ, лично З.Р. Валеевой за эту важную инициативу проведения Международной научно-практической конференции. Это очередной совместный вклад в укрепление содружества наших народов, согласия и взаимопонимания. Уверен, что впредь мы продолжим общими усилиями защищать историческое пространство мирного диалога и сотрудничества между нашими народами и будем дальше поддерживать диалог, взаимодействие с российским исламом. Это очень важно для нас.

Разрешите от имени комиссии Общественной палаты РФ по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений, Президиума Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям еще раз поприветствовать участников конференции. Пожелать плодотворной работы, полезной дискуссии и хороших рекомендаций.

Приветственное слово Председателя Общественной палаты Республики Татарстан *3.Р. Валеевой*

Дорогие участники конференции — представители органов федеральной и республиканской власти, научно-образовательных учреждений, экспертного сообщества, наши гости из регионов Российской Федерации, стран СНГ, дальнего зарубежья!

Мы рады приветствовать вас на международной конференции, поблагодарить за то, что вы нашли возможность приехать в Казань, участвовать в работе конференции. Нам хотелось, чтобы общение шло не только в виртуальном пространстве, чтобы все мы могли обсудить актуальные темы в личном контакте, и главное, чтобы вы смогли конкретно увидеть наши практики, которые сегодня реализуются в республике. Хотелось бы, чтобы научные наработки гуманитарной сферы больше внедрялись в жизнь, и, по возможности, практический опыт Татарстана пригодился и в регионах России и в зарубежных странах.

С учетом трудностей этого года для нашей страны мы невольно обращаемся к теме, которая волнует всех в связи с тем, что наши сограждане принимают участие в СВО, вместе с ними мы тоже переживаем испытания.

Сегодня мы заняты поиском лучшего опыта, новых практик, которые помогали бы жить и работать в мире и согласии. Причем в мире, одинаково комфортном для всех. В мире, в котором нет места экстремистским, фашистским идеологиям. Для этого мы стремимся преподнести участникам конференции и мировому сообществу полезный опыт, в том числе и плоды наших неустанных исканий лучших практик.

С этими поисками и надеждами связано празднование 1100-летия официального принятия ислама Волжской Булгарией. Оно проводилось при непосредственном участии руководства и общественности Татарстана в соответствии с распоряжением, подписанным Президентом Российской Федерации В.В.Путиным. Мы это расценили как огромное доверие и большие возможности для дальнейшего развития общественной жизни и гуманитарной сферы современного общества.

Были приняты и федеральный и республиканский планы по проведению этого праздника, отражающего глубокие корни и духовное единство многонационального и многоконфессионального российского общества. Это более 70 мероприятий на федеральном уровне, около 80 мероприятий на уровне республики. Это большой комплексный план действий! Его реализация потребовала серьезных усилий и органов государственной власти, и общественных структур. Среди них хочу выделить Духовное управление мусульман и представителей других религиозных конфессий. Это крайне важная особенность, которой мы придаем значение: все, что мы делаем, делаем вместе.

Хочу привести вам несколько примеров, таких инфраструктурных, серьезных объектов, которые в этом году были заложены: строительство Соборной мечети в Казани в год 1100-летия со дня принятия ислама Волжской Булгарией. Надо сказать, что это громадный комплекс, включающий библиотеку, выставочно-лекционные залы, многие другие структуры; это восстановление исторического облика - как комплекса зданий мусульманской мечети и медресе в Москве; это закладка и начало строительства ярмарочной мечети в столице Поволжского округа в Нижнем Новгороде; торжественное открытие историко-культурного комплекса Болгарская Застава, расположенного на территории муниципального образования Старомайнского района Ульяновской области; это открытие нового комплекса Российского исламского университета в Уфе; это строительство здания общежития, административного корпуса, надземного перехода, завершение реставрации, реконструкции и открытие комплекса знаменитого исторического медресе «Мухаммадия» в Казани и очень много другого.

В одном выступлении невозможно перечислить все пункты программ и проектов. Но надо сказать о переиздании редчайших рукописных памятников исламской культуры Болгарского периода, проведение научной конференции.

В составлении этих планов и в их реализации, конечно, самое активное участие принимали как религиозные общественные организации, так и такие образовательные и воспитательные структуры, как фонд «Сэлэт» и многие другие. То есть все институции,

в том числе и Общественная палата Татарстана, были задействованы в подготовке и принятии планов, проведении мероприятий.

Республиканская Общественная палата, как консультативный орган, стала площадкой для обсуждений центральных тем и ретранслировала властным структурам те вопросы, которые необходимо решать. Мы, как институт гражданского общества, старались обобщить и применить лучшие практики, которые сегодня разработаны.

Хочу сказать еще об одном значимом мероприятии, которое было проведено ранее. Весной этого года состоялся Круглый стол «Принятие ислама Волжской Булгарией в формировании поликонфессиональной среды и культуры диалога современного российского Поволжья», подготовленный Комиссией Общественной палаты Татарстана, которую возглавляет наш модератор А.Г. Большаков. Состоялся очень содержательный разговор, в ходе которого были подготовлены рекомендации. И, конечно, в ходе сегодняшней Конференции, мы рассчитываем получить полезные предложения по важным вопросам.

Надо признаться, имеющийся у нас опыт требует научного осмысления, потому что выполнение задач по празднованию дат такого масштаба как 1100-летие принятия ислама Волжской Булгарией, в нашей стране осуществляется впервые. Поэтому нас волнует закрепление, продолжение и развитие того опыта, который сегодня сложился.

Действительно, у нас глубокая история, у нас есть на что оглянуться и где заимствовать хороший опыт, но современные реалии требуют и нового наполнения, возможно, новых подходов. И в этом плане российский ислам тоже демонстрирует свои возможности, как творческие, так и научные, именно как фактор межрелигиозного согласия, межконфессионального сотрудничества и взаимодействия. Поэтому я думаю, что наша конференция — одно из свидетельств, прежде всего, именно этой стороны ислама.

Я благодарна за то, насколько серьезно наши коллеги отнеслись к проведению конференции, потому что темы докладов содержательные, очень интересные и важные, на мой взгляд. Надеюсь, что предстоит серьезный, открытый разговор.

Примечательно, что участники нашей конференции приняли участие и в форуме Валдайского клуба. Это также знаковое событие для республики, потому что это известный международный клуб, авторитетный и то, что местом проведения своей дискуссии они выбрали Казань, говорит о доверии к экспертному сообществу республики.

Когда люди приезжают в наш город, они не могут не обратить внимания на наши обычаи и особенности Казани. Я вам скажу, что это – наша историческая специфика, с одной стороны, но в то же время это и те особенности, традиции которых продолжают наши современники. Хочу вам напомнить одну цитату А.И. Герцена, который, побывав в Казани в 1835 году, написал: «Казань некоторым образом главное место, средоточие губерний, прилегающих к ней с юга и востока: они получают чрез нее просвещение, обычаи и моды. Вообще значение Казани велико: это место встречи и свидания двух миров. И потому в ней два начала: западное и восточное, и вы их встретите на каждом перекрестке, здесь они от беспрерывного действия друг на друга сжались, сдружились, начали составлять нечто самобытное по характеру».

Действительно, единство этих начал нечто самобытное не только по характеру, но и абсолютно самоценное, актуальное для новых поколений. И мы этой самоценностью очень дорожим, стараемся ее приумножать.

В республике выстроена системная работа, налажено плодотворное взаимодействие, как уже подтверждали предыдущие выступающие. На мой взгляд, сейчас этот опыт особенно востребован.

Есть у мусульман такая традиция — никах — это процедура исламского бракосочетания. Молодым читают молитву в честь никаха, им дают в красивой посуде сладкую воду, чтобы каждый из них взял в рот сладкой воды, как символ будущей сладкой жизни. В это время гости тоже очень волнуются, они все становятся участниками, потому что это такая традиция, когда он и она идут вдоль стола и каждый тоже может попробовать эту воду. Обычай называется «Никах Янарту». Это обновление своего никаха — бракосочетания, когда каждый вспоминает лучшие минуты счастья семейной жизни.

Людям эта традиция очень нравится, она дает какие-то новые чувства, обновляет их, заставляет думать больше о ценностях человека, семьи, дорожить друг другом.

Что я хочу сказать этим этнографическим отступлением? Такого рода встречами, серьезными обсуждениями мы, живущие на общей земле, на стыке двух миров, также в какой-то мере запускаем некий процесс «янарту», обновления. А самое главное, мы хотим поделиться тем, что каждый пережил на практике, наш опыт и наработанные возможности для всестороннего использования. Мы делаем это от всей души и надеемся, что такие деяния дают еще больше взаимопонимания, еще больше внимания друг к другу.

Наверное, сегодня нет важнее задачи, чем взаимопонимание, особенно когда из глобального диалога уходят понятия сосуществования, дружбы, взаимодействия, взаимопомощи. Опыт этот положительный, безграничный по своим возможностям, и очень хотелось бы, чтобы им могли воспользоваться добрые соседи и партнеры по созиданию будущего.

Хочу еще раз сказать: мы очень вам всем благодарны! Мы надеемся, что вы увезете с собой теплые чувства и светлые мысли, почерпнув что-то полезное для себя из содержания наших дискуссий.

Мы как организаторы этой конференции все делали при поддержке правительства, руководителя нашей республики Рустама Нургалиевича Минниханова, благодаря этому наша конференция была включена в план этого года со всеми вытекающими отсюда последствиями и необходимой координацией усилий. Как известно, наша республика имеет хороший опыт проведения форумов, а Общественная палата Татарстана наработала опыт совместной работы с Общественной палатой РФ и с Комиссией, которую возглавляет Владимир Юрьевич Зорин.

Обычно говорят, что если все хорошо, то это наша заслуга, если есть какие-то вопросы, то есть и другие организаторы. В данном случае, мы искренне заинтересованы в успехе конференции. Мы серьезно готовились, и очень надеемся, что для специалистов, к докладам которых мы сейчас переходим, это будет интересно, и мы очень много полезного почерпнем и из вашего опыта. Спасибо большое!

Приветственное слово Руководителя Управления по делам религий города Астаны *Н.И. Альмуханова* (Республика Казахстан)

Добрый день, участники конференции!

От имени акима столицы Республики Казахстан хочу поприветствовать организаторов и выразить благодарность за приглашение делегации из Казахстана, а от себя лично, хочу сказать, что для меня большая честь быть участником Международной конференции «Российский ислам как фактор укрепления межнационального и межконфессионального мира и согласия», посвященной 1100-летию принятия Ислама Волжской Булгарией!

Перед тем как начать свой доклад, хочется отметить актуальность данной темы, поскольку Ислам – имеет большое значение в конфессиональной и религиозной палитре, как Республике Казахстан, так и в Российской Федерации.

Ислам — самая распространенная религия среди верующего населения Казахстана. Согласно результатам проводимых социологических исследований, более семидесяти пяти процентов жителей страны являются мусульманами. В преамбуле Закона РК «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским государством, подтверждает право каждого на свободу совести, гарантирует равноправие каждого независимо от его религиозного убеждения, признает историческую роль ислама ханафитского направления и православного христианства в развитии культуры и духовной жизни народа, уважает другие религии, признает важность межконфессионального согласия, религиозной толерантности и уважения религиозных убеждений граждан.

Сегодня в нашей стране функционирует две тысячи семьсот тринадцать мечетей. Возглавляет мусульманскую общину Духовное управление мусульман Казахстана, занимающееся вопросами религии. ДУМК следует установлениям суннизма ханафитского мазхаба, который отличается своей толерантностью. Мусульмане, живущие соответственно правилам, изложенным в суннизме ханафитского мазхаба, мирно уживаются с представи-

телями, как иных направлений ислама, так и других конфессий. ДУМК, выстраивая свою деятельность на основе законодательства Республики Казахстан, как институт гражданского общества, выступает выразителем чаяний и нужд верующих.

Следует отметить, что в Казахстане создана собственная уникальная модель общества межэтнического и межконфессионального согласия, известная и признанная во всем мире как «казахстанский путь». Наша страна стала общим родным домом, под крышей которого в мире и согласии живут представители более ста этносов, исповедующих восемнадцать различных конфессий, действует около трех тысяч восьмиста религиозных объединений. Именно поэтому город Астана стала местом встречи и диалоговой площадкой Съезда лидеров мировых и традиционных религий, который убедительно продемонстрировал актуальность и необходимость воплощения идеи сотрудничества и единства представителей различных религий во имя мирной и достойной жизни людей всей планеты. На пленарном заседании Съезда Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев в своем выступлении отметил, что «Съезд свидетельствует о нашей общей заинтересованности в сохранении мира и укреплении межцивилизационного диалога. В эпоху перемен и неопределенности проведение Съезда приобретает особое значение, учитывая то, что Съезд стал одним из ключевых глобальных форматов межцивилизационного диалога.

Кроме того, необходимо отметить и празднование Дня духовного согласия, который ежегодно проводится 18 октября в Казахстане и призван объединить представителей религиозных объединений и этносов.

Казахстан, учитывая духовные и образовательные потребности своего народа, с 2016 года в общеобразовательных учреждениях ввел обязательный факультативный предмет – «Основы религиоведения», который преподается только для учеников 9-х классов. Данный предмет направлен на повышение общего уровня знаний обо всех религии и формирование у молодежи толерантного сознания, не приемлющего идей экстремизма и терроризма. Изучение религии в школе является одной из превентивных мер государства по борьбе с терроризмом. Исходя из достиг-

нутых показателей в знаний среди учащихся, в будущем планируется внедрить «Основы религиоведения» основным предметом в школах для учащихся 9–11 классов.

Однако, несмотря на положительные аспекты в сфере религии в Республике Казахстан, существуют определенные фрагментарные факторы риска, которые связаны с деятельностью радикальных культов и запрещённых в России и Казахстане религиозных организациях, использующих достижения современной цивилизации в деструктивных целях. В этой связи основным полем деятельности радикальных культов стал интернет, а мишенью – подростки и молодые люди.

Поэтому в новой цифровой реальности общей проблемой для россиян и казахстанцев становится вопрос о выявлении рисков радикализации молодежи и борьбы с деструктивными явлениями. В международном пространстве мы должны культивировать духовные ценности и нравственные ориентиры. Ведь, как известно, знания и образование без правильной системы воспитания молодого поколения не приведет человечество ко всеобщему прогрессу и благополучию.

В завершение хотелось бы подчеркнуть, что в условиях полиэтнического и поликонфессионального государства, каковыми является Республика Казахстан, мы видим, что Ислам отвергает агрессию, не приемлет радикализм, осуждает насилие, проповедует толерантность и умеренность.

Я благодарю вас за оказанную честь выступить на конференции. Такого рода мероприятия свидетельствуют о нашей общей заинтересованности в сохранении мира и укреплении межцивилизационного диалога. В эпоху перемен и неопределенности сегодняшняя встреча приобретает особое значение.

Мы надеемся, что данная конференция станет диалоговой площадкой для дальнейшего укрепления отношений между нашими странами.

Благодарю за внимание. Үлкен рақмет!

СЕКЦИЯ 1. Ислам как значимый фактор евразийского пространства: историческая ретроспектива, советское наследие, постсоветская трансформация и актуальные вызовы современности

УДК 316

РЕИСЛАМИЗАЦИЯ И ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ТАТАРСТАНА

Л.В. Сагитова

Статья посвящена анализу места и роли ислама в политике идентичности современного Татарстана. Проведенное, с использованием исторического и социологического методов исследование, позволяет проследить динамику проявления религиозного фактора: а) на уровне массового сознания татарского мусульманского сообщества; б) на идеологическом уровне. Последний включает деятельность политической и духовной элит региона, а также влияние внешней конъюнктуры (российская внутренняя и внешняя политика; исламская глобализация) на использование и интерпретацию исламского фактора.

Ключевые слова: этнический и религиозный факторы, реисламизация, регионализация, политика идентичности, Ислам, мусульмане, религиозная идентификация, политическая элита.

REISLAMIZATION AND IDENTITY POLICY OF MODERN TATARSTAN

L.V. Sagitova

The article is devoted to the analysis of the place and role of Islam in the identity politics of modern Tatarstan. The study, carried out using historical and sociological methods, allows us to trace the dynamics of the manifesta-

tion of the religious factor: a) at the level of the mass consciousness of the Tatar Muslim community; b) at the ideological level. The latter includes the activities of the political and spiritual elites of the region, as well as the influence of the external environment (Russian domestic and foreign policy; Islamic globalization) on the use and interpretation of the Islamic factor.

Keywords: ethnic and religious factors, re-Islamization, regionalization, identity politics, Islam, Muslims, religious identification, political elite.

Предисловие

Специфика российских регионов формируется действием этнокультурного и этноконфессионального факторов. Каждый из них по-своему проявлял себя в определенные периоды новейшей истории России. Так, в 1990-е гг. «волна национализмов» на постсоветском пространстве сопровождалась актуализацией этнического фактора. Начиная с 2000-х гг., его уход на периферию политических и идентификационных процессов на уровне национальных республик постепенно замещается усилением религиозной составляющей на личностном уровне людей и в жизни региональных сообществ. Названные культурные аспекты, представляя собой значимые ценности для этноконфессиональных групп, оказались в фокусе внимания политических акторов, которые используют этнический и религиозный факторы в формировании региональной политики идентичности

Развитие регионализации в России оказалось в фокусе внимания исследователей как в связи с идентификационными, политическими и этнополитическими процессами, обновлением федеративных отношений, так и в контексте переосмысления теоретико-методологических подходов в анализе названных явлений. Актуализация этнического и религиозного факторов создали сложный социально-политический контекст, в котором проявили себя и продолжают действовать сочетания интересов: федеральной и региональных элит; социальных, этнических и этноконфессиональных групп. В этих условиях происходят формирование многоуровневой идентичности, сочетающей гражданскую, региональную, этническую, религиозную и другие ее виды. Названные процессы находят осмысление в теоретических разра-

ботках таких авторов, как В.А. Ачкасов [Ачкасов], Л.М. Дробижева [Дробижева], И.С. Семененко [Семененко], В.А. Тишков [Тишков] и многих других. Научно-практические аспекты государственного строительства и национальной политики, значимость регионального компонента в многонациональном государстве анализируются в работах М.А. Астватацуровой и В.Ю. Зорина [Астватацурова, Зорин], Ю.В. Попкова [Попков] и др. В контексте представленной темы, связанной с политикой идентичности постсоветского Татарстана, важно отметить работы Л.М. Дробижевой и Р.Н. Мусиной проследивших динамику и сложную взаимосвязь гражданской, региональной, этнической и религиозной идентичностей на уровне этнических и этноконфессиональных групп татарстанского сообщества в течение последней четверти века [Дробижева; Мусина 2013].

В настоящей работе для нас важно выделить религиозную компоненту в динамике политики идентичности, формируемой татарстанской политической элитой за прошедшие 30 лет и проследить, как ее роль менялась в зависимости от общероссийской (политика федерального Центра) и внутриреспубликанской политической конъюнктуры. Последняя формировалась под влиянием интересов мусульман Татарстана и различных групп республиканской элиты.

Актуальность исследования связана с возросшей ролью религиозности на всем постсоветском пространстве. Наряду с этим, появляющиеся новые вызовы: исламская глобализация, использование религиозного фактора международными террористическими организациями — вызывает озабоченность политиков и научного сообщества. Названные проблемы получают отражение как в государственных программах, таких как «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», так и в экспертном дискурсе [Кашаф, Мчедлова]. Так, М.М. Мчедлова, акцентирует воздействие религиозного фактора на социально-политические процессы в российском обществе, прежде всего в ценностно-нормативном и институциональном аспектах, что оказывает влияние на формирование общероссийской идентичности [Мчедлова: 93–94].

Дрейф от этничности к исламу в Татарстане: политические и социальные детерминанты

Реисламизация в Татарстане, начиная с 1990-х гг., сочетает как движение «снизу», со стороны простых верующих, так и «сверху» со стороны власти. Для каждого из названных акторов характерны свои интересы. Для рядовых мусульман мотивация «возвращения» в ислам была связана, в первую очередь, с поиском основ новой солидарности, способной заменить разрушающуюся советскую идентичность и дать духовный оплот в сложный период социальной трансформации. Для политической элиты, формировавшей новую идентичность республики, ислам явился не только духовной исторической ценностью, но и осмысливался в инструментальном ключе – как значимый ресурс в контексте выстраивания отношений с международным сообществом (исламские страны Востока) и позиционированием региона в качестве «северного форпоста Ислама» в России. Это сочетание интересов создает сложную картину целей, смыслов, стратегий и тактик, как в конструировании политического дизайна Татарстана, в стратегии управления культурой, поддержания межэтнического и межконфессионального согласия в регионе, так и в стремлении находить адекватные ответы на вновь появляющиеся вызовы.

Религиозная и этническая идентичности, будучи тесно переплетенными в идентификационной структуре поволжских татар, меняли позиции, как в иерархии ценностей их носителей, так и в поле политики постсоветского Татарстана. Соответственно, В 1990-е гг. этнический фактор являлся стержневым в политике местной элиты, направленной на решение проблем этнокультурного развития, возрождения татарского языка и на формирование новой политической идентичности региона. Подписание Договора о разграничении полномочий между РФ и РТ (1994г.), решение этноязыковых проблем на республиканском уровне нейтрализовало болезненные темы этнокультурной сферы. Наряду с этим, усиление, начиная с 2000-го года, курса федерального правительства на централизацию стимулировало отход этнического фактора на периферию политических процессов.

Новый этап сопровождается выходом на первый план ислама в региональных идентификационных процессах. Если в 1989 г. в республике было 18 мусульманских общин, то к середине 1990-х их число увеличилось до 700, к 2001 г. – стало около 1000; десятилетие спустя их количество составило 1285¹; в 2017 г. – 1430 мечетей². По данным 2022 г. в Татарстане работает 1488 мечетей. Централизованная религиозная организация – Духовное управление мусульман РТ включает в себя: 10 казыятов, 48 районных мухтасибатов, 1560 зарегистрированных приходов, 8 медресе. ДУМ РТ последовательно развивает исламскую образовательную систему: является учредителем Казанского исламского университета, средних общеобразовательных школ «Усмания», «Нур» и «Ихсан» и соучредителем Российского исламского института и Болгарской исламской академии, в которых обучаются 3852 шакирда, и трудятся 283 преподавателей. На территории Татарстана функционируют 690 примечетных курсов по основам ислама и религиозному воспитанию, где обучаются свыше 12 250 шакирдов, и работают 1450 преподавателей. Кроме того, под методическим руководством ДУМ РТ осуществляют свою деятельность Комитет по стандарту Халяль, Фонд «Вакф РТ», официальный хадж-оператор в Татарстане «ДУМ РТ Хадж», Благотворительный фонд «Закят», Издательский дом «Хузур»³.

Положительную динамику ре-исламизации подтверждают данные социологических опросов. Так, если в 1980-е гг. верующими себя признавали 16% татар-сельчан, в 1990 г. — 34%; в 1994 г. — 86% сельчан; в 2011—2012 гг. — до 90% сельчан [Мусина 1997: 212]. Среди татар-горожан, соответственно: в 1990 г. — 34%; в 1994 г. — 66%; в 2013 г. — 84% [Мусина 2014: 60].

 1 Данные Совета по делам религий при Кабинете министров РТ на 2011 г.

² Данные Духовного управления мусульман РТ. URL: http://dumrt.ru/ru/about-us/obschaya-informatsiya/ (дата обращения: 05.06.2017).

³ Данные Духовного управления мусульман РТ. URL: http://dumrt.ru/ru/about-us/obschaya-informatsiya/ (дата обращения: 24.12.2022).

В поле политики в 1990-е гг. ислам репрезентировался национальными движениями РТ как важная составляющая этнической идентичности татар⁴. Начиная с 2000-х гг. ислам и исламские институты приобретают все большую самодостаточность. В формировании исламского дискурса в Татарстане важную роль играют различные группы элит. Содержательное и идеологическое направление задает татарская интеллектуальная элита. Формируемая ею рамка соединяет этничность, религию и политику. Известный ученый-исламовед Р.М. Мухаметшин, характеризуя этап развития исламского дискурса 1990-х и начала 2000-х гг. писал о том, что татарские интеллектуалы описывали проблемы современного мусульманского сообщества в Татарстане в рамках модернизационного подхода, апеллируя к тому, что ислам, наряду с традиционными семейными ценностями, стал важнейшим элементом этнического самосознания и идеологического осмысления современной действительности в татарском сообществе [Мухаметшин: 165].

Примечательно, что легитимация религии с конца 1980-х гг. в Татарстане привела к реанимации идей «джадидизма» – реформаторского мусульманского движения татар XIX в., целью которого была адаптация ислама к условиям либерального, индустриального общества. Лидер этого интеллектуального движения, экссоветник первого президента РТ М.Ш. Шаймиева и ученый Р.С. Хакимов связывает значимость джадидизма для современных, вполне уже модернизированных татар с поиском их места в мировом сообществе и в поликонфессиональной России. Идеологический смысл актуализации идей джадидизма можно выразить в нескольких аспектах. Первый из них связан с противостоянием исламскому фундаментализму, риски которого несет с собой исламская глобализация. Второй – связан с функцией «культурного товара» в репрезентации татар внешнему миру: так Р.С. Хакимов считает, что сегодня нет каких-либо иных достижений кроме джадидизма, с которыми татарам можно было бы выходить на

⁴ По мнению экспертов, появление первых религиозных институтов в республике в «период легализации» ислама у поволжских татар — результат деятельности этих организаций. См.: [Мухаметшин: 162].

широкую международную арену [Хакимов: 21]. Мыслится, что соединение религиозного и светского в джадидизме несет в себе потенциал гармоничной интеграции татар-мусульман в российское и европейское сообщества. Тем самым подчеркивается и специфика исторического развития татар от закрытой мусульманской общины – к модернизированной, высокоразвитой нации, открытой для коммуникации с максимально возможным спектром стран и народов. Третий аспект связан с ролью татар, и, соответственно, Татарстана в качестве региона-посредника с мусульманским Востоком в контексте внешнеполитических связей России, что особенно актуально в обстановке напряженности со странами Запада в последние годы.

Приведенный дискурс современных татарских интеллектуалов характерен в большей мере для ее светских представителей, социализировавшихся в условиях советского атеизма. Другая часть татарской интеллигенции, глубинно включенная в мусульманское сообщество, не разделяет интерпретации джадидизма в качестве «татарского ислама» и говорит о неправомерности такого подхода, особенно в контексте возрождения национальных исламских традиций. Ее представители акцентируют модернизационную ипостась реформаторского течения, говоря о том, что для татарской интеллигенции и национальной буржуазии джадидизм всегда был не «прогрессивным исламом», а интеллектуальной и идеологической силой, способной вывести татарское общество на более современный этап развития⁵.

Однако именно светская интерпретация ислама в качестве «джадидизма» была использована властной элитой в формировании современного имиджа Татарстана. «Мирный характер татарского ислама», «паритетность сосуществования христианства и ислама на территории республики» — идеологемы, которые можно интерпретировать как хорошо продающийся «товар» на внутреннем и внешнем рынке. Особую популярность в дискурсе вла-

⁵ Рафик Мухаметшин: «Мы должны воссоздать свою уникальную богословскую школу». URL: https://sntat.ru/news/rafik-muhametshin-my-dolzhny-vossozdat-svoyu-unikalnuyu-bogoslovskuyu-shkolu-5625395 (дата обращения: 15.06.2017).

сти и татарских интеллектуалов приобрела метафора: «Татары – «передаточное звено», или «мост» между Западом и Востоком». Эти формулы декларируются официальной властью республики в качестве основы стратегии развития поликонфессиональной территории. Декларируемая таким образом идентичность и стратегия развития республики позволяет эффективно расширять круг потенциальных партнеров на международной арене и выстраивать экономическое и культурное взаимодействие; формировать символический капитал на российском и международном уровнях и успешно лавировать в постоянно меняющейся политической конъюнктуре международных отношений, в которые включена Россия

Исламская глобализация в контексте рисков и внешнеполитической конъюнктуры федерального центра

Наряду с тем, что ислам является для региональной власти одной из базовых составляющих идентичности региона, он связан и с рисками, формируемыми исламской глобализацией, которые могут привести к нивелированию и утрате исторически сложившейся исламской теологической традиции татар; внести раскол в мусульманскую умму Татарстана, а также привести к формированию мусульманских сект экстремистской направленности.

В данном контексте важно иметь в виду, что реальные последствия политики в религиозной сфере во многом зависят от представлений и ориентаций политической элиты и татарского духовенства. Так, властная элита республики связывала процесс реисламизации с возвращением «татарского ислама», возвращения в общество исторически сложившихся в регионе традиций и ценностей, которые в течение многих веков способствовали формированию приемлемых для поликультурного общества внутриконфессиональных и межконфессиональных отношений⁶. Руководство ДУМ РТ больше склонялось к арабизированной

⁶ Мухаметшин Р.М. Внутриконфессиональные разногласия в мусульманском сообществе современного Татарстана. Рукопись доклада на Круглом столе «Ислам в условиях глобализации: российский и мировой контексты». Казань, 19 октября 2012 г. С. 2.

версии ислама. Эта разновекторность проблематизировалась властью: в 2009 г. президент РТ М.Ш. Шаймиев отмечал: «Процесс возвращения традиций в татарское общество пока не стал духовно консолидирующим фактором. Напротив, мы видим, что в отношении к традициям поляризация представлений всё больше и больше углубляется»⁷.

Стремление нейтрализовать поляризацию внутри мусульманской уммы в республике и устранить влияние салафитских течений стимулировало руководство республики, в союзе с духовенством и исламскими интеллектуалами, озаботиться проблемой подготовки своих, ориентированных на татарское исламское наследие духовных кадров. Замещение местных имамов зарубежными наставниками – логическое следствие 70-летней политики атеизма, уничтожившей институциональную систему ислама в России. Именно это обстоятельство играет ключевую роль в усилении влияния исламской глобализации. Уже во второй половине 1990-х гг. мусульманское сообщество Татарстана и региональная власть стали воспринимать дефицит духовных кадров как проблему. Наличие исламских медресе не решало вопрос их дефицита и качества, поэтому в 1998 г. в Казани был открыт Казанский исламский университет (с 2009 г. – Российский исламский институт, РИИ), а в 2017 г. при активном участии региональной и федеральной власти была открыта Болгарская исламская академия (БИА). БИА позиционируется политической и духовной мусульманской элитами в качестве центра возрождения татарской теологической школы в противовес традициям зарубежных исламских центров. Их апелляция к кураторской роли президента РФ В.В. Путина в отношении БИА выступает в качестве идеологического ориентира образовательного заведения: Раис РТ Р.Н. Минниханов, выражая благодарность главе государства, отметил, что «когда была озвучена идея создания исламской академии, (В.В. Путин – Л.С.) не только ее одобрил, он ее постоянно контролирует». Муфтий ДУМ РТ К. Самигуллин, подчеркивая роль дореволюционных татарских бого-

⁷ Там же. С.3.

словов в исламских странах, рассчитывает на восстановление поволжской теологической традиции⁸.

Помимо интенции к возрождению отечественного исламского богословия учреждение БИА содержит геополитическую прагматику. В контексте западных санкций, разворот России на Восток подкрепляется установлением культурных и экономических связей с исламскими странами. Татарстан в данной конъюнктуре играет роль влиятельного посредника в качестве региона с мусульманской составляющей. Так, на Всероссийском Форуме татарских религиозных деятелей «Национальная самобытность и религия» (2017 г.), Президент РТ, обращаясь к имамам татарских регионов России, подчеркнул: «Вы в своих регионах ведете работу по сохранению татарского языка, религии, народа, мы у себя ведем большую работу по налаживанию связей с арабским миром», подчеркнув при этом, что в эти дни завершилось заседание Стратегической комиссии «Россия – Исламский мир»⁹.

Заключение

Рост религиозного сознания в условиях девальвации советской идеологии среди населения Татарстана, поиск легитимного основания в формировании региональной идентичности в политическом пространстве новой России заставили политическую элиту республики обратиться к культурным маркерам в качестве основы региональной идентичности. При этом татарстанская власть показала себя умелым регулятором процесса реисламизации, когда стихийности процесса были противопоставлены контроль за мусульманскими общинами, участие в управлении их деятельностью посредством кадровой политики и организация контролируемого исламского образования. Говоря о факторах влияния на элиту важно отметить, что региональные управленцы взаимодействуют со всеми включенными в этот процесс группами элит: федеральные чиновники, научная и мусульманская ин-

^{8 «}Иншалла, из этой академии выйдут новые ученые, она станет минбаром единения». URL: https://www.business-gazeta.ru/article/346457 (дата обращения: 22.06.2017).

⁹ Там же.

теллигенция, мусульманское духовенство, силовые структуры. При этом исламский фактор умело используется ею в качестве товара для внешнего и внутреннего рынка. Позиционирование культурной отличительности региона, как части тюркского и исламского мира повышает ее ставки на уровне федерального центра в качестве «компетентного» и «своего» для исламских стран посредника в налаживании взаимодействия между Россией и Востоком.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Аствацатурова М.А., Зорин В.Ю. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: институциональный и инфраструктурный аспекты // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 263. М. 2018.

Ачкасов В.А. Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2012.

Дробижева Л.М. Российская и этнорегиональная идентичности в Татарстане от 1990-х ко второму десятилетию XXI в. // Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 65–69.

Кашаф Ш.Р. Вызовы национальной идентичности: мусульманский ответ, российский случай // Власть. 2015. №4. С. 107–115.

Мусина Р.Н. Ислам и мусульмане в современном Татарстане // Ислам в татарском мире: история и современность (Материалы международного симпозиума, Казань, 29 апреля – 1 мая 1996 г.). Казань, 1997. С. 211–219.

Мусина Р.Н. Религиозное возрождение у татар Татарстана: идентичность, религиозные практики, этноконфессиональные ценности и установки // Татары и ислам в регионах Российской Федерации: религиозное возрождение и этничность / Рук. проекта и отв. ред. Р.Н. Мусина. Казань: Изд-во «Артифакт». 2014.

Мусина Р.Н. Религиозное возрождение, этноконфессиональные отношения и проблемы интеграции общества: пример Татарстана // Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 107–139.

Мухаметшин Р.М. Татары и ислам в XX веке. Казань: Изд-во «Фэн», 2003.

Мчедлова М.М. Ислам и единство российского общества: современность и исторический опыт // Ислам в современном мире. 2015. № 11(1). С. 93–102.

Попков Ю.В. Национальная политика в России: целевые установки и региональные модели. // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 39–44.

Семененко И.С. Политика идентичности в условиях этнокультурного многообразия: новая повестка дня // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. С. 102–114.

Тишков В.А. Теория и практика многокультурности // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002. С. 331–350.

Хакимов Р. Кто ты, татарин? Казань, 2002.

Сагитова Лилия Варисовна, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань, Республика Татарстан, Россия; liliya sagitova@mail.ru

Sagitova Liliya V., Doctor of Political Sciences, Leading Researcher of the Department for Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

УДК 297

ИСЛАМ И ГОСУДАРСТВО В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ И СВЕТСКИХ СТРУКТУР

Г.Я. Гузельбаева

В статье анализируются отношения, которые сложились за последние 30 лет между государством и исламскими структурами в Республике Татарстан – регионе со значительной долей мусульманского населения. На основе данных 14-ти глубинных интервью с экспертами, имамами и рядовыми жителями республики показано, что светская власть играет доминирующую роль, осуществляя контроль над исламским сообществом и Духовным управлением мусульман. Современные процессы реисламизации связаны с рисками, вызванными исламской глобализацией, что может быть чревато утратой региональной исламской традиции и угрозой стабильности республики. В этих обстоятельствах государство усиливает контроль над религиозной сферой и ставит перед ДУМ РТ важную задачу нейтрализации и профилактики экстремизма. Основными способами преодоления радикализации верующих выбраны просветительская деятельность с особым вниманием к молодежи и образовательная работа прежде всего для подготовки и обучения мусульманского духовенства. Анализ ситуации позволяет сделать вывод, что ДУМ РТ сложно справиться с запросом служить буфером между светскими властями и исламским сообществом, реагируя на требования не только государства, но и рядовых мусульман.

Ключевые слова: ислам, ислам и государство, принцип светскости, постсекулярное общество, российский ислам, глобализированный ислам.

ISLAM AND THE STATE IN THE REPUBLICOF TATARSTAN: THE RELATIONSHIP BETWEEN RELIGIOUS AND SECULAR STRUCTURES

G. Ya. Guzelbaeva

The paper focuses on the relationships that have developed over the past 30 years between the state and Islamic structures and communities using the example of the Republic of Tatarstan as a region with a significant Muslim population. Based on the data of 14 in-depth interviews with the experts, imams and residents of Tatarstan, it is shown that the secular power controls the Islamic community and the Spiritual Administration of Muslims and plays a dominant role in the interaction between the state and Islamic organizations. The modern processes of re-Islamization are associated with the risks caused by Islamic globalization which may lead to the loss of regional Islamic tradition and threaten the stability of the Republic. The state has strengthened control over the religious sphere in this context and has charged the Spiritual Administration of Muslims of the Republic of Tatarstan with an important task of neutralizing and preventing extremism. The main ways to overcome radicalization of believers are educational activities with special attention paid to young people and work for training Muslim clergy. The Spiritual Administration of Muslims of Tatarstan is forced to respond to the demands of not only the state, but also ordinary Muslims. However, it can hardly cope with the request to be a buffer between the secular authorities and the Islamic community.

Keywords: Islam, Islam and state, the principle of secularism, postsecular society, Russian Islam, globalized Islam.

Последние несколько десятилетий в России выстраивается новая модель государственно-конфессиональных отношений. Это безусловно сопряжено с проблемой расширения сферы деятельности религиозных организаций и лоббирования интересов отдельных конфессий на федеральном и региональном уровнях, а также искажения принципа светскости, что проявляется в усилении взаимодействия церкви с институтами политической власти и в попытках религиозных объединений влиять на политические и социальные процессы.

Данная статья посвящена анализу взаимодействия между российской государственной властью и религиозными организациями на фоне процессов реисламизации в Республике Татарстан с иллюстрацией того, как государство контролирует деятельность исламских структур. Отдельное внимание уделяется ситуации разделения мусульманской общины Татарстана на сторонников традиционного татарского ислама и приверженцев глобализированного ислама, характеристике Духовного управления мусульман РТ, как официальной исламской организации, призванной служить посредником между проводимой светскими властями политикой и верующими мусульманами. Также представлены различные мнения татарстанского сообщества о влиянии государства на исламские структуры и соблюдении принципа светсткости 10.

Деприватизация, которая является одним из проявлений постсекулярности и обозначает процесс возвращения явлений религиозности в публичное пространство, активно продолжается в России с начала 1990-х гг. Православная церковь смогла в определенной степени восстановить свою публичную роль, однако, как утверждает Б. Тернер, нельзя утверждать, что ее влияние основывается на духовном авторитете. Причина популярности религиозных институтов кроется скорее в понимании религии как части традиционного культурного наследия. При этом российское общество сохраняет светские ценности и остается секулярным [Тернер: 29]. Это является справедливым не только для православной части населения России, но и для остальных конфессий, в частности, ислама, особенно в Волжско-Уральском регионе страны. Российские мусульмане воспринимают свою религию во многом как часть этнической культуры и один из маркеров этно-национальной идентичности [Мчедлова].

¹⁰ В анализе использованы данные 18-ти глубинных интервью, записанных автором в 2019 и 2022 гг. с мусульманами в Казани, Набережных Челнах, а также в Азнакаевском и Мамадышском районах РТ. Информантами выступили рядовые верующие и светские лица (8 чел.), имамы (5 чел.), а также несколько экспертов по делам религий и экспертов-исламоведов (5 чел.).

В разворачивании процессов религиозного ренессанса участвуют как конфессии и рядовые верующие, так и государство. С начала 1990-х годов, когда реисламизация в Республике Татарстан шла быстрыми темпами, она сочетала, с одной стороны, реализацию желаний простых верующих и, с другой, движение к религии со стороны власти. Для мусульман мотивация реисламизации была обусловлена потребностью в новой солидарности и поиском духовных ориентиров в сложный период социальной трансформации, в ситуации разрушения советской идеологии и растворения моральных основ. Для политических элит ислам был призван служить в качестве значимого ресурса в контексте налаживания отношений с международным сообществом (на мусульманском Востоке) и позиционированием своего особого места среди других российских регионов. Как отмечает Л. Сагитова, это сочетание интересов создает сложную картину смыслов, целей и тактик в конструировании политического дизайна Татарстана и стратегии взаимодействия светских органов власти и религиозных структур [Сагитова: 314–315].

Реисламизация в Республике Татарстан проявлялась с начала 1990-х гг. через строительство и восстановление храмов, рост числа их прихожан, появление духовных учебных заведений, издание религиозной литературы, увеличение роли духовных лиц в общественной жизни. По данным социологов по РТ, уровень религиозной идентичности среди этнических мусульман достаточно высок: верующими себя уверенно называют около половины татар [Гузельбаева: 213–214]. Интерес к вере затрагивает различные социальные группы населения: исследователи фиксируют рост исламской идентичности среди людей различного возраста, гендерной принадлежности, с разным уровнем образования, проживающих и в городах, и в сельской местности [Гузельбаева; Косач; Ситников]. И все-таки при декларируемой приверженности исламу, для большинства татар характерно игнорирование исполнения исламских практик. Высокий уровень религиозной идентичности сопровождается слабыми переменами в ценностнонормативной системе.

Государственная власть относится к религии по-своему. Ислам позиционируется ею как «товар», хорошо продающийся на

внутреннем и внешнем рынке, а образ «мирного ислама» используется для формулирования современного позитивного, привлекательного имиджа Татарстана. Наряду с этим ислам в глазах региональной власти связан с рисками, формируемыми исламской глобализацией, что может привести к утрате исторически сложившейся татарской мусульманской традиции, внести раскол в умму и привести к появлению мусульманских групп экстремистской направленности [Сагитова: 317].

Государство взаимодействует с мусульманским сообществом посредством религиозных организаций, головная структура которых представлена Духовным управлением мусульман (ДУМ). Практически каждая область нашей страны, где проживают мусульмане, имеет свое духовное управление. На общероссийском фоне среди региональных исламских структур выделяется ДУМ Республики Татарстан как управление, относящееся к наиболее богатому региону с исламским компонентом, которое не входит в подчинение ни одного из центральных духовных управлений. Однако, как и многие российские ДУМы (муфтияты), оно создано и контролируется государством. Формально избираемый председатель ДУМ РТ, или муфтий, фактически назначается светскими властями, а сам муфтият осуществляет контроль и руководство на местах, в том числе назначая «настоятелей» мечетей (имам-хатыбов). Приведем цитату из интервью с мусульманином для иллюстрации того, как эта ситуация воспринимается членами мусульманской общины (уммы).

Когда-то мы радовались, что государство включило в объекты своей помощи и политики религиозные организации, это вроде способствовало укреплению ислама и росту интереса к вере. Власти помогали строить мечети, организовывать байрамы [праздники], восстанавливать медресе. Но больше внимания религии — и больше контроля. В результате власть вообще все диктует муфтияту. Поэтому там нет ярких популярных в народе имамов, там послушные функционеры теперь. (Информант 2, мусульманин, Казань.)

Подконтрольность ДУМ РТ государству отражает общую ситуацию взаимодействия между светской властью и религиозными организациями. Отношения религиозных и государственных

структур в России строятся на доминировании последних. Перефразировав слова П. Бурдье, отметим, что религиозные иерархи стремятся внушить и закрепить «схемы восприятия» и действия, которые исходят от политических структур. Церковь и ее иноконфессиональные эквиваленты способствуют сохранению политического строя благодаря своей специфической функции поддержания символического порядка [Бурдье: 55], они придают легитимность политической системе в ответ на политическую, административную и материальную поддержку со стороны светских властей. Государство выступает патроном, а религиозные организации принимают это как данность и подчиняются, приветствуя политический курс властвующей элиты.

Одним из ярких примеров подчиненности ДУМ Татарстана являются выборы председателя Духовного управления мусульман в 2017 и 2021 гг., когда при безальтернативном голосовании Глава республики Р. Минниханов открыто призывал поддержать кандидатуру муфтия, по сути предложенную им самим. Эта практика, ставшая обычной для мусульманского сообщества, по сути, нарушает базовые принципы светского государства, а именно невмешательство во внутренние дела Духовного управления мусульман РТ.

Мусульмане не то, что не сопротивляются, что государство ими напрямую руководит, они воспринимают это как норму. Хваленное мусульманское самоуправление у нас не видели никогда. <...> Минниханов нахваливал Камиля (Самигуллина, муфтия Татарстана с 2012 г. по настоящее время), рекомендовал, как это у нас называется, его избрать. Конкурента на выборах муфтия не было. Все проголосовали и не увидели в этом давления. Ну, он многих устраивает, потому что это не самостоятельная фигура, споров из-за него минимум. (Информант 4, эксперт-исламовед, Казань.)

Исламские лидеры открыто поддерживают светскую власть и рекомендуют имамам через проповеди доносить до верующих основные положения социально-политической повестки дня, от общих фраз одобрения правительства и законодательной власти до необходимости терпимо относиться к трудностям [Набиев]. Подчинение ДУМ РТ государству реализуется через осуществ-

ляемые муфтиятом практики, в том числе кадровую политику, озвучиваемые и публикуемые тексты (проповеди, статьи в СМИ) и интервью. В случае споров и разногласий между властью и рядовыми мусульманами официальные исламские лица обычно принимают сторону государственных органов. Примечательно, что большинство мусульман, преимущественно так называемых «номинальных», т.е. не соблюдающих ритуальную религиозную практику, воспринимают это как норму.

Важный контекст, на фоне которого разворачиваются отношения светских и религиозных структур в республике, связан с рисками исламской глобализации. В обстановке опасений, связанных с терроризмом, у государства возникает соблазн более жестко регулировать конфессиональные организации, сообщества верующих и всю религиозную сферу. Появление новых религиозных практик и течений, что характерно для постсекулярных процессов, развело мусульман Татарстана на две основные части: приверженцев так называемого татарского ислама и сторонников исламской глобализации. Первые тяготеют к исторической традиции поволжского ислама со своей богословской школой и тесными связями с этнической татарской культурой, вторые предпочитают арабизированную версию ислама, распространившуюся глобально в мусульманском мире. Между этими двумя частями существуют споры и конкуренция, при этом поддержку от ДУМ РТ и государства имеют приверженцы татарского ислама. Сторонники глобализированного ислама являются последователями идей, популярных в разных концах глобального мусульманского мира, но новых для уммы Татарстана. Эти идеи оцениваются сегодняшними мусульманскими и светскими официальными лицами, некоторыми экспертами и псевдоэкспертами как радикальные, а их сторонники ассоциируются с негативными явлениями в современном мусульманском мире и порой стигматизируются в качестве потенциально опасных и неблагонадежных. С сожалением отметим, что в этой ситуации недопонимания и недоверия, которые присутствуют между двумя сегментами верующих, муфтиятом не уделяется достаточного внимания налаживанию диалога между ними и преодолению подозрительности и противоречий.

После распада СССР, когда люди потянулись в мечети, квалификация наших имамов была на низком уровне, литературы мало. Для развития ислама многого не хватало. Стали приезжать арабские миссионеры, стали помогать, много позитивного от них шло. Но еще с ними приехала другая трактовка ислама, специфическая литература, зато они ехали с деньгами. Государство тогда не обращало на это внимания, а мусульмане смотрели на арабов с восхищением и почитанием. Никто не пытался контролировать этот процесс, а муфтияту кроме как у арабов деньги брать было неоткуда, поэтому муфтият с арабскими странами дружил. Потом до государства дошло, чем это опасно, оно все взяло под контроль, и теперь от его всевидящего ока никуда не деться. (Информант 7, мусульманин, Набережные Челны.)

Рядом экспертов высказываются опасения, что распространение глобализированного ислама может привести к утрате исторически сложившейся теологической традиции татар, внести раскол в умме Татарстана, а также способствовать возникновению мусульманских сообществ экстремистской направленности. Увеличение салафитского влияния, особенно в первое десятилетие нового века, и теракты июля 2012 года против мусульманских лидеров воспринимаются властью как серьезная угроза стабильности региона. С этим связано усиление государственного контроля над исламскими общинами и институтами в Татарстане [Сагитова: 137], что направлено на создание правовых ограничений на пути распространения религиозного экстремизма.

В этой обстановке ДУМ РТ видит одной из основных целей своей деятельности нейтрализацию и профилактику экстремизма. Из возможных способов преодоления радикализации верующих особый акцент сделан на просветительской деятельности, направленной на различные группы исламского сообщества, среди которых особое внимание уделяется молодежи, и образовательной работе, прежде всего подготовке квалифицированных имамов. Работа в этих направлениях обозначена государством как

 $^{^{11}}$ Покушение на муфтия Татарстана И. Фаизова и убийство бывшего заместителя муфтия В. Якубова в июле 2012 г. в Казани.

наиболее важная задача, поставленная перед Духовным управлением. Для ее реализации, помимо прочего, ведется деятельность в рамках Совета по исламскому образованию $P\Phi^{12}$, а в 2016 году в Татарстане в г. Болгар была создана Болгарская академия как высшее исламское учебное заведение, призванная возродить и продолжить татарское исламское богословское.

В Татарстане присутствуют различные оценки взаимоотношений светских и религиозных организаций. Одна часть жителей республики не может согласиться с доминированием государства на исламском поле республики. Они усматривают нарушение Конституции во вмешательстве властных структур в решение внутримусульманских дел и излишнем контроле государства, а также обвиняют ДУМ РТ за приспособленчество, отсутствие независимой позиции и игнорирование интересов мусульман.

Другая часть общества высказывает одобрение политике государства по отношению к религии. Приведем два аспекта, с которыми связана поддержка официальной стратегии в государственно-конфессиональных взаимодействиях. Первый касается восприятия ислама как неконтролируемой угрозы, формы социального и политического протеста, вплоть до возрождения сепаратистских настроений [Почта: 620–632]. В этом случае приветствуется контроль властей над ситуацией внутри ислама и утверждается необходимость продолжения политики предотвращения любых экстремистских проявлений. Приведем цитату из разговора с русским информантом, называющим себя неверующим.

Им волю дай, они делов наворотят (информант продолжает свои рассуждения о так называемых «ваххабитах»). Примеры мы видели и на юге России, и в среднеазиатских республиках, и дальше за рубежом. Когда ослабляется государственный контроль, ситуацию в свои руки быстро стараются взять исламские группировки. В Татарстане нельзя даже близко такого до-

¹² Совет по исламскому образованию РФ (http://islamobr.ru/), в который входят более 30 крупнейших исламских вузов и медресе, создан в 2010 г. В его задачи входит создание единого мусульманского образовательного пространства, профилактика распространения экстремистских и радикальных идей среди молодежи.

пустить, здесь не только татары живут, да и татары — народ преимущественно светский и уж точно от шариата далекий. Но есть и такие, кто хочет жить в мусульманском окружении по своим правилам, они не хотят соприкасаться с нами (со светским обществом и государством). <...> Наша надежда на то, что государство будет продолжать за ними наблюдать, а в случае чего — нейтрализовывать. (Информант 11, светский, русский, Казань, 2019 г.)

Важный результат имела деятельность, направленная на снижение влияния на умму и муфтият выходцев из арабских стран, которые несли идеи, не всегда сочетающиеся с привычной для татар жизнью в светском контексте. Это влияние из-за рубежа расценивалось некоторыми мусульманами, духовными исламскими лидерами и в особенности силовыми структурами республики как нежелательное и даже опасное. Поэтому снижение числа арабов в мечетях Татарстана воспринимается в качестве позитивного изменения внутреннего исламского контекста.

Второй аспект одобрения государственной политики относится к признанию того, что влияние светских органов привело к прекращению конфликтов внутри Духовного управления мусульман и более слаженной работе.

Отчасти, хорошо, что государство контролирует то, что происходит с исламом. Конечно, есть перегибы, есть необдуманные шаги, многое делается топорно, но в целом это нормально сейчас. Скандалы в муфтияте прекратились. Ограничить присутствие у нас арабских проповедников все-таки было необходимо. (Информант 5, имам, Азнакаевский район РТ.)

При звучащих обвинениях в нарушении властями принципа светскости необходимо признать, что государство вынуждено стремиться к балансу интересов религиозных и секулярных акторов и призывает не политизировать сложные вопросы государственно-конфессиональных отношений. Примерами могут служить громкий конфликт в Екатеринбурге в 2019 г. по вопросу строительства православного собора Святой Екатерины на месте скве-

ра¹³, споры о строительстве мечетей в ряде городов. Эти случаи демонстрируют необходимость учитывать мнение различных групп граждан и пересматривать предварительные соглашения между государственными и религиозными институтами. Светским властям приходится принимать во внимание интересы неверующей части населения и верующих других конфессий, особенно в острых спорных ситуациях.

Заключение. Современные процессы реисламизации как одно из проявлений постсекулярной тенденции реализуются на уровне приватных практик, выходящих из частной сферы в область общественного пространства, и на уровне государства, которое использует религию в качестве инструмента для продвижения своей политики и укрепления символического капитала. За прошедшие 30 лет между государством и исламом сложились тесные взаимоотношения, которые характеризуются прежде всего тем, что государство доминирует, а исламские структуры играют подчиненную роль, являясь символическим ретранслятором политики властей, обменивая это на административную и экономическую поддержку. Политическим элитам Татарстана ислам необходим как важный ресурс для налаживания политических и экономических отношений на российском и международном уровнях.

Однако в то же время ислам в глазах региональной и федеральной власти ассоциируется с рисками, за которыми может стоять угроза появления групп экстремистской направленности и потеря стабильности в мусульманском сообществе и в целом в республике. Опасения, связанных с радикализацией и терроризмом, побуждают государство усилить контроль за религиозной сферой.

Проникновение на территорию России и, в частности, в Татарстане новых исламских направлений стимулировало появление сторонников исламской глобализации, в том числе приверженцев так называемого «чистого ислама», которые наряду с последователями традиционного для Поволжья «татарского» исла-

 $^{^{13}}$ Дума Екатеринбурга окончательно запретила строительство храма в сквере // Интерфакс. 19 ноября 2019. URL: https://www.interfax.ru/russia/684655 (дата обращения: 15.07.2020).

ма, связанного с этнической культурой татар, составляют два основных лагеря мусульманского сообщества республики. Между этими двумя частями мусульманской уммы республики существуют споры и недопонимания. Важно отметить, что сторонники глобализированного (другое определение — арабизированного) ислама порой ассоциируются у мусульманских и светских акторов с негативными явлениями радикализации в современном мусульманском мире. В этой обстановке перед ДУМ РТ стоит важная государственная задача профилактики экстремизма. Для этого организована работа с молодежью, обучающие программы для исламских духовных лиц, другие виды деятельности, направленные на просвещение мусульман.

Среди жителей Татарстана присутствуют различные оценки взаимодействия светских властей и религиозных общин. Одни не могут согласиться с преобладанием государства на исламском поле республики, другие высказывают одобрение политике государства по отношению к религии, что связано с имиджем ислама как потенциальной неконтролируемой угрозы. Сложности в соблюдении принципа светского государства связываются некоторыми наблюдателями в том числе с необходимостью проведения антиэкстремистской политики.

В ситуации разброса мнений верующих мусульман, наличия мусульманского «официального мейнстрима» и «инакомыслящих», а также активной противоэкстремисткой политики государства, одна из важнейших задач муфтията – быть буфером между светскими властями и исламским сообществом. К сожалению, нельзя утверждать, что ДУМ успешно справляется с этим запросом. Многие члены мусульманского сообщества солидарны в том, что муфтият подчиняется государству и слабо реагирует на запросы рядовых мусульман, которые представляют в реальности мозаичную картину. Вероятно, иначе сложно было бы легитимно функционировать в условиях существующего политического поля России, и Духовное управление платит за это недостаточно высоким уровнем авторитета среди практикующих мусульман особенно среди той части верующих, кто активно включен в исламскую ритуальную практику и жизнь уммы. Процессы реисламизации сопровождаются обособленностью и недопониманием

между верующими и неверующими, между представителями разных частей мусульман – сторонниками традиционного татарского ислама и глобализированного ислама. В этой обстановке недостаточно внимания уделяется налаживанию диалога между ними и преодолению взаимной подозрительности и противоречий.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Бурдье П. Генезис и структура поля религии // Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. С. 7–74.

Гузельбаева Г. Я. Постсекулярные тенденции у татар в начале XXI века // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 6. С. 212–219.

Косач Г. Татарстан: религия и национальность в массовом сознании // Новые церкви, старые верующие — старые церкви, новые верующие: Религия в постсоветской России / Под ред. К. Каариайнена, Д. Фурмана. М.; СПб.: Летний сад, 2007. С. 341–395.

Мчедлова М.М., Букин О.А., Гузельбаева Г.Я., Де Лука Г., Демиденко С.В., Лункин Р.Н., Казаринова Д.Б., Комаров С.С., Кутузова А.А., Пархоменко Г.И., Поспелова А.И., Почта Ю.М., Сарайкина Я.И., Сардарян Г.Т., Таишева В.В. Религия в современной России: события и дискурсы пандемии / Под ред. М.М. Мчедловой. М.: РУДН, 2021.

Набиев Р.А. Власть и религиозное возрождение. Казань: Издательство Казанского федерального университета, 2014.

Почта Ю.М. Религия и политика на постсоветском пространстве (на примере мусульманского фактора) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 620–632.

Сагитова Л.В. Ислам в конструировании регионального политического дизайна современного Татарстана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. Т. 20. № 3. С. 313—322.

Ситников А.В., Романов М.В., Фасхутдинов Р.Р. Особенности исламской религиозности татар в Республике Татарстан // Религиоведение. 2021. № 3. С. 125–139.

Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 21–51.

Гузельбаева Гузель Яхиевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков в сфере международных отношений Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия; Guzel.Guzelbaeva@kpfu.ru

Guzelbaeva Guzel Ya., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages in the Field of International Relations of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

УДК 304

ХРИСТИАНСКО-МУСУЛЬМАНСКИЙ ДИАЛОГ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО МИРА И СОГЛАСИЯ

А.С. Колчерин

В статье обозначаются вехи религиозного положения на территории Казанского края за более чем тысячелетнюю историю, опыт христианско-исламского диалога, направленного на мир и согласие проживающих на территории Республики Татарстан народов, приводятся меры современного взаимодействия православных и мусульман республики в области просвещения, образования, благотворительной и социальной деятельности, подчеркивается особая роль руководства Республики Татарстан, поддерживающего традиционные религии и с большим почтением относящегося к верующим жителям региона.

Ключевые слова: межнациональный и межрелигиозный мир и согласие, христианско-исламский диалог, история ислама и христианства в Казанском крае.

CHRISTIAN-MUSLIM DIALOGUE IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN AS ONE OF THE FACTORS FOR STRENGTHENING INTERETHNIC AND INTERFAITH PEACE AND HARMONY

A.S. Kolcherin

The article outlines the milestones of the religious situation on the territory of the Kazan region for more than a thousand years of history, the experience of Christian-Islamic dialogue aimed at peace and harmony of the peoples living in the Republic of Tatarstan, measures of modern interaction between the Orthodox and Muslims of the republic in the field of enlighten, education, charity and social activities, emphasizes the special role of the leadership of the Republic of Tatarstan, which supports traditional religions and treats the believing inhabitants of the region with great respect.

Keywords: interethnic and interreligious peace and harmony, Christian-Islamic dialogue, history of Islam and Christianity in the Kazan region.

В 2022 году в Российской Федерации широко празднуется 1100-летие принятия ислама Волжской Булгарией в 922 году. Основные торжества состоялись в городах Казани и Болгаре, Республики Татарстан, они объединили представителей государственной власти, общественных институтов, духовенства традиционных конфессий, научного и культурного сообществ. Столь широкое празднование юбилея ислама на территории нашего Отечества призвано подчеркнуть важную роль религии в российском обществе и значение межрелигиозного и межнационального мира и согласия.

Достаточно продолжительный период истории, более 600 лет, на территории Среднего Поволжья ислам был главенствующей религией. Это последовательно сменяющие друг друга государственные образования — Волжская Булгария (принятие ислама в 922 году), Золотая Орда, столица которой располагалась в астраханских степях, но территория современного Татарстана входила в состав Улуса Джучи (официально ислам провозглашен в 1313 году при хане Узбеке), и Казанское ханство, просуществовавшее чуть более столетия с середины XV до середины XVI столетия, офици-

альной религией которого был ислам. При этом значительная часть населения региона оставались язычниками, присутствовали и христиане. Подтверждение этому мы находим в истории поволжских народов, сохраняющих отдельные элементы языческих культов и традиций, но на протяжении многих столетий исповедующих христианство – чувашей, марийцев, удмуртов, мордвы, кряшен – исламское влияние в их этнографическом портрете не прослеживается. Следует вывод, что в период главенства ислама в Среднем Поволжье достаточно значительная часть коренного населения имели возможность сохранять традиционные верования, не принимая ислам. Христианство было представлено либо приезжавшими сюда торговцами, либо плененными христианами из числа русского или других народов, исповедующих православие, католицизм или другие христианские направления, возможно, какая-то часть местных жителей принимала христианство под их влиянием, но, во всяком случае, количество христиан в данный период не могло быть значительным.

В середине XVI века, после вхождения Казанского края в состав Московского царства, количественное соотношение христиан и мусульман начало значительно меняться. В Казань и другие селения из русских городов приехали служилые люди, ремесленники, крестьяне, православное духовенство; были учреждены православные монастыри, повсеместно строились храмы. В 1555 году была образована Казанская епархия, во главе которой был назначен уже немолодой архиепископ Гурий (Руготин), имевший богатый опыт духовной жизни и монастырского управления. Недолгое его пребывание на казанской кафедре, с 1555 по 1563 год, было ознаменовано установлением весьма важного принципа межэтнических и межконфессиональных отношений, позволивших на протяжении многих веков, вплоть до сегодняшнего дня, сохранять мир и согласие среди проживающих здесь народов, исповедующих, главном образом, ислам и православие.

Архиепископ Казанский Гурий действовал согласно переданного ему в Москве перед отъездом в новоприсоединенный казанский край документом — Наказом — написанным царем Иоанном Васильевичем IV и митрополитом Московским Макарием. Согласно Наказу, архипастырю предписывалось учреждать мона-

стыри, строить храмы, налаживать богослужебную жизнь, заниматься социальной деятельностью, просвещением и миссией, но при этом никого насильственно к принятию православия не склонять, но свидетельствовать о вере словом проповеди, духовными наставлениями, добрыми делами. Более того, архиепископу Гурию было дано право печалования перед государем за невинно осужденных и обиженных, и тогда многие местные мусульмане и язычники увидели во владыке последнюю надежду и заступника, что придавало ему дополнительное уважение среди иноверцев. Образ первого казанского архипастыря святителя Гурия стал символом христианского просвещения края и, вместе с тем, началом диалога между населявшими регион православными с одной стороны, и мусульманами с язычниками с другой.

Главной вехой объединения народов, населявших наше Отечество, стало преодоление Смутного времени на Руси, освобождение Москвы от польских интервентов народным ополчением Минина и Пожарского, проведение Земского собора и избрание на царство Михаила Романова. Нависла реальная угроза сохранения Русского государства, потеря национальной идентичности, переход от православия в католицизм. Невиданная мощь, вышедшая из глубин простого народа, объединила русских, татар, чувашей, коми-зырян, представителей многих других народностей, исповедовавших православие, ислам, язычество, и сплотила в единую русскую нацию, где у людей одно Отечество, одна ментальная основа, но при этом люди сохраняют родной язык, традиции своего народа, и религия предков хранится. В этом укладе нет никакого внутреннего противоречия, в его основу положены принципы любви к Отечеству и уважения к ближним. Не случайно праздник, установленный в память о преодолении Смутного времени, называется «Днем народного единства», и празднуется 4 ноября в день чествования Казанской иконы Пресвятой Богородицы.

Единство народное проверялось на прочность неоднократно. Чего стоит испытание, пережитое в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Огромные потери среди военного и мирного населения, разрушенные города, тяжелейшие условия жизни населения, все эти трудности сплотили нашу нацию и заставили

совместно идти к Победе, к восстановлению страны из руин, к новым выдающимся достижениям.

Следует признать, что религия в Советском Союзе преследовалась, священнослужители и простые верующие подвергались репрессиям, закрывались монастыри, храмы, мечети, духовные учебные заведения. Преследование коснулось и христиан, и мусульман. Тем не менее, вопреки антирелигиозной политики властей, вера в народе сохранялась. В середине 1980-х годов на территории Республики Татарстан осталось действующих лишь 18 мечетей и 15 церквей, но последовавшее изменение курса государственно-церковных отношений, новое законодательство в отношении религиозных объединений, происходившие политические процессы позволили повсеместно регистрировать религиозные общины, восстанавливать старые поруганные храмы и строить новые, заниматься просвещением, миссией, социальным служением, открывать духовные учебные заведения, снимать фильмы, печатать религиозную литературу, развернуться в Интернетпространстве. За прошедшее с середины 1980-х годов количество мечетей в республике увеличилось в сто раз, количество храмов в тридцать раз, открыты семь мужских монастырей и три женских. Нельзя сказать, что все проблемы верующих решены и остается лишь почивать на лаврах, но созданы достаточные условия, чтобы верующие могли собраться на совместные богослужения в мечетях или храмах, открыто отмечать религиозные праздники, получать интересующую информацию по богословским, практическим вопросам в сети Интернет, в книгах или фильмах.

Большую роль в формировании благоприятных условий для верующих христиан, мусульман, представителей других традиционных религий, сыграло руководство Республики Татарстан, заинтересованное в сохранении межэтнического и межконфессионального мира и согласия в регионе. Представители различных конфессий представлены в соответствующей комиссии Общественной палаты Республики Татарстан, таким образом, налажен обмен мнениями по вопросам общественной и политической жизни страны. Согласно Указа Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова, были построены Болгарская исламская академия и Казанский собор на месте явления чудотворного образа

Божией Матери. Усилиями Государственного советника Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева и созданного по его инициативе фонда «Возрождение» восстановлены мусульманские и христианские святыни — древний Болгар и остров-град Свияжск.

Христианско-мусульманский диалог в Республике Татарстан сегодня проходит во многих сферах. Так, взаимодействие идет в области науки и духовного образования, представленного Болгарской исламской академией, Российским исламским институтом, Казанской православной духовной семинарией, медресе «Мухаммадия», православной гимназией имени святителя Гурия Казанского, а также деятельностью кафедры религиоведения Казанского (Приволжского) федерального университета, где образование получают христианские и мусульманские теологи. Важна область межконфессионального сотрудничества - социальное служение, направленное на работу молельных комнат в лечебных учреждениях, хосписах; окормление священником и имамом курсантов военного училища, сотрудников органов внутренних дел, росгвардии, мобилизованных в зону проведения специальной военной операции граждан (в сентябре 2022 года погиб священник Анатолий Григорьев, отправившийся вместе с татарстанскими добровольцами в зону проведения специальной военной операции для их поддержки и пастырского окормления); сбор гуманитарной помощи, помощь малоимущим и оставшимся без крова, совместная работа в пенитенциарной системе.

В Республике Татарстан, благодаря позиции государственной власти, готовности вести диалог между христианами и мусульманами, сформирована модель мирного и плодотворного соработничества представителей разных народов, разных религий на благо общего для всех нас Отечества.

Мы должны иметь в виду, что складывающаяся на сегодняшний день ситуация на международной арене, а именно разрушение однополярного мира, ориентированного на получение благ лишь одним мировым гегемоном и приближенным к нему странам, и создание многополярной международной системы, более справедливой и правильной, несет угрозы для России и ее населения. Возможно, мы станем свидетелями пересмотра всей системы международных отношений, вплоть до переформатирова-

ния Организации объединенных наций. Те, кому не по нутру инициированный Российской Федерацией пересмотр системы политического мироустройства, будут искать места для нанесения ощутимых ударов по нам, и, без сомнения, сфера межнациональных и межрелигиозных отношений станет целью нанесения такого удара, желая «раскачать» внутриполитическую ситуацию в стране и рассорить наши народы. Будем готовы выстоять в эти тяжелые времена, как это делали наши славные предки, во славу Бога, дорогого нашего Отечества и нашей единой нации.

Колчерин Алексей Сергеевич, протоиерей, доктор церковной истории, кандидат богословия, доцент, заведующий кафедрой общей и церковной истории, Казанская православная духовная семинария, г. Казань, Республика Татарстан, Россия; history@kazpds.ru

Kolcherin Aleksey S., Archpriest, Doctor of Church History, Candidate of Theology, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Church History, Kazan Orthodox Theological Seminary, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

УДК 316.7

ИСЛАМ В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИЙ: НОВЫЕ ОБРАЗЫ И ИДЕАЛЫ

Е.М. Мчедлова

В статье рассматриваются трансформационные процессы в лоне исламской религии и культуры, мусульманских сообществах. Показываются вновь возникшие в общественном сознании образы и идеалы, в связи с этими процессами. На основе результатов социологических исследований, проведенных Институтом социологии и Институтом социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, в частности, в пандемический период, фиксируются уровень влияния религии на общественную жизнь, степень доверия к различным политическим и общественным институтам (в том числе, религиозным организациям), уровень толерантности, или, наоборот, конфликтности, обеспеченность прав челове-

ка, социальных гарантий, идентификация и самоидентификация и др. Они продемонстрировали отсутствие зависимости от религиозномировоззренческих предпочтений в выборе вероятности развития социально-политического процесса, не выявляют противоречия между последователями различных религиозных течений, свидетельствуют о единстве в отношении к общему государству и к будущему, т.е. об устойчивых исторических и ценностных связях.

Ключевые слова: социокультурный процесс, ислам, мусульманское сообщество, культура, межконфессиональное сотрудничество.

ISLAM IN THE AGE OF TRANSFORMATION: NEW IMAGES AND IDEALS

E.M. Mchedlova

The article deals with the transformational processes in the bosom of the Islamic religion and culture, Muslim communities. Images and ideals reappeared in the public consciousness are shown in connection with these processes. Based on the results of sociological research conducted by the Institute of Sociology and the Institute for Socio-Political Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, in particular, during the pandemic period, the level of influence of religion on public life, the degree of trust in various political and public institutions (including, religious organizations), the level of tolerance, or, conversely, conflict, the security of human rights, social guarantees, identification and self-identification, and many others. They demonstrated the absence of dependence on religious and ideological preferences in choosing the probability of the development of the socio-political process; they do not reveal contradictions between the followers of various religious movements; about stable historical and value ties.

Keywords: sociocultural process, Islam, Muslim community, culture, interfaith cooperation.

Весь мир, в том числе Россия, переживает эпоху трансформаций, которые олицетворяют многочисленные социально-экономические, социально-политические и социально-культурные процессы. Эти процессы во многом затрагивают духовную сферу,

которая зиждется, в основном, на традиционных духовно-нравственных ценностях.

Существующие христианские конфессии видоизменили и модернизировали свои социальные концепции на злобу дня. Ислам со своим строгим монотеизмом и незыблемой системой норм и правил (шариатом) тоже претерпел определенные изменения. Современные исследователи акцентируют внимание, в частности, на идентификацию и самоидентификацию, характерные для нынешнего мусульманского сообщества. Ислам рассматривается в качестве религии повседневной жизни, отражающей не мировоззрение, а поведение, а ее сущность заключается в восстановлении общинной идентичности, в противовес национальной. В этом принципиальное отличие исламских общин. В них видят и угрозу, и альтернативу дальнейшей эволюции современного цивилизационного устройства. Управление же мусульманским сообществом основано лишь на религиозных традициях. В новых социальных и культурных реалиях отпала потребность в ряде образов (в частности, «живого святого»), формируется урбанизированное сообщество, стремящееся соответствовать, в основном, городским оценочным стандартам и идеалам. Вследствие этого, происходит массовый отход от культов святых и переориентация на «рафинированный», «фундаменталистский» вариант представляющий собой своеобразное «пуританское» движение за религиозное возрождение и дающий «новым» мусульманам идентичность, новый образ «Я». Фактически, подобное фундаменталистское начало отвергает какую бы то ни было толерантность, враждебно всему «чужому», «новому», «непонятному», т.е. модернизационным процессам. Сегодняшние верующие мало или не участвуют в религиозных практиках, в общины почти не собираются, более предрасположены к светской, мирской жизни. Им не чуждо накопление материальных благ, что свидетельствует о невозможности отказа от материальной составляющей. Вместе с тем, они продолжают исповедовать духовные каноны, т.е. следуют атмосфере человеческих взаимоотношений, патриотизму, нравственности, толерантности и уважению, хорошим поступкам, адекватному социальному поведению, принесению

пользы обществу, труду, культуре, здоровью, процессу обучения, семейным отношениям [Геллнер, James, Johnson, Seiple и др.].

В условиях религиозной диверсификации, происходящие социокультурные процессы формируют определенные коллективные идентичности и политические пристрастия, своего рода «возрождение» религиозных — иногда в сочетании с национально-этническими — историческими традициями и ценностями.

На фоне сказанного, появляется возможность лучше понять специфику формирования образа настоящего мужчины, бытующего в мусульманской культуре [Лескова, Зязин, Баирова].

Для сравнения: христианская культура рассматривает мужчину как мужественного, успешного, волевого, обладающего добротной внешностью, социальным, профессиональным статусом. Однако, такие качества, как проявление внимания и заботы, готовность прийти на помощь, пренебрежение собственными интересами, зачастую остаются незамеченными. Также в современном обществе распространен гендерный стереотип, в соответствии с которым мужчина полигамен. Подобные стереотипы также заложены в устойчивых выражениях речи различных народов различных же социокультурных пространств. Они отражают поляризацию в общественном сознании культурных и социальнопсихологических представлений.

Образ же «настоящего мужчины», присутствующий в сегодняшней исламской культуре, предполагает, прежде всего, способность к самореализации (во всех смыслах) в социокультурном пространстве. Для верующего мусульманина извечным примером идеального мужчины, лидера, отца, мужа, дедушки, соседа и других ролей, возлагаемых на него обществом, был и остается пророк Мухаммед. Еще важнейшие качества мужчины – праведность и надежность.

Следующая таблица показывает поддерживаемые приоритетные личностные качества (табл. 1).

Таблица 1

Качества личности	% от числа опрошенных
Честность	75
Трудолюбие	61
Справедливость	54
Ответственность (за себя и своих близких)	52
Предприимчивость, инициативность, актив-	
ность, принципиальность, патриотизм, чувст-	
во собственного достоинства, готовность по-	
мочь, соблюдение моральных норм и др.	14–28
Толерантность, прагматизм, рациональность,	
коллективизм, религиозность	6–9
Смирение, послушание	4

Источник: Российское общество и вызовы времени / Под ред. Горшкова М.К. и Петухова В.В. М., 2016. С. 132–134.

Для реализации же этих качеств большую роль играет образование. В стране уже давно идут дискуссии непосредственно об образовании религиозном и его внешней атрибутике. Особенно это важно для регионов, где превалирует исламский вектор. Государство пошло на компромисс: на всей территории России вводится обязательный курс по истории мировых религий, основам религиозной культуры.

Объективная тенденция усиления социального и политического влияния, в том числе, мусульманских институтов и религиозных ценностей способна как способствовать созданию гражданских и политических институтов посредством обращения к конструктивному духовному наследию этой религии, так и приводить к соединению религиозной и этнической идентичности в целях выхода из состава РФ отдельных территорий, к радикализму и терроризму под религиозными лозунгами. Факторы, способствующие возникновению и развитию экстремизма (особенно в молодежной среде): влияние старших поколений, родственников, страх перед несправедливостью, неприятие существующего положения вещей, пропаганда в СМИ и т.д. Факторы другого рода:

недостаточная социальная зрелость, невысокий (например, маргинальный) социальный статус, социальное неравенство, желание самовыразиться и самоутвердиться, и т.д. С точки зрения ученых-религиоведов, обыватели зачастую воспринимают мусульман как своего рода угрозу — вызывающую дестабилизацию обстановки, опасность террористических актов, вероятность конфликтов, насаждение чуждой религии и чуждой культуры, ведущее к соответствующей реакции и поведению. Этно-конфессиональная направленность в человеческих взаимоотношениях может проявлять конфликтогенное начало, когда назревают противоречия и противостояния, которые представляют уже угрозу национальной безопасности.

Вместе с тем, ислам (как и другие конфессии) является одним из ведущих акторов современного социокультурного процесса. Достаточно заметна их роль в общественной жизни страны, о чем свидетельствуют, в том числе, результаты авторских социологических исследований. Известные религиозные мусульманские организации активно участвуют в публичных дебатах, соответствующим образом реагируют на актуальные политические события, довольно резко осуждают проявления радикального политического ислама, экстремизма и терроризма, ведут миротворческую деятельность. Одна из заслуг некоторых имамов или религиозных общин при мечетях в том, что они, например, оказывают различную помощь тем, кто возвращается после отбывания в местах лишения свободы к жизни в социуме, т.е. активно участвуют в их социальной адаптации или ресоциализации. Как и христианство, и любая иная конфессия, ислам продолжает и, очевидно, будет продолжать исповедовать такие духовно-нравственные ценности, как добродетель, социальное служение, чувство товарищества, солидарность и т.п., общение (коммуникационная ценность), особенно в условиях всеобщего карантина и самоизоляции, в период пандемического и иного вида кризисов.

Сегодня религию стали рассматривать как ресурс власти, а религиозные организации – как политических акторов, от чего и отталкиваются вновь состоявшиеся политологи религии. В комплекс изучаемых ими проблем входят:

- различные интерпретации светскости как политико-правового явления, детерминирующих суть взаимоотношений между обществом, государством и церковью;
- совокупность концептуальных и политических дебатов по поводу соотношения традиции и современности, где вопросы ценностного порядка пересекаются с попытками интерпретировать возникшие риски и вызовы;
- духовные изыскания. Личностный аспект веры претерпел определенное изменение и теперь рассматривается сквозь призму ее социальной значимости и светских форм (табл. 2)¹⁴.

Таблица 2 Насколько представители различных религиозно-мировоззренческих групп считают вероятными следующие изменения в нашей стране в ближайшие годы (в % от числа опрошенных)

Вероятность изменений	Всего	Право- славные	Мусуль- мане	Верующие вне конфессий	Атеисты
Рост урог	Рост уровня влияния религии на общественную жизнь				Ь
практически					
невозможно	9	8	8	14	13
маловероятно	39	39	30	40	40
весьма вероятно	26	28	32	23	24
затрудняюсь					
ответить	26	25	30	23	24
Рост уровня доверия между людьми, склонности					
	к сотрудничеству и взаимопомощи				
практически					
невозможно	8	7	5	14	11
маловероятно	41	41	33	44	44
весьма вероятно	34	35	38	28	30
затрудняюсь					
ответить	17	17	24	14	15

¹⁴ Конкретизируется тематика дискуссий в книге: Религия в современной России: контексты и дискуссии. Колл. моногр. / отв. ред. М.М. Мчедлова; РУДН; ФНИСЦ РАН. М.: РУДН, 2019. С. 7–8.

Рост уровня патриотизма, готовности к защите Родины и ее интересов					
практически					
невозможно	4	3	6	9	7
маловероятно	29	28	24	30	35
весьма вероятно	50	54	50	42	43
затрудняюсь					
ответить	17	16	21	18	15

Отсутствие зависимости от религиозно-мировоззренческих предпочтений в выборе вероятности развития социально-политического процесса свидетельствует о единстве в отношении к общему государству и к будущему. Восприятие россиянами цели и сущности трансформационных преобразований не зависит от веры или конфессиональной идентичности. Непохоже, что образы желаемого будущего выявляли какие бы то ни было противоречия между последователями различных религиозных течений, демонстрируя устойчивые исторические и ценностные связи.

Современные социологи и политологи полагают, что кризис политического участия, падение доверия к политическим формам организации общества и политическим элитам предопределяют поиск духовного единения и солидарности (табл. 3).

Tаблица 3 в % от числа опрошенных, Москва

Согласны ли Вы со следующими суждениями:	Да	Нет	Затрудн. ответить
Христианство и ислам духовно и нравст-	25	44	31
венно едины			
Христианство и буддизм духовно и нрав-	17	49	34
ственно едины			
Необходимо содействие экуменическому	37	30	33
объединению церквей (в т.ч. для сохра-			
нения ценностей в обществе)			

Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН.

В частности, во время пандемии Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН провел онлайн опрос среди жителей Москвы, куда вошел вопрос, выражающий согласие с суждением (табл. 4).

Таблица 4 Государственные органы власти не должны препятствовать въезду на территорию страны духовным лидерам любой конфессии (в % от числа опрошенных, Москва, 2020)

	%
Да	58
Нет	21
Затрудняюсь ответить	21

Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Предполагаем, такой показатель свидетельствует о начале воплощения идеи полноценного мультикультурного сотрудничества. В рамках интеграционных процессов, наиболее конструктивными его направлениями могут стать, например: миротворческая (особенно актуальная в связи с последними политическими событиями), образовательная деятельность, возможность реализации духовно-нравственных потребностей (в том числе, противодействие разрушению памятников старины, культурных и религиозных объектов, культовых зданий и т.д.), поддержка института традиционной семьи, социальное служение, оказание противодействия различным деструктивным тенденциям и т.д. В целом, традиционные конфессии в лице своих централизованных структур федерального уровня признают светский характер государства и выражают готовность к социальному партнерству в решении широкого спектра социокультурных задач - путем встреч, дебатов, публикаций, заявлений, выпуска официальных документов и т.п. [Комлева, Лункин, Мчедлова и др.].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Вызовы цифрового будущего и устойчивое развитие общества. Колл. моногр. М.: ИСПИ РАН, 2019.

Геллнер Э.А. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. Пер. с англ. М. Б. Гнедовского. М.: Моск. шк. полит. исслел.. 2004.

Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян / Под ред. М.К.Горшкова и В.В.Петухова. М.: Вест мир, 2018

Комлева В.В. Религиозные институты в международном гуманитарном сотрудничестве // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. №6 (108). С. 130–141.

Лескова И.В., Зязин С.Ю., Баирова З.М. Гендерные роли в современном российском обществе. Социальная роль «настоящего мужчины» и её основные черты: Монография / И.В..Лескова, С.Ю. Зязин, З.М. Баирова. М.: Издательство АНО ВО «АИША», 2022.

Лункин Р.Н. Церкви в политике и политика в церквях. Моногр. М.: ИЕ РАН, СПб.: Нестор-История, 2020.

Мчедлова Е.М. Ислам в межконфессиональном диалоге // Позитивный потенциал ислама как фактор этносоциальной консолидации России. Майкоп: $A\Gamma Y$, 2019. C.150-156.

Религия в современной России: контексты и дискуссии. Колл. моногр. / Отв. ред. М.М. Мчедлова; РУДН; ФНИСЦ РАН. М.: РУДН, 2019.

Российское общество и вызовы времени / Под ред. М.К.Горшкова и В.В.Петухова. Книга 5-я. М.,2017.

Российское общество и государство в условиях пандемии. Колл. моногр. М.: ФНИСЦ РАН, 2020.

James P. Religion, identity, and global governance. Ideas, evidence, and practice. Toronto, 2011.

Johnson J., Stepaniants M., Forest B. Religion and identity in modern Russia. The revival of Orthodoxy and Islam. London: Routledge, 2017.

Religions, Identities, Policies (Points of Convergence and Divergence). Book of Abstracts. Forum for religious issues of the Institute of Social sciences. Belgrade: Institute of Social sciences, 2020.

Seiple C. From ideology to identity: building a foundation for communities of the willing // Religion, identity, and global governance. Ideas, evidence and practice / ed. P. James. Toronto, 2011.

Мчедлова Елена Мирановна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия; hmtchedlova@mail.ru

Mchedlova Elena M., Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher, Institute of Socio-Political Researches, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

УДК 297

ВКЛАД МУСУЛЬМАНСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ В РАЗВИТИЕ ДОБРОСОСЕДСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И АЗЕРБАЙДЖАНОМ

А.А. Али-заде

На протяжении последних лет бурно развиваются всесторонние отношения между Россией и Азербайджаном во всех областях. Повышаются показатели экономического и научного сотрудничества, укрепляются политические связи. Свой вклад в этот процесс вносят мусульманские религиозные деятели и организации. В данном докладе приводятся данные о развитии сотрудничества между азербайджанскими и российскими религиозными деятелями и представителями гражданского общества на уровне формальных и неформальных отношений. Приводятся данные о конкретных шагах, которые были проделаны для укрепления связей между странами. Целью доклада является ознакомление научных кругов и массового читателя с процессами сотрудничества общественности России и Азербайджана в культурной и социально-политической сферах на современном этапе истории. Применяется нарративный метод изложения.

Ключевые слова: Россия, Азербайджан, сотрудничество, культура, политика, Ислам.

CONTRIBUTION OF MUSLIM RELIGIOUS AND PUBLIC FIGURES TO THE DEVELOPMENT OF GOOD-NEIGHBORLY RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND AZERBALIAN

A.A. Alizade

In recent years, comprehensive relations between Russia and Azerbaijan have been developing rapidly in all fields. Indicators of economic and scientific cooperation are improving, and political ties are being strengthened. Muslim religious leaders and organizations have contributed to this process. The report provides data on the development of cooperation between Azerbaijani and Russian religious leaders and representatives of civil society at the level of formal and informal relations. Describes their deeds that led to the strengthening of ties between the countries. The purpose of the report is to acquaint scientific circles and mass readers with the processes of cooperation between the public of Russia and Azerbaijan in the cultural and sociopolitical spheres at the present stage of history. The narrative method is used.

Keywords: Russia, Azerbaijan, cooperation, culture, politics, Islam.

На протяжении последних лет бурно развиваются всесторонние отношения между Россией и Азербайджаном во всех областях. Повышаются показатели экономического и научного сотрудничества, укрепляются политические связи. Свой вклад в этот процесс вносят мусульманские религиозные деятели и организации.

История этого сотрудничества восходит еще к временам Российской империи. Можно привести в качестве примера Мусульманскую фракцию в Российской Государственной Думе, а также отдельные примеры меценатства, такие как спонсирование строительства Санкт-Петербургской и Владикавказской соборных мечетей бакинскими миллионерами Г.З.А. Тагиевым и Ш. Асадуллаевым. Несмотря на известные ограничения, это сотрудничество продолжалось и в советский период, когда мусульманские деятели Азербайджана и России проводили совместные конференции и укрепляли взаимные связи.

После распада СССР сотрудничество вышло на качественно новый уровень. Так, в октябре 2021 года состоялось подписание меморандума о сотрудничестве возглавляемого Дамиром Му-

хетдиновым Центра Исламских Исследований Санкт-Петербургского Университета (СПбГУ) с Азербайджанским Государственным Университетом Культуры и Искусств¹⁵. Кроме того, в Азербайджанском Теологическом Институте также состоялась презентация трудов, выходящих под эгидой СПбГУ в серии «Возрождение и обновление», вызвавшей высокий интерес сотрудников вуза. Стороны обсудили возможности практического взаимодействия теологических вузов двух стран, обмена студентами и межвузовской педагогической практики¹⁶. Ранее еще в 2019 году состоялась встреча председателя Совета муфтиев России Равиля Гайнуддина с ректором Азербайджанского института теологии Джейхуном Мамедовым, в которой были обсуждены вопросы научного сотрудничества. Также состоялась презентация Издательского Дома «Медина», в библиотечном фонде Азербайджанского теологического института создан научно-справочный раздел, посвящённый его деятельности 17.

Также мусульманские религиозные деятели и интеллигенция двух стран на постоянной основе участвуют на различных конференциях. Вот лишь несколько таких мероприятий за последние годы: II Бакинский саммит религиозных лидеров мира (2019), Исламская цивилизация на Кавказе (2019, Баку), XVI Международный мусульманский форум (2020), XVII Международный мусульманский форум (2021), 70-летие Ахмат-Хаджи Кадырова (2021, Грозный).

К сотрудничеству в области культуры можно отнести участие в жюри II международного фестиваля мусульманского кино в Казани «Золотой Минбар» азербайджанского режиссера и драматурга Мир-Касыма Октая (2015), выступление на праздничном мероприятии, посвященному Мавлид Пророка азербайджанского певца Эльгюна Гулиева (2015), избрание азербайджанского ре-

¹⁵ URL: https://www.muslim.ru/articles/287/32260/?sphrase_id=29089 (дата обращения: 24.10.2022).

¹⁶ URL: https://spbu.ru/news-events/novosti/rukovoditel-centra-islaskih-issledovaniy-spbgu-provel-vstrechi-s (дата обращения: 08.07.2022).

¹⁷ URL: https://www.muslim.ru/articles/287/31661/?sphrase_id=29089 (дата обращения: 11.09.2022).

жиссера Эльчина Мусаоглу председателем жюри на XVII Казанском международном фестивале мусульманского кино (2021).

Традиции азербайджанского *меценатства* в России также продолжаются. Одним из них является лидер азербайджанской общины Вологды Афган Султанов, который выделяет средства на нужды мусульман города¹⁸.

Представители официальных мусульманских структур России выражают свое отношение и к военно-политическим проблемам Азербайджанской республики, не остаются безразличными к судьбе азербайджанского народа. Это способствует еще более близким контактам и теплым отношениям между Азербайджаном и Россией. К примеру, мусульманское духовенство России не осталось равнодушным к проблеме освобождения от армянской оккупации территорий Азербайджанской республики. В 2020 году в период 2-й Карабахской войны Председатель Духовного управления мусульман Муфтий Равиль Гайнутдин направил письма солидарности Президенту Азербайджанской Республики Ильхаму Алиеву и Шейх-уль-Исламу Аллахшюкуру Пашазаде в справедливой борьбе азербайджанского народа. Это было особо отмечено Управлением Мусульман Кавказа, в официальном обращении которого муфтию была выражена благодарность. После этого, первый заместитель председателя Духовного управления мусульман Российской Федерации Дамир Мухетдинов выразил свое негативное отношение к разрушению азербайджанского и исламского культурного наследия на оккупированных армянскими вооруженными формированиями территориях Карабахского региона 19.

В то же время, на протяжении всех последних лет продолжались контакты на *неформальных уровнях*. В качестве одного примера можно привести сотрудничество азербайджанского ученого Айдына Али-заде с московскими исламскими издательствами, в результате чего были изданы «Исламский энциклопедический

¹⁸ URL:https://www.muslim.ru/articles/759/33705/?sphrase_id =29089 (дата обращения: 28.08.2022)

¹⁹ URL: https://www.muslim.ru/articles/278/28699/ (дата обращения: 07.09.2022)

словарь» [Али-заде 2007] и «Хроники мусульманских государств» [Али-заде 2004], которые стали популярны не только в массовых, но и научно-исследовательских кругах, имеют высокий индекс цитируемости. Помимо этого, азербайджанское общественное объединение «Идрак» имеет договор о сотрудничестве с Московским Исламским Институтом и Центром исламских исследований СПбГУ по совместному составлению, изданию и распространению исламской литературы.

Таким образом, за последние годы усилилось сотрудничество и взаимодействие между российским и азербайджанским мусульманским духовенством и гражданским обществом. Тем не менее, несмотря на достижения, сотрудничество необходимо развивать и наращивать, и еще многое предстоит сделать, и прежде всего в сближении культур народов России и Азербайджана. Поэтому направление к сотрудничеству в этой сфере имеет дальнейшие позитивные перспективы.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Али-заде А.А. Хроники мусульманских государств I–VII веков хиджры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: УММА, 2004.

Али-заде А.А. Исламский энциклопедический словарь. Серия «Золотой фонд исламской мысли». М., 2007.

Али-заде Айдын Ариф оглы, доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт философии и социологии Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан; alizadeh@mail.ru

Alizade Aydin A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Sociology of the Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan

УДК 323.21/325.11

ИСЛАМ НА РОССИЙСКОМ КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ: КОНСТРУКТИВНАЯ РОЛЬ НОВЫХ ОБЩИН В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ ПОЛЯРНЫХ РЕГИОНОВ

А.К. Магомедов

Процессы социальной мобильности приводят к притоку в северные города России большого количества мусульман из различных постсоветских государств и регионов. Быстро растущие мусульманские общины в городах российской Арктики означает, что ислам оказывается тесно связан с будущим России новыми и неожиданными способами. Расцвет мусульманских общин в полярных городах открывает новые представления об исламе как о более современном и широком социальном факторе. Он не только оказывает большое влияние на изменения рынков труда. Выяснилось, что новые мусульманские группы могут повлиять на коллективную и индивидуальную идентичность северных регионов.

Ключевые слова: мусульманские коммуникации, миграция, полярный ислам, меняющаяся идентичность.

ISLAM IN THE RUSSIAN FAR NORTH: THE CONSTRUCTIVE ROLE OF NEW COMMUNITIES IN FORMING THE IDENTITIES OF THE POLAR REGIONS

A.K. Magomedov

The Processes of social mobility is leading to the influx of a large number of Muslims from various post-Soviet states and regions into the Northern cities of Russia. The rapidly growing Muslim communities in the cities of the Russian Arctic mean that Islam is intimately ties to Russia's future in new and unexpected ways. The flourishing of Muslim communities in the polar cities opens up new ideas about Islam as a more modern social factor. It not only has a great influence on changes in labour markets. It turned out that

new Muslim groups can influence the collective and individual identity of the Northern regions

Keywords: Muslim communications, migration, polar Islam, changing identity.

Одной из самых слабо изученных проблем отечественной социальной науки является феномен полярного ислама. В постсоветские десятилетия в регионах российской Арктики и субарктики происходило формирование и структурирование городских мусульманских сообществ. Это стало результатом того, что российские арктические территории стали частью глобального миграционного процесса. По мнению омского политолога Д. Опарина, по своей привлекательности для мигрантов российские северные регионы могут сегодня соперничать с такими мегаполисами, как Москва, Санкт-Петербург и Екатеринбург [Опарин].

Полярный ислам можно рассматривать как непреднамеренный результат мусульманской социальной динамики, связанной с трудовой миграцией в регионы Арктики. Полярные города с их растущими рынками труда стали заманчивым местом для рабочих мигрантов, едущих сюда не только из мусульманских регионов России, но из государств Центральной Азии. В этом исследовании мы не изучаем количественные характеристики северного мусульманского развития. Отметим только, что на сегодняшний день в городах российской Арктики и субарктики зарегистрировано 59 исламских институтов – мечетей и молельных домов. Мы также не говорим о влиянии атрибутов исламской жизни (мечетей, халяльных магазинов, мусульманских бутиков и т.д.) на архитектурный облик северных городов. Наконец, мы не затрагиваем и такие аспекты, как растущая многонациональность полярных территорий и ставшей уже привычной внутриисламскую борьбу различных муфтиятов за контроль над мусульманскими общинами и т.д. Данное исследование является попыткой дать ответ на вопросы: какие идентификационные характеристики позволяют выделить арктический ислам от остального ислама в России, как мусульманские мигранты влияют на коллективную идентичность полярных регионов?

В качестве предварительного замечания необходимо подчеркнуть, что в условиях российского Севера не возник «особый ислам», совершенно отличный от общероссийского – существующего, например, на Северном Кавказе, Поволжье или Москве. Большинство характерных черт, присущих полярному исламу, можно легко обнаружить на других мусульманских территориях России. Тем не менее, необходимо подчеркнуть некоторые климатические и географические особенности, влияющие на формирование того, что мы называем «полярным исламом». В первую очередь, это холодный климат, пространственная удаленность от исторических исламских ареалов, ярко выраженный промышленный характер арктических городов, продолжительный полярный день и бесконечная полярная ночь, которые влияют на религиозные ритуалы и обязательства верующих, недостаток халяльных животных для проведения Курбан-байрама [Магомедов: 21–38].

Отдаленность от остальной части Уммы создает особые проблемы в отношении повседневных потребительских привычек рядовых мусульман, особенно таких, как халяльная еда. Покупка и потребление халяль не только влечет за собой следование исламским правилам, но также укрепляет чувство принадлежности к исламскому сообществу, отделенному от массы других жителей. Халяль мясо, сертифицированное Советом муфтиев по всей России по малазийским стандартам, трудно импортировать в арктические города. Чтобы решить эту проблему, каждая мечеть связывается с бизнесменом-мусульманином, который регулярно (не реже одного раза в месяц) импортирует оптовое мясо халяль из Москвы или европейских городов России и продает его индивидуально семьям через WhatsApp или через мечеть [Yarlykapov: 341].

Исламские лидеры и рядовые мусульмане сталкиваются с проблемой интеграции своей религии в свою недавно обретенную арктическую идентичность. Мигранты в целом с уважением относятся к новаторской атмосфере российских северных территорий, открытых и обустроенных пионерами и первопроходцами. Они с энтузиазмом воспринимают тезис о том, что «все здесь мигранты», убеждаясь на практике, что повседневная межэтническая напряженность ниже, чем в основных мегаполисах страны.

Многие исламские общины российского Севера стараются не просто укорениться на новом месте. Лидеры и активисты этих сообществ хранят память о первых мусульманах, появившихся в том или ином полярном городе для того, чтобы определить «отцов-основателей» общины. Ярким примером может служить история с мечетью в столице ЯНАО Салехарде, которая была возведена на территории бывшего татарского кладбища. Несмотря на то, что эта история была плохо воспринята многими пожилыми верующими, муниципальные власти передали ее общине в качестве акта реабилитации репрессированных в советское время мусульман [Laruelle, Hohmann].

Мусульманские религиозные и предпринимательские лидеры также начали использовать северные бренды в своей деятельности. Бренды «Арктика», «Сибирь» используются в производстве и рекламе косметических и органических продуктов. Например, некоторые мусульманские предприниматели начали производить джемы из местных сибирских ягод, называя их арктическими. Они планируют продвигать халяльное мясо из туш северного оленя, а также предложить халяльную версию сибирской речной рыбы. Две фирмы из Ямала: «Нида-Ресурс» и «Возрождение», базирующиеся в Надыме, представили арктические продукты халяль на главной российской выставке халяль в 2018 году в Казани, ориентированной не только на граждан России, но и на более широкий исламский рынок, даже ведя переговоры с саудовской фирмой. «Нида-Ресурс» также заключила соглашение с Ямало-Ненецкой областной администрацией о нацеленности на халяльный рынок Шанхайской организации сотрудничества [Магомедов: 49].

Сказанное позволяет говорить не только о том, что в России меняется мусульманская география, но и о том, что новые мигранты и новые социальные условия оказывают влияние на коллективную идентичность северных регионов. Возможно, со временем появятся новые дискурсивные драйверы, которые будут дополнять или изменять прежние полярные идентичности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Магомедов А.К. Появление и институционализация мусульманских сообществ в российских арктических городах: адаптационные практики и становление северной исламской идентичности // Межконфессиональные отношения в регионах российской Арктики и субарктики: Сб. экспертно-аналитических докладов / Под ред. Омарова М.А. М.: Изд-во РГГУ, 2019. С. 5–58.

Опарин Д. Мусульманское пространство Томска и его акторы // Ridl. November 6, 2019. URL: https://www.ridl.io/ru/musulmanskoe-prostranstvo-tomska-i-ego-aktory/ (дата обращения: 19.11.2021).

Laruelle M., Hohmann S. Polar Islam: Muslim Communities in Russia's Arctic Cities // Problems of Post-Communism. 2020. Vol. 67. Issue 4–5. P. 327–337. DOI: 10.1080/10758216.2019.1616565

Yarlykapov A. Divisions and Unity of the Novy Urengoi Muslim Community // Problems of Post-Communism. 2020. Vol. 67. Issue 4–5. P. 338–347. DOI: 10.1080/10758216.2019.1631181

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор политических наук, главный научный сотрудник и профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, Российский государственный гуманитарный университет; профессор кафедры теории регионоведения, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия; armagomedov@gmail.com

Magomedov Arbakhan K., Doctor of Political Sciences, Senior Researcher and Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, Russian State University for the Humanities; Professor of the Department of the Theory of Regional Studies, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

УДК 297

ИСЛАМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ТРАДИЦИИ, АКТИВИЗМ И ДИНАМИКА

В.Х. Акаев

Ислам на Северном Кавказе имеет свои особенности, которые сложились исторически в ходе его появления в регионе, это и взаимоотношения с властью в царский, советский и постсоветский периоды. Местная специфика также сопряжена с местными этнокультурными традициями, которые в ходе сакрализации становились частью местной исламской культуры. Особенности параллельного ислама подчеркивают тарикаты накшбандийа, кадирийа и шазалийа, бытующие на Северо-Восточном Кавказе (Дагестане, Чечне и Ингушетии), а на Северо-Западном Кавказе ислам в значительной мере сопряжен с элементами народной культуры, нередко приобретающие сакральный характер. Появление нетрадиционных для региона исламистских течений (ваххабизм, салафизм) накануне и после распада СССР, придали возрождающему исламу выраженный политический характер, конкретизируя его особенности.

Ключевые слова: ислам, мазхаб, суфизм, параллельный ислам, репрессии, нетрадиционные исламские течения, мечети.

ISLAM IN THE NORTHERN CAUCASUS: TRADITIONS, ACTIVISM AND DYNAMICS

V.Kh. Akaev

Islam in the North Caucasus has its own characteristics, which have developed historically in the course of its appearance in the region, relations with the authorities in the tsarist, Soviet and post-Soviet periods. They are also associated with local ethno-cultural traditions, which, in the course of sacralization, became part of the local Islamic culture. The features of parallel Islam are emphasized by the Nakshbandiyya, Qadiriyya and Shazaliya tarikats that exist in the North-Eastern Caucasus (Dagestan, Chechnya and Ingushetia), while in the North-Western Caucasus Islam is largely associated with elements of folk culture, often acquiring a sacred character. The emer-

gence of non-traditional Islamist movements (Wahhabism, Salafism) for the region on the eve and after the collapse of the USSR gave the resurgent Islam a pronounced political character, concretizing its features.

Keywords: Islam, madhhab, Sufism, parallel Islam, repressions, non-traditional Islamic movements, mosques.

Ислам в России, наряду с христианством, иудаизмом и буддизмом, другими религиями, является неотъемлемой частью исторического наследия народов России [Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»]. Безусловно, наряду с другими религиями ислам составляет важную часть духовного наследия и современного культурного состояния многочисленных народов нашей страны.

Распространение и утверждение ислама на Северном Кавказе – процесс сложный, противоречивый, порою и трагический. Ислам, бытующий среди народов Северного Кавказа, имеет свои региональные духовные и институциональные особенности, которые сложились и приобрели свои очертания, формы проявления и функционирования в царский, советский и постсоветский периоды. В царское время и в советский период в регионе сложился слой мусульман, исполняющие скрытно от власти свои специфические религиозные ритуалы. В советское время такая духовная религиозная ситуация получила название параллельного ислама, которого отличали от ислама, контролируемого властью, назначавшей официальных мулл, кадиев, муфтиев, призванных управлять духовной жизнью мусульманами.

Особенность ислама суннитского направления на северовосточной части Кавказа (Дагестан, Чечня и Ингушетия) заключается в том, что он сопряжен наличием здесь преимущественно шафиитского мазхаба, который, по утверждению замечательного отечественного востоковеда А.Р. Шихсаидова, проник из Сирии. Наличие же суфизма, функционирующего посредством тарикатов накшбандийа, кадирийа и шазилийа, их вирдовых структур также особенность регионального ислама. А тем временем ислам на северо-западном Кавказе связан с ханифитским мазхабом, ко-

торый в значительней мере приспособлен к народной культуре, адаптирован к древним языческим элементам.

Время и условия проникновения ислама среди народов Северного Кавказа, его локально-региональные особенности, отличаются от суннитского ислама, ныне бытующего в Поволжье, где преобладает ханифитский мазхаб. Так, в Российской Федерации мусульмане-сунниты придерживаются этого мазхаба, ими являются большинство мусульман Республики Адыгея, Башкортостана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Крыма, Татарстана, Северной Осетии, ногайцы и часть кумыков Республики Дагестан.

Сталинские репрессии 20–30-х годов XX столетия привели к массовым арестам и расстрелу многих советских мусульман, в том числе и Северного Кавказа. Так, в Дагестане подверглись арестам значительное количество представителей духовенства, в том числе и суфийские шайхи, простые мусульман [Сулаев: 121]. В Чечено-Ингушетии были подвергнуты к аресту более 600 мулл, пострадали десятки тысяч простых мусульман. В Чечено-Ингушетии были закрыты мечети, исламские школы. Изучение Корана, обучение детей арабскому языку считалось преступлением против государства. Многие мечети, построенные на народные деньги, были превращены в клубы, зернохранилища.

После депортации чеченцев и ингушей власть разрушала могилы умерших, выкапывались надмогильные плиты (чурты — чеч.) с надписями на арабском языке, используя их для строительных объектов. С возвращением на свою историческую родину они восстанавливали разрушенные кладбища, зияраты святых, вопреки запретам подпольно изучали Коран. Нередко происходили аресты наиболее активных мусульман. Официальный ислам, контролируемый муллами, имамами мечетей в ЧИАССР был достаточно слабым, не имел такое духовное влияние, которое оказывали вирдовые братства. Здесь в духовной жизни доминирующая роль принадлежала параллельному исламу [Бенигсен: 62–63], представлявшему собой не связанные с властью, образующие вирдовые братства, зикристские группы, которых власть объявляла сектантами. Идеологические работники в Чечено-Ингушетии заявляли, что «зикризм и культовые обряды всех зикрист-

ских братств представляют собой наихудшее зло, с которым необходимо вести решительную борьбу до его полного искоренения» [Мустафинов: 41].

До 80-х годов XX столетия Чечено-Ингушетия была единственной республикой с преобладающим мусульманским населением, в которой не было ни одной мечети. Тем самым мусульмане были лишены возможности реализовать свои религиозные потребности. У 60-му году на Северном Кавказе функционировало 63 мечети, из них 30 мечетей было в Дагестане, в Ставропольском крае – 20, в Кабарде – 7, а 6 мечетей было в Краснодарском крае [Сулаев: 287].

Партийные органы религиозную активность мусульман в ЧИАССР оценивали, как пережиток прошлого и призывали членов КПСС, комсомола осуществлять непримиримую борьбу с этим явлением, тормозящим строительства социализма в республике.

В СССР отношение к исламу менялось медленно, даже перестройка не сразу привела к его заметному изменению. В страну из-за рубежа стали проникать ранее неизвестные советским мусульманам исламские религиозно-политические течения, организации, отличающие активной деятельностью, допуская экстремистские действия. Появились группы «новых мусульман», которых в народе стали именовать ваххабитами, салафитами, отличавшиеся политической активностью. Они решительно выступали против исторически сложившихся традиций российских мусульман. Местных мусульман-традиционалистов они обвиняли в незнании ислама, искажении его посредством сакрализации отдельных этнокультурных ценностей.

Перестроечные процессы в СССР позволили мусульманам в целом активизировать свою деятельность: строить мечети, издавать исламскую литературу, совершать хадж в Мекку, открывать школы и вузы, отправляться учиться в зарубежные мусульманские страны (Египет, Сирия, Иордания, Саудовская Аравия, Тунис и др.).

В современной России сложилась другая духовная, религиозно-политическая ситуация. Власть проявляет терпимое отношение к исламу. Активно развивается исламское образование,

культура. Это ситуация заметна на Северном Кавказе, где во всех республиках построены и строятся тысячи новых мечетей. Так, в Чеченской Республике, построена 1100 мечеть, функционирует Российский исламский университет им. Кунта-Хаджи открытый при прямой поддержке Президента России В.В. Путина. В нем готовятся мусульманское духовенство с высшим образованием. В нем обучается более 800 студентов и магистров из Чечни, а также из других регионов России. В нем уделяется значительное внимание традициям исламского образования, исторически сложившимся на Северном Кавказе, в том числе и в Чечне, в частности, изучается суфизм, жизнь и деятельность чеченских, ингушских, дагестанских устазов, распространявших ислам среди чеченцев, призывая их к миру, духовно-нравственному совершенству.

Исламское возрождение в регионе было сопряжено не только с описанными выше духовными процессами, но и усилением религиозно-политических, что проявлялось в возникновении исламских партий, активном участии мусульман в политической жизни России. Появление и распространение нетрадиционных для региона исламских течений было сопряжено с созданием в 1990 году «Исламской партии возрождения» (рук. А. Ахтаев, Г. Джемаль, В. Садур) в г. Астрахань. В программе этой партии ставилась цель возрождения ислама среди народов бывшего советского политико-географического пространства, очищение мусульманской религиозной практики от всего наносного и возвращения ее к первоистокам мусульманского вероучения – Корану и Сунне [Игнатенко: 176].

Сторонников этой партии стали называть «ваххабитами». В начале своей деятельности они осуществляли просветительскую работу, издавали литературу, в которой разъяснялись принципы *таухида*, *джихада*, критиковалось многобожие местных мусульман, духовенства. Нередко они вступали в конфликты с просвещенными представителями традиционного духовенства. Представители «северокавказского ваххабизма» (Б. Кебедов, А. Матаев, И. Халимов и др.) заявляли, что традиционное мусульманское духовенство на Северном Кавказе, в том числе и в Чечне, находится в заблуждении, а местный ислам предлагали заменить «чистым исламом», существовавшим во времена пророка Му-

хаммада и праведных халифов. Споры между традиционалистами и представителями нетрадиционных для региона исламских течений нередко перерастали в жесткие конфликты. Они происходили в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии.

Против политики, которая осуществлялась сторонниками «чистого ислама» решительно противостояли муфтий Дагестана С.М. Абубакаров, муфтий Ичкерии А.-Х. Кадыров, считавшие, что религиозные радикалы приносят чеченскому народу не чистый ислам, а значительный вред. Они не раз подвергали критике идеологию и практику ваххабизма, предупреждали об угрозе, исходящей от него мусульманам региона. А.-Х. Кадыров активно мобилизовывал мусульман Чечни и Северного Кавказа на борьбу с религиозными экстремистами, последние видя в нем своего врага, не раз совершали на него покушения с целью убийства [Акаев: 50–51].

В период правления А. Масхадова в Чечне религиозные радикалы — «ваххабиты», призывавшие к замене местного ислама «чистым исламом», сумели оттеснить традиционное духовенство на периферию общественно-политической жизни, ввели шариатские суды, на которых принимались решения вплоть до казни людей.

Деятельность религиозных экстремистов была направлена на разжигание вражды между мусульманами региона, придерживающихся разных течений и направлений в исламе, она ориентировала мусульман на всемирный джихад, создание исламского халифата на Кавказе, посредством вытеснения России. Их представители на Северном Кавказе настраивали молодежь против России, ориентируя ее на создание Кавказского халифата. Идеология и практика ваххабизма, деятельность представителей религиозно-политического экстремизма привели к тому, что среди мусульман резко обострились взаимоотношения, стали провоцироваться конфликты между представителями различных течений, а также между властью и верующими. В итоге экстремистская деятельность исламистов способствовала возникновению двух войн на Северном Кавказе, повлекших тяжелые испытания для мусульман региона. Решительное противодействие власти и севе-

рокавказских традиционалистов не позволило реализоваться радикальным планам представителей «чистого ислама».

Огромное внимание успешному функционированию ислама среди чеченцев, духовно-культурному развитию молодежи уделяет Глава Чеченской Республики Р.А. Кадыров, который успешно реализовал в республике многие идеи, которые вынашивали лучшие духовные просветители народа. В республике с 2008-2021 года построены сотни мечетей, функционируют исламские школы, вузы, школы хафизов, проводится целенаправленная работа по преодолению среди молодежи экстремистских, радикалистских тенденций, в которой эффективное участие принимают представители традиционного духовенства, а также учителя, ученые, журналисты, практические работники. При этом значительное внимание уделяются мобилизации этнокультурного ресурса – народных обычаев, традиций, исламских, суфийских ценностей, осуждающих несправедливость, насилие и кровопролитие. Уделяется внимание духовному совершенству верующих, молодых людей. Аналогичная работа проводится и в других республиках Северного Кавказа.

По данным Духовного управления мусульман ЧР за 2022 год 85 человек из разных регионов России и других стран мира приняли Ислам в Чеченской Республике (В Чеченской Республике за 2022 год приняли ислам). Этничность в самосознании чеченцев является доминантой, что характерно для многих народов Северного Кавказа. Однако этот фактор не учитывался силами, навязывавшими чеченскому обществу религиозно-идеологические ценности, сформировавшиеся вне цивилизационно-культурного пространства Кавказа. Некоторые этнографы считают, что проблема традиционности ислама на Северном Кавказе неизбежно выходит на другую проблему – это конфронтация между исламской молодежью и представителями старшего поколения, позиционирующего себя носителем так называемого «традиционного ислама». Молодые люди подвергают критике ряд положений суфийского ислама, полагая, что он расходится с идеологией салафизма (ислама времен праведных халифов). По их мнению, мусульманская религия должна быть очищена от нововведений, заблуждений.

Традиционный ислам в Чеченской Республике в целом представляет собой синкретическую культуру, опирающуюся на две традиции — этническую с элементами древней культуры и исламскую. Эта общая характеристика местного ислама коррелируется со спецификой, сопряженной с суфийскими ценностями, функционированием института вирдовых братств, оказывающих влияние на духовность и религиозно-политическую ситуацию в обществе.

Такая культура характерна и для ислама, бытующего и в других республиках Северного Кавказа. А эта специфика явилась одним из прочных препятствий в деле широкого распространения в регионе влияния религиозно-политического экстремизма, который проявлял себя под исламскими лозунгами.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Акаев В.Х. Ислам в Чеченской Республике. М.: Логос, 2008.

Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 2004.

Бенигсен А. Мусульмане в СССР. Париж: YMCA-PRESS, 1983. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/benigsen_musulmane_v_sssr_1983_text.pdf (дата обращения: 18.11.2022).

В Чеченской Республике за 2022 год приняли ислам 85 человек. URL: https://www.grozny-inform.ru/news/society/145770/ (дата обращения: 18.11.2022).

Игнатенко А. Исламская партия возрождения // Ислам в России и Средней Азии. М.: Логос, 1993.

Мустафинов М.М. Зикризм и его социальная сущность. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1975.

Сулаев И.Х. Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: история взимоотношений (1917–1991). Махачкала, 2009.

Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. N 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с изменениями и дополнениями). URL: https://base.garant.ru/171640/ (дата обращения: 18.11.2022).

Акаев Вахит Хумидович, доктор философских наук, главный научный сотрудник, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН; профессор, Российский исламский университет им. Кунта-Хаджи, г. Грозный, Чеченская Республика, Россия; akaiev@mail.ru

Akaev Vakhit Kh., Doctor of Philosophical Sciences, Chief Researcher, Kh.I. Ibragimov Complex Research Institute of the Russian Academy of Sciences; Professor, Russian Islamic University named after Kunta-Hadji, Grozny, Chechen Republic, Russia

УДК 930.1:303.446.33(575.2)(04)

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В КЫРГЫЗСТАНЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

А.Р. Бикбулатова

В статье анализируется религиозная политика Кыргызской Республики в постсоветский период, причины ее лояльного отношения к религии. Дается численность религиозных общин в стране. Наблюдается рост религиозности среди населения. Рассматривается состояние исламской религиозной общины страны, причины ее неоднородности, раскола на различные непримиримые джамааты (группы), отсутствие консолидирующих основ, рост радикализма, противостояние религиозности и светскости. Даются рекомендации по стабилизации религиозной ситуации.

Ключевые слова: Кыргызстан, религиозная ситуация, ислам, мазхабы, традиционный ислам.

RELIGIOUS SITUATION IN KYRGYZSTAN AND DEVELOPMENT TRENDS

A.R. Bikbulatova

The article analyzes the religious policy of the Kyrgyz Republic in the post-Soviet period, the reasons for its loyal attitude to religion. The number of religious communities in the country is given. There is an increase in religiosity among the population. The state of the Islamic religious community of

the country, the reasons for its heterogeneity, the split into various irreconcilable» jamaats» (groups), the lack of consolidating foundations, the growth of radicalism, the opposition of religiosity and secularism are considered. Recommendations are given to stabilize the religious situation.

Keywords: Kyrgyzstan, religious situation, Islam, madhhabs, traditional Islam.

Кыргызстан всегда был полиэтнической страной, а за годы суверенного развития Кыргызская Республика стала и поликонфессиональной. В постсоветский период политика государства отличалась лояльным отношением, принятием либерального законодательства в сфере религии. В результате это привело к активизации миссионерской деятельности зарубежных государств и росту числа религиозных организаций.

На начало 2021 года в Государственной комиссии по делам религий Кыргызской Республики прошли учетную регистрацию 3348 религиозных объединений. Из них 2930 исламского и 404 христианского направления, а также 12 общин Бахаи, 1 иудейская и 1 буддистская общины. Крупнейшим из них является Духовное управление мусульман Кыргызстана (далее — ДУМК), которое обеспечивает сохранение ханафитского мазхаба и матуридитского вероубеждения среди мусульман [Концепция государственной...2021]. Для сравнения в 1991 г. в стране было всего 39 мечетей [Как изменилось...]. Бурный рост религиозных организаций привел к росту религиозности среди населения, на сегодняшний день свыше 80% населения считают себя мусульманами, к православным христианам причисляют себя (7%) и других религиозных верований (12%) [Усенов].

Как видно, большинство населения Кыргызстана причисляют себя к мусульманам, за три десятка лет в период независимости, в стране сложилась мусульманская община, степень проникновения ислама в общественную жизнь, повседневные отношения, правила поведения и даже лексикон с каждым годом становится все более очевидным. В данной статье мы попытаемся проанализировать внутреннее состояние данной общины в стране.

В отличие от соседних стран мусульманская община Кыргызстана имеет свои отличия. Она сложилась благодаря не только

внутренним процессам, поискам религиозной, этнической идентичности, росту религиозного самосознания. Но и из-за относительной открытости границ нашей страны, лояльности госструктур она оказалась под сильным влиянием других мусульманских стран. Об этом свидетельствует тот факт, что большинство мечетей в стране были построены при финансовой поддержке со стороны турецких, пакистанских, арабских, иранских и других религиозных организаций и деятелей [Концепция государственной...2014]. На наш взгляд, это говорит о наличии прямого влияния этих стран на формирование мусульманской общины, а также в целом на сложившуюся религиозную ситуацию в стране.

Мусульманская община страны традиционно придерживается ханафитского мазхаба, которая не противоречит традиционной культуре обычаям, традициям местного населения, но как было указано выше, в страну стали проникать «не традиционные», религиозные направления Ислама из других стран. Например, в стране активно ведет свою деятельность религиозное движение Таблиги Джамаат. Кыргызстан, единственная из стран постсоветского пространства, где не запрещена их деятельность. Они известны своей миссионерской деятельностью – даваат. Последователи движения заявляют о своей аполитичности и стремлении донести суть ислама через давааты. Исключением для запрета стала группировка «Йакын инкар», отделившаяся от Таблиги Джамаата [Усенов].

По данным теологов, религиозных аналитиков в стране наблюдается процесс салафизации и такфиризации, которая привела к расколу мусульманской общины страны на различные непримиримые джамааты (групп). Они также отмечают о наличии салафитских такфиритских радикальных групп — глубоко скрытых, полуспящих ячеек внутри мусульманского общества, которые при определенных условиях могут привести к дестабилизации обстановки не только в стране, но и во всем регионе.

Среди представителей некоторых джамаатов наблюдается самоизоляция (заключается в минимальных контактах с внешним «кафирским» миром), отказ от национальных традиций и обычаев, национальной, светской одежды, в том числе от работы в го-

сударственных учреждениях и предприятиях. При контакте с ними, нередко возникают конфликты на бытовом уровне.

Религиозные аналитики также указывают на наличие еще одной, не менее важной отличительной характеристики мусульманской общины Кыргызстана последних лет, случаи политизации религии — вовлечения членов религиозных организаций в политические процессы.

Таким образом, в целом состояние современной мусульманской общины Кыргызстана характеризуется, как неоднородная и полиморфная. Основными причинами раскола мусульманской общины страны являются религиозная безграмотность населения, наличие различных и часто сомнительных источников информации, отсутствие или нехватка компетентных и квалифицированных кадров в мечетях, отсутствие единой информационной политики в сфере религиозного просвещения.

Анализ религиозной ситуации страны показывает, что государственная политика в религиозной сфере все еще нуждается в совершенствовании для решения обозначенных проблем.

ДУМК необходимо направить усилия на обучение квалифицированных теологов, религиоведов, а также повышение уровня образования религиозных деятелей для всей структуры религиозной сферы. Вести пропаганду традиционных форм религии.

В целом в стране для гармоничного развития общества необходимо вести пропаганду традиционных форм религии, духовнонравственных ценностей, воспитывать взаимоуважение, толерантное отношение к представителям других конфессий.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Как изменилось количество мечетей и церквей в Кыргызстане после 1991 года. Инфографика URL: https://elgezit.kg/2019/10/22/kak-izmenilos-kolichestvo-mechetej-i-tserkvej-v-kyrgyzstane-posle-1991-goda-infografika/ (дата обращения: 22.10.2020).

Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014–2020 годы. Утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 14 ноября 2014 года № 203.

Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2021–2026 годы. Принята Указом Президента

Кыргызской Республики №412 от 30 сентября 2021 г. // Эркин Тоо. 2021. 5 окт. №102.

Усенов А. Религиозная политика в Кыргызстане: анализ достижений и проблем. URL: https://cabar.asia/ru/religioznaya-politika-v-kyrgyzstane-analiz-dostizhenij-i-problem#: (дата обращения: 22.10.2020).

Бикбулатова Аниса Рифовна, доктор исторических наук, профессор, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика; tataroved.anisa@yandex.com

Bikbulatova Anisa R., Doctor of Historical Sciences, Professor, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyz Republic

УДК 130.12; 211

КАЗАХСТАН – ЦЕНТР МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ

К.К. Бегалинова

В статье анализируется межконфессиональная политика Республики Казахстан, сформировавшаяся за годы независимого его существования. Показывается, что в стране созданы правовые, социально-духовные и иные условия для мирного сосуществования различных конфессий, в основе которых лежит конструктивный диалог. Отмечается важность инициатив, выдвигаемых руководством страны по проведению различных мероприятий, имеющих важной целью достижение межконфессионального и межнационального согласия. Раскрывается особая значимость съездов лидеров мировых и традиционных религий, которые проводятся один раз в три года. Первый съезд был проведен в сентябре 2003 года, а последний седьмой съезд в сентябре 2022 года. Автор подчеркивает, что все религии должны стремиться к диалогу, к сотрудничеству, что необходимо в условиях глобализации. И в основе этого диалога должны лежать принципы межконфессиональных отношений, важнейшим из которых является толерантность. В заключении показывается, как Казахстан создал уникальную модель межконфессионального согласия, став мировым центром межрелигиозного диалога.

Ключевые слова: Казахстан, религия, межконфессиональные отношения, этнорелигиозные факторы, религиозные объединения, модель межконфессионального согласия, съезды мировых и традиционных религий.

KAZAKHSTAN IS A CENTER FOR INTERFAITH HARMONY

K.K. Begalinova

The article analyzes the interfaith policy of the Republic of Kazakhstan, which has been formed over the years of its independent existence. It is shown that the country has created legal, socio-spiritual and other conditions for the peaceful coexistence of various confessions, which are based on a constructive dialogue. The importance of the initiatives put forward by the country's leadership to hold various events with the important goal of achieving interfaith and interethnic harmony is noted. The special significance of the congresses of leaders of world and traditional religions, which are held once every three years, is revealed. The first congress was held in September 2003, and the last seventh congress in September 2022. The author emphasizes that all religions should strive for dialogue, for cooperation, which is necessary in the context of globalization. And this dialogue should be based on the principles of interfaith relations, the most important of which is tolerance. In conclusion, it is shown how Kazakhstan created a unique model of interfaith harmony, becoming the world center of interreligious dialogue.

Keywords: Kazakhstan, religion, interfaith relations, ethno-religious factors, religious associations, model of interfaith harmony, congresses of world and traditional religions.

Казахстан — полиэтническое и поликонфессиональное государство. И одним из основных приоритетов его политики в духовно-культурной сфере выступает межэтническое и межконфессиональное согласие, в основе которого лежит развитие конструктивного диалога между государством и религиозными организациями. Этот диалог строится на законодательно-правовой основе, регулирующей все стороны их взаимоотношений, что способствует укреплению стабильности общества. Не случайно, одним из первых законов независимого Казахстана был Закон о религиозных объединениях, принятый в 1992 г., который многими

исследователями признается либеральным, мягким. И с этой оценкой можно согласиться, поскольку перед нашим обществом в те годы стояла сверхсложная, трудная задача, связанная с закреплением основ светского (а не атеистического) государства. И данный Закон соответствовал духу того периода, опиравшегося на исторические, социально-политические, этнорелигиозные факторы и, своей стратегической целью, направленной на обеспечение реализации конституционных прав человека и гражданина на свободу совести, укрепление межэтнического согласия, недопущения межрелигиозных конфликтов.

Но со дня его принятия произошли кардинальные социальнополитические изменения, как в мировом масштабе, так и внутри казахстанского общества. К началу нового столетия мировая система из двухполюсной превратилась в однополюсную, социалистическая система разрушилась как карточный домик. И в этот период, когда у казахстанских людей, как и у всех постсоветских, образовалась духовная пустота, духовный вакуум, по словам И. Франкла, в республику устремляется целая армия проповедников, миссионеров воевать за души людей, отвоевывать место под духовным солнцем нашей отчизны. Появляются такие направления, о которых люди ничего не слышали или имели о них весьма смутное представление. Мунниты, методисты, мормоны, саентологи, Свидители Иеговы, кришнаиты, бахаи – вот неполный список вероучений, которые появились в эти годы. Имели место факты нарушения законодательства Республики Казахстан со стороны приверженцев этих новых религий, которые, выступая по форме миролюбивыми, на деле имели не столько религиозный характер, сколько «грязно-торгашеский», стараясь из всего извлекать пользу, материальную выгоду. И игнорировать религиозный фактор было невозможно. Поэтому назрела острейшая необходимость в принятии нового Закона «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», который был принят в 2011 году. В настоящее время в нашей республике действуют 18 конфессий и 3 800 религиозных объединений. Как видим, религиозная палитра в стране многоцветна, многоаспектна. Наибольшее распространение на территории Казахстана получила самая молодая из мировых религий – ислам. Религия пророка Мухаммеда

пришла на территорию нашей страны в IX веке, превратившись в один из главных факторов развития культуры, образования и науки. В эпоху становления казахской государственности ислам содействовал консолидации и единению общества.

В XXI веке, в мире, наполненном конфликтами и распрями, значение межрелигиозного диалога неизмеримо велико. Инициативы, выдвигаемые нашей страной по проведению различных мероприятий, дают серьезный импульс для дальнейшего развития глобального диалога религий. Несмотря на все сложности первых лет независимого существования, именно Казахстан в 1992 году стал местом проведения I Всемирного конгресса духовного согласия, собравшего представителей множества различных конфессий, ученых и деятелей культуры.

Немаловажным шагом к укреплению межконфессионального согласия стало проведение Съезда лидеров мировых и традиционных религий [Съезд]. Опыт и политика республики, направленные на поддержание мира и согласия между представителями различных религий, ещё раз подтвердили мировой общественности возможность равноправного и плодотворного диалога религий. І Съезд мировых и традиционных религий состоялся 23–24 сентября 2003 года. В молодую столицу Казахстана прибыли 17 религиозных делегаций, а также почетные гости и члены международных организаций. Лидеры мировых конфессий сошлись во мнении, что все религии должны стремиться к сотрудничеству, признавать толерантность и взаимовосприятие, как существенные инструменты мирного сосуществования всех народов.

Новым шагом в деле укрепления межконфессионального согласия стал VII Съезд лидеров традиционных и мировых религий, состоявшийся в сентябре 2023 г. В нем приняли участие такие высокопоставленные лидеры, как Папа Римский Франциск, Верховный имам аль-Азхара шейх Ахмед ат-Тайеба, Ашкеназский раввин Израиля Давид Лау и многие другие лидеры религиозных конфессий, ученые, политические деятели стран Европы и Азии, руководители и посланники ведущих международных организаций – ООН, ОБСЕ и ЮНЕСКО. Гуманистические идеи Форума внесли свой вклад в укрепление взаимопонимания между народами и религиями.

Для проведения съездов традиционных и мировых религий в столице Казахстана был специально построен Дворец мира и согласия, создателем которого является известный британский архитектор Норман Фостер. Уникальное здание, построенное в форме пирамиды, стало своеобразным символом встречи и диалога религий мира. Возведенный из стали и камня, 62-метровой высоты дворец призван стать глобальным центром духовного взаимопонимания, обителью всех мировых религий. Сегодня дворец мира и согласия является достопримечательностью не только Казахстана, но и всего центральноазиатского региона. По словам архитектора Н. Фостера, пирамида уникальна, в ней «полно света и пространства, что противоречит традиционным представлениям о ней». Стены пирамиды обращены на четыре стороны света, что символизирует открытость и дружелюбие Казахстана ко всем странам и народам нашей Земли.

Межконфессиональное согласие — проблема многоплановая, требующая постоянного внимания и решения. Пример Казахстана показал миру, что многообразие — это не недостаток, напротив, это неоценимый дар, благодаря которому происходит настоящее взаимообогащение, подлинное развитие. Каждый народ обладает неповторимыми, присущими только ему традициями, историей, складом мышления, вносит свою особую мелодию в полифонию духовной культуры человечества. И сегодня Казахстан готов поделиться с миром своим опытом формирования гармоничных отношений в поликонфессиональном обществе.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Съезд лидеров мировых и традиционных религий. Официальный сайт. URL: https://www.religions-congress.org (дата обращения: 1.12.2022).

Бегалинова Калимаш Капсамаровна, доктор философских наук, профессор кафедры религиоведения и культурологии, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Астана, Республика Казахстан; kalima910@mail.ru

Begalinova Kalimash K., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Religious and Cultural Studies, Al-Farabi Kazakh National University, Astana, Republic of Kazakhstan

СЕКЦИЯ 2. Российское исламское образование, духовные институты и идентификационные процессы среди мусульман России и стран СНГ в контексте формирования общегражданского единства

УДК 297.1

ОСОБЕННОСТИ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ДАГЕСТАНЦЕВ

3.М. Абдулагатов

В статье показаны некоторые особенности исламского образовательного процесса дагестанцев в современных условиях. Исследовательская методология состояла из отдельных методик, таких как исторический подход, статистика исламского образовательного процесса в Республике Дагестан, социологические опросы. Дается критический анализ официальной статистики исламского образовательного процесса в Дагестане, которая, по нашим оценкам, весьма приблизительна в отношении примечетских школ и зарубежного исламского образования мусульман республики. Приведены результаты анализа социологических опросов о причинах резкого уменьшения количества обучающихся в исламских учебных заведениях республики. Отрицательная динамика связана не с ослаблением интереса дагестанцев к исламскому образованию, а со значительным уменьшением количества исламских образовательных учреждений в республике в ходе получения лицензий на образовательную деятельность. Особое внимание автор обратил на роль примечетских школ в исламской социализации дагестанцев. Начальный сегмент исламского образования охватил значительно большее число молодых дагестанцев, в особенности школьников, чем медресе и мусульманские высшие учебные заведения. В то же время нет механизмов регулирования этой деятельности.

Ключевые слова: исламское образование, зарубежное образование, примечетские школы, медресе, дагестанцы, лицензия, социологический опрос.

FEATURES OF THE ISLAMIC EDUCATIONAL PROCESS OF THE DAGESTANS

Z.M. Abdulagatov

The article shows some features of the Islamic educational process of Dagestanis in modern conditions. The research methodology consisted of separate methods, such as a historical approach, statistics on the Islamic educational process in the Republic of Dagestan, sociological surveys. A critical analysis of the official statistics of the Islamic educational process in Dagestan is given, which, according to our estimates, is very approximate in relation to schools of note and foreign Islamic education of Muslims in the republic. The results of the analysis of sociological surveys on the reasons for the sharp decrease in the number of students in the Islamic educational institutions of the republic are given. The negative dynamics is not associated with a weakening of the interest of Dagestanis in Islamic education, but with a significant decrease in the number of Islamic educational institutions in the republic in the course of obtaining licenses for educational activities. The author paid special attention to the role of the Mosque schools in the Islamic socialization of the Dagestanis. The initial segment of Islamic education embraced a significantly larger number of young Dagestanis, especially schoolchildren, than madrasas and Muslim higher educational institutions. At the same time, there are no mechanisms for regulating this activity.

Keywords: Islamic education, foreign education, Tibetan schools, madrassas, Dagestanis, license, sociological survey.

В постсоветской России арабский язык, непосредственно связанный с сакральными текстами ислама, стал одним из главных символов мусульманской культуры. Образовательные процессы на арабском языке стали нормой для многих тысяч россиян. Вместе с тем исламский образовательный процесс стал проблемным как для государства, так и для общества в целом.

На апрель 2018 года, по сведениям Министерства юстиции РФ, зарегистрировано 78 мусульманских учебных заведений, из них 25 — считаются высшими, а 53 — относятся к средним учебным заведениям—медресе. На тот период на Северном Кавказе функционировали 11 высших, (в т. ч. в Дагестане — 6, Чечне — 2, Ингушетии — 2, Кабардино-Балкарии — 1), 27 средних (в т. ч. в

Дагестане — 13, Чечне — 13, Ингушетии — 1) исламских учебных заведений [Муртазин: 439]. Показатели по Дагестану относительно высокие для мусульманского населения республики: оно составляет примерно 20% от общего числа мусульман России.

По информации Министерства по национальной политике и делам религий Дагестана, на август 2019 г. число прошедших обучение за границей по сравнению с 2000 годом уменьшилось в два раза [Муслимов: 428]. Количество примечетских школ к 2022 году приблизительно равно 1200. Зарубежное образование, по информации Управления по делам религий РД, получают 60–80 человек.

В то же время на 01.02.2001 г., в Дагестане функционировали: 17 вузов (2835 студентов), 44 филиала вузов (2045 студентов) и 132 медресе (5329 учащихся). В вузах, в их филиалах и медресе обучались 10209 человек. Примечетских школ было 245 [Религии...: 98–100].

Начиная с 2012 года, идет резкое снижение статистических показателей исламского образовательного процесса в Дагестане [Абдулагатов: 139–141]. Предположительно, причин этому несколько. В Управлении по делам религий при Министерстве по национальной политике и делам религий Дагестана считают, что это связано со снижением интереса, особенно молодежи, к получению исламского образования. За последние годы количество исламских вузов в республике уменьшилось более, чем в три раза, медресе - в 9 раз. Считать причиной этому ослабление интереса к исламскому образованию нет оснований. Эти сокращения проводились в связи с требованиями государства о необходимости получения лицензий на исламскую образовательную деятельность. Это не означает, что количество желающих вести такого рода деятельность так же, как и желающих получать в них исламское образование, уменьшилось. Частично это объясняется тем, что в 2001 году число примечетских школ, для образовательной деятельности которых в Дагестане не требуют лицензии, было равно 245, а на 24.08.2022 г. – 1200. (В Татарстане этот показатель равен 270 [Насибуллов: 32-33]). Исламское образование дагестанцы начали получать там, где лицензирование пока не требуется.

Не вызывает доверия официальная информация о снижении количества обучающихся за рубежом. Государство пока не способно контролировать этот процесс. Согласно результатам социологического опроса, проведенного автором в Республике Дагестан, по направлению Муфтията республики зарубежное исламское образование получали всего 7,5% опрошенных дагестанцев. Другая особенность этих поездок, выявленная в ходе социологического опроса, заключается в том, что около 50% выезжающих на учебу в зарубежье, получают исламские знания у частных лиц.

Если считать, как это делают официальные лица, что снижение интереса к исламскому образованию связано с невозможностью посвятить себя профессиональной религиозной деятельности, это означало бы неоправданно сильное сужение содержания интереса дагестанцев к исламскому образованию. Об этом свидетельствуют результаты социологических опросов, как в исламских учебных заведениях республики, так и среди мусульман, обучавшихся в зарубежных исламских учебных заведениях. В частности, всего 22,2% обучающихся в исламских учебных заведениях Дагестана на вопрос «Каковы Ваши планы на будущее в связи с получением исламского образования?», ответили: «Надеюсь найти работу, соответствующую моему исламскому образованию (имам мечети, будун, кадий, преподаватель мактаба, медресе, исламского вуза...)». Ответ «Буду продолжать свое образование» дали 52,4% опрошенных.

Проблемным остается начальный сегмент исламского образования — то, что часто обозначают как примечетскую школу. Лицензирования на этом уровне исламского образования нет. В то же время это наиболее важный уровень исламского образования не только в смысле усвоения арабского алфавита, приобретения навыков арабского чтения, но и формирования исламского мировоззрения, основных убеждений о том, как устроен мир. Государство не знает, кто и чему учит детей в примечетских школах. По данным социологического опроса, в Республике Дагестан около 40% учащихся общеобразовательных школ говорят о том, что получали, или получают исламское образование в начальном сегменте исламского образования.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Абдулагатов З.М. Дагестанец в исламском образовательном процессе. Махачкала: Алеф, 2016.

Муслимов Э.С. Исламское образование в Дагестане: современное состояние и перспективы // Ислам и исламоведение в современной России: сборник докладов Всероссийского исламоведческого форума / Под общ. ред. М.Я. Яхьяева. Махачкала: Алеф, 2019. С. 426–430.

Муртазин М.Ф. О проблемах развития исламского образования на постсоветском пространстве // Ислам и исламоведение в современной России: сборник докладов Всероссийского исламоведческого форума / Под общ. ред. М.Я. Яхьяева. Махачкала: Алеф, 2019. С. 436–443.

Насибуллов К.И. Начальный сегмент мусульманского образования: итоги мониторинга примечетских курсов в Республике Татарстан // Исламоведение. 2015. № 1. С. 32–33.

Религии и религиозные организации в Дагестане: справочник. Махачкала, 2001. С. 98–100.

Абдулагатов Заид Магомедович, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия; zaid48@mail.ru

Abdulagatov Zaid M., Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia

УДК 297

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ДОСТИЖЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

Д.М. Солодовник

В статье освещаются вопросы формирования системы исламского образования в Российской Федерации. Показана роль властных структур, представителей мусульманского духовенства, мусульманских институтов и научного сообщества в формировании актуальной повестки в становлении и развитии отечественного исламоведения, взаимодействия

институтов религиозного образования со светскими государственными учреждениями.

Ключевые слова: Ислам, исламское образование, татары, мусульманские институты, евразийская цивилизация.

DOMESTIC ISLAMIC EDUCATION: ACHIEVEMENTS AND MODERN CHALLENGES

D.M. Solodovnik

The article highlights the issues of the formation of the system of Islamic education in the Russian Federation. The role of government structures, representatives of the Muslim clergy, Muslim institutions and the scientific community in the formation of an urgent agenda in the formation and development of domestic Islamic studies, the interaction of religious education institutions with secular state institutions is shown.

Keywords: Islam, Islamic education, Tatars, Muslim institutions, Eurasian civilization.

В настоящее время происходит тотальный слом Мирового порядка, причём, как отметил в своём историческом выступлении на Валдайском форуме в октябре 2022 года Президент страны, разлом происходит по линии неолиберальных ценностей, агрессивно продвигаемых коллективным Западом, и традиционных, основанных на мировых религиозных учениях, а также на всей культурно-исторической самобытности отдельных наций и народностей [ТАСС. Впереди самое важное].

Общероссийская культура, порождённая в историческом развитии большим количеством этносов, то есть сообществом людей, имеющих общее происхождение, историческую память, не могла не вобрать в себя элементы национальных культур, связанных с искусством, обычаями, верованиями.

Национальная политика России, а в прошлом и СССР, всегда была нацелена на формирование и общегражданской идентичности с обязательным сохранением традиций каждого конкретного

народа. Основы бытия в России – это культурное многообразие, в том числе и в области духовных учений. Религиозное самосознание является важной составной частью общей культуры Российского государства.

Россия — особая Евразийская цивилизация, многонациональная и многоконфессиональная, которая в течение более тысячелетней истории являет собой пример уникального содружества 193 наций и народностей.

Ислам – это коренное традиционное духовное учение России, которое было принято на исторической территории даже раньше, чем православие, в 922 году на территории Волжской Булгарии (ныне республика Татарстан), а кавказские народы Дагестана и Северного Кавказа приняли ислам ещё в VIII веке. Многие эксперты отмечают, что распространение ислама происходило на этих территориях в большей степени в результате развития торговых, караванных связей в основном с Арабским халифатом.

Российская власть, обладая многовековым политико-правовым опытом в межконфессиональном диалоге, в настоящее время уделяет пристальное внимание развитию исламской российской богословской школы, которая, бесспорно, обладает собственной спецификой и традициями. Серьёзная работа самым активным образом началась с 2013 года после прямого поручения Правительству РФ Президентом страны. С 2014 года работает и несколько обновляется по форме Государственная программа по углублённому изучению истории и культуры ислама в нашей стране. Сейчас эта программа осуществляет свою деятельность через Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования при Администрации Президента РФ. В программе традиционно участвуют пять светских вузов: МГУ им. М.В. Ломоносова в лице нашего ИСАА МГУ, Санкт-Петербургский государственный университет, Казанский федеральный университет, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Пятигорский государственный университет и шесть религиозных исламских образовательных учреждений, которые работали и продолжают совместно работать для развития исламского государственного образования в стране. В современных геополитических условиях качественное исламское образование оказалось крайне востребованным. Оно

даёт возможность нашим квалифицированным мусульманским авторитетам эффективнее работать на международных площадках, особенно в Организации исламского сотрудничества, где Россия является с 2005 года наблюдателем. В области исламского образования уже достигнуты определённые успехи:

- 1. В России свободно работают около 80 религиозных исламских образовательных учреждений. В сентябре 2017 года в Татарстане открылась Болгарская исламская академия, членами Попечительского Совета которой стали ведущие исламоведческие научно-образовательные светские центры России. Болгарская академия заключила с ними Договоры о сотрудничестве, в том числе и с ИСАА МГУ. Президент страны ещё в 2018 году отмечал значимость взаимодействия религиозных образовательных учреждений и светских вузов, где занимаются исламоведческой тематикой. Он, в частности, сказал: «Сама по себе практика взаимодействия с крупными федеральными вузами очень важна, особенно на данном этапе развития религиозного образования. Сотрудничество с крупным учебным заведением, с научным центром придаёт совершенно другую окраску и уровень... религиозному образованию, особенно на этапе становления, делает его фундаментальным» [ТАСС. Путин].
- 2. Совместная, эффективная работа светских и исламских образовательных учреждений позволила разработать Федеральный Государственный Образовательный Стандарт по теологии («исламский модуль»), который стал основой системного государственного теологического исламского образования в РФ и обеспечивает выпускников дипломами государственного образца, способствуя необходимой интеграции мусульманских религиозных деятелей в значимые государственные социально-культурные и международно-образовательные проекты страны. Кроме того, Федеральный Государственный Образовательный Стандарт даёт возможность встроить исламское образование в единое государственное образовательное пространство страны.
- 3. Уже сегодня религиозные образовательные учреждения: Российский исламский институт (РИИ, город Казань) и Российский исламский университет (РИУ, город Уфа) являются членами Исполкома Федерации Университетов Исламского мира (ФУИМ)

в структуре ИСЕСКО. ИСЕСКО, как известно, Организация исламского мира, образования, науки и культуры (название изменено 30 января 2020 года) при Организации исламского сотрудничества (ОИС). В структуре ИСЕСКО действует ФУИМ (Федерация университетов исламского мира, в которую входят 230 университетов), а в Исполком ФУИМ входят всего 12 университетов, 2 из которых из Российской Федерации, что является бесспорным достижением развития исламского образования в стране. А учёный из ИВ РАН (Институт Востоковедения Российской Академии Наук) Саид Кямилев входят в Высший Совет ИСЕСКО.

- 4. Начато строительство трёхступенчатого исламского теологического образования: бакалавриат, магистратура, аспирантура. В 2015 году ВАК утвердил паспорт данной специальности, а в 2016 году были созданы Экспертный и Диссертационный Советы по теологии при ВАК РФ. Большим прорывом в развитии исламской теологии стала защита первой докторской диссертации в октябре 2020 года в Санкт-Петербургском государственном университете первого заместителя ДУМ РФ профессора Дамира Мухетдинова (профессор кафедры арабской филологии Восточного факультета). Характерно, что тема его диссертации «Исламское обновленческое движение конца XX начала XXI века: идеи и перспективы» [Мухетдинов] напрямую связана с формированием в настоящее время своеобразной суверенной российской конкурентноспособной религиозной доктрины.
- 5. В кругу авторитетных исламских богословов совместно со светскими образовательными учреждениями разрабатываются концепции «коранического гуманизма и обновленчества», основанного на тасаввуфе, то есть на отделении слов Божьих от локальных правовых норм, зачастую не соответствующих историко-культурным традициям нашей страны. Широкую известность получила в этой связи работа учёного Ибрагима Тауфика Камеля (Институт востоковедения РАН) «Коранический гуманизм. Толерантно-плюралистические установки» [Ибрагим Тауфик Камель].
- 6. В 2018 году совместными усилиями создана государственная Научно-образовательная Теологическая Ассоциация (НОТА), которая работает в тесном контакте с Советом по исламскому образованию РФ, который возглавляет доктор политиче-

ских наук, профессор Рафик Мухаметшин, ректор Российского исламского института в Казани. В эту Теологическую Ассоциацию входят как исламские, так и светские вузы, уже реализующие теологию («исламский модуль»). Учредителем данной организации выступил в том числе и МГУ имени М.В. Ломоносова.

7. При участии Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования при Администрации Президента РФ налажено постоянное сотрудничество между исламскими образовательными учреждениями и светскими вузами. Продолжается совместная работа по развитию исламского образования в стране на основе единой гражданской идентичности.

Безопасность страны в самое ближайшее время в очень большой степени будет зависеть от общего ощущения сограждан нашей страны единой политической нации, а также приверженности к определённому культурно-историческому многонациональному коду.

Современные вызовы и задачи, стоящие перед отечественной исламской богословской школой и исламским образованием в целом, концентрируются сегодня на реализации совместных усилий научно-образовательного потенциала наших авторитетных богословов, исламских и светских вузов для выработки научнометодической школы аргументации на основе Священного Писания против манипулирования исламскими правовыми нормами, которые используют радикальные политические силы. Именно на этой основе уже строится и будет развиваться конкурентноспособная отечественная исламская доктрина, своеобразная мирная модель российского ислама, базисом для которой служат взаимосочетающиеся сущностные черты традиционных для России «мазхабов»: ханафитского и шафиитского.

Характерно, что несмотря на то, что понятие «традиционный ислам» для российской богословской и светской исламоведческой мысли является основополагающим, ни в одном государственно-правовом документе нет чёткого определения этого термина, однако по негласной договорённости мусульманских богословов и светских учёных под этим термином понимается определённая форма ислама, которая способна была в исторической перспективе развиваться в многонациональной и многоконфес-

сиональной среде нашего государства, а также на основе двух российских богословско-правовых школ (мазхабов).

Большое количество современных мусульманских богословов и светских исламоведов сходятся во мнении о том, что исламская религия — самая до конца не познанная и не исследованная из всех других духовных учений. В исламе нет единой экзегетической школы, хотя мусульманской экзегетике «илм- ат тафсир» более XIII веков, отсутствует и единый общепризнанный духовный центр и авторитет. Право толкования текстов Священного Писания, право «тафсира» предоставлено всем учёным-богословам [Игнатенко].

Таким образом, исламская богословская мысль — не застывшая догма, а творчески развивающаяся научно-исследовательская работа на протяжении многих веков. Именно поэтому каждая страна так или иначе формирует свою национальную богословскую школу, национальную исламскую доктрину, исходя из историко-культурного наследия и современных вызовов.

В п. 38 Концепции внешней политики РФ от 2016 года говорится о том, что Российское государство взаимодействует с религиозными конфессиями страны при осуществлении своей внешней политики [Указ Президента Российской Федерации]. Видимо, в новом готовящемся документе – Концепции внешней политики РФ от 2023 года – этот аспект будет усилен в связи с тем, что через религиозную исламскую составляющую, как справедливо отметил глава Республики Татарстан Р.Н. Минниханов, Россия получает дополнительные возможности для укрепления связей с незападным, исламским миром в антиколониальном противостоянии с коллективным Западом [Islamtoday. Минниханов]. Известно, глава Татарстана по поручению Президента России успешно руководит Группой Стратегического Видения «Россия – Исламский мир», российскими членами которой являются и высокие духовные исламские авторитеты РФ. Характерно, что в октябре 2022 года в своём Послании к Государственному Совету республики Р.Н. Минниханов прямо сказал, что в настоящее время «международная и внешнеэкономическая деятельность нуждается в адаптации к изменившимся условиям и форматам сотрудничества» [Россия – Исламский мир]. В этой связи он также

отметил особую перспективную роль сотрудничества с ОИС по обеспечению национальных интересов страны в рамках равноправного и взаимовыгодного диалога.

В настоящее время исламское образование реально становится составной частью национально-государственной идентификации, оно выступает естественным союзником государства в решении сложнейших экзистенциальных задач, с которыми столкнулись не только Россия, но и весь мир.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Ибрагим, Тауфик Камель. Коранический гуманизм. Толерантноплюралистические установки. М.: ИД «Медина», 2015.

Игнатенко А.А. Зенит исламской мысли в 3 томах. СПб.: Алетейя, 2016.

Мухетдинов Д.В. Исламское обновленческое движение конца XX — начала XXI века: идеи и перспективы. Дисс. ... д-ра теологии. СПб., 2019. URL: https://disser.spbu.ru/files/2019/disser_muhetdinov.pdf (дата обращения: 15.08.2021)

Россия — Исламский мир. Группа стратегического видения. Минниханов отметил активную работу ГСВ «Россия — Исламский мир». URL: https://russia-islworld.ru/en/novosti/minnihanov-otmetil-aktivnuu-rabotugsv-rossia-islamskij-mir-2022-10-20-28422/ (дата обращения: 15.08.2021).

ТАСС. «Впереди самое важное десятилетие со времён Второй мировой». Тезисы Путина на «Валдае». URL: https://tass.ru/politika/16176645?ysclid=lctfrgtex3458910228 (дата обращения: 15.08.2021).

TACC. Путин отметил важность развития российской исламской богословской школы. URL: https://tass.ru/obschestvo/4900658?ysclid=lctaspv5x3381627473 (дата обращения: 15.08.2021).

Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640. Об утверждении концепции внешней политики Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451/page/3 (дата обращения: 15.08.2021).

Islamtoday. Минниханов: KazanSummit способствует укреплению связей России с мусульманским миром. URL: https://islam-today.ru/novosti/2021/07/29/minnihanov-kazansummit-sposobstvuet-ukrepleniu-svazej-rossii-s-musulmanskim-mirom/?ysclid=lctdbuxdzw17993774 (дата обращения: 15.08.2021).

Солодовник Диляра Медехатовна, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Востоковедение и африканистика: современные методы изучения и преподавания» Института стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия; unesco@iaas.msu.ru

Solodovnik Dilyara M., Candidate of Historical Sciences, Head of the UNESCO Chair "Oriental and African Studies: Modern Methods of Study and Teaching" of the Institute of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

УДК 297

СОВРЕМЕННОЕ ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ ТРАНСЛОКАЛЬНОСТИ: ВНЕШНИЕ ВЫЗОВЫ И КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ

Л.И. Алмазова

Теория транслокальности позволяет рассматривать те или иные социальные процессы с точки зрения влияния на них, так называемых «мобильных акторов» - тех, кто имеет опыт длительного проживания в различных культурных ареалах, и кто привносит в ту или иную среду обитания привычки, обычаи и представления, свойственные иным географическим широтам. С этой точки зрения, современная система исламского образования в Республике Татарстан представляет несомненный интерес для исследователя. После крушения СССР и отмены атеистической идеологии молодые мусульмане массово уезжали учиться за границу, процесс продолжился и в 2000-е годы. По возвращении они зачастую предпринимали попытки практиковать и распространять ислам, полученный в таких учебных заведениях, как ал-Азхар (Каир, Египет), Умм-ал-Курра (Мекка, КСА), Дар ал-Улум (Деобанд, Индия). При этом, выпускники зарубежных исламских вузов, ввиду более глубоких, по сравнению с местными религиозными деятелями, познаний в области арабского языка и исламской теологии, как правило, занимали ключевые позиции в формирующейся системе мусульманского образования в Татарстане.

Главный вопрос, который рассматривается в данном докладе, заключается в следующем: какие формы принимает система официально-

го исламского образования в процессе переговоров и дискуссий между различными группами и лидерами татарстанской мусульманской общины, представленной как выпускниками местных учебных заведений, так и «мобильными акторами». При этом, автор учитывает и нормативноправовую базу, которую формирует для религиозных организаций российское государство. Источниковую базу исследования составляют биографии мусульманских лидеров, их интервью, учебные программы, учебники и полевые исследования, проводившиеся автором с 2005 года по настоящее время.

Ключевые слова: ислам, мусульманское образование, трансокальность, Татарстан, медресе.

MODERN ISLAMIC EDUCATION IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN THROUGH THE PRISM OF THE THEORY OF TRANSLOCALITY: EXTERNAL CHALLENGES AND IDENTITY CRISIS

L.I. Almazova

The formation of local Islamic educational system in the Republic of Tatarstan is a struggle between a variety of players who are trying to cope with the universalistic character of Islam as a world religion. The Russian state, for security reasons, feared or actual, is trying to localize Islamic education and create through it «a local Islamic identity», which is highly uncertain construct. To that end, the State supports loyal religious leaders who in their turn implement this policy through a system of state-recognized Muslim educational institutions. Some Muslims, especially the younger generation, are striving for a "universal ummah," (another ideological construct). To do this, they go to study abroad, and upon return they make attempts to practice and spread Islam, gained in such educational institutions as Umm al-Kurra (Mecca) or Dar al-Ulum (Deoband).

The key question being explored here is what forms and shapes the system of official Islamic education takes in the process of negotiations between demands of Muslim community and the State. This is examined from the perspective of Translocality, which helps to qualify local as a phenomenon that occurs in the process of mobility of ideologies and worldviews, historically formed in different Islamic educational centers. Biographies of Muslim leaders, their interviews, curricula, textbooks and results of fieldwork in Is-

lamic educational institutions held by the author since 2005 will form the resource framework of the article.

Keywords: Islam, Muslim Education, Translocality, Tatarstan, Madrasa.

В постсоветской России исламское образования вынуждено было развиваться практически с нуля. Первые медресе открываются в 1989 году, и на протяжении всех 90-х в разных регионах регистрируются все новые и новые мусульманские учебные заведения — от начальных примечетских курсов до исламских вузов. Однако, не успев возникнуть и окрепнуть, исламское образование становится ареной борьбы самых разных сил, одним из самых серьезных игроков на котором является российское государство.

Как пишет Арджун Ападураи: «Государство играет все более возрастающую сложную роль: слишком большая открытость глобальным влияниям может повлечь за собой угрозу восстаний..., если же закрыться от внешнего мира, то страна покидает международную арену, как это случилось с Бирмой, Албанией и Северной Кореей» [Арраdurai: 42]. Став открытым обществом в 1991 году. Россия поначалу позволила приезжать и проповедовать иностранным миссионерам, среди которых были как протестантские христианские течения, так и многочисленные исламские группы и направления. Радикализация ислама на Северном Кавказе после первой чеченской войны (1994–1996), а затем и вторая чеченская кампания (с 1999 года) привели к пересмотру прежней политики открытых дверей в отношении иностранного присутствия в стране. Как пишет А.Ападураи: «Всегда существует страх культурного поглощения политиками большего масштаба, особенно, тех, что располагаются неподалеку. Воображаемые представления одного индивидуума об идеальном сообществе, в сознании другого могут восприниматься как политический тупик и темница» [Appadurai: 42]. Российское государство было озабочено превращением мусульманских регионов в исламистские анклавы, и в течение короткого периода все прямые финансовые контакты образовательных учреждений с зарубежными организациями были прерваны, многие мусульманские учебные заведения либо были закрыты, либо оказались на грани выживания. Так, в Адыгее в начале 2000-х гг.

были закрыты все турецкие школы, основанные суфийским движением «Сулейманийе», по всему Северному Кавказу [Ярлыкапов: 173] и в других регионах была пресечена деятельность религиозной группы последователей Ф. Гюлена.

События на Северном Кавказе отразились на работе медресе даже в далеком от военных действий Татарстане. В 2000 г. приказом муфтия были закрыты медресе «Юлдуз», «Ихлас», «Нуруддин», «Танзиля» и «Иман» [Мухаметшин: 79], которые путем слияния были преобразованы в одно Набережночелнинское медресе «Ак мечеть», действующее до сих пор. Поводом для реорганизации послужили сведения о том, что в рядах незаконных вооруженных формирований в Чечне оказались учащиеся Набережночелнинского медресе Йолдыз¹, Альметьевского исламского института и Елабужского медресе.

Государство, посредством целого ряда политических шагов, провозгласило курс на развитие отечественного исламского образования. 19 июня 2002 г. Президент РФ В.В. Путин на фоне продолжающегося обострения ситуации на Северном Кавказе озвучил поручение Правительству РФ № 1089-ПР: «Продолжающиеся проявления религиозного экстремизма в стране требуют принятия дополнительных мер по повышению уровня взаимодействия государства с религиозными объединениями. Прошу в первоочередном порядке разработать комплекс мер по оказанию организационной, материальной и методической помощи в развитии сферы религиозного образования, прежде всего мусульманского»².

Работа в направлении реализации данного поручения обрела свою форму несколько позже: 15 ноября 2005 г. Министерство об-

¹ Заверения руководства и преподавателей медресе Йолдыз о том, что студенты их медресе, оказавшиеся в горячих точках, учились у них не более года и были отчислены за непосещение, не сыграли роли в сохранении этого учебного заведения, судьба которого окончательно решилась в 2020 г., когда было разрушено само здание, в котором оно находилось.

² Цитата встречается во многих публикациях, в частности, она приводится в самом тексте «Комплексной программы содействия развитию сферы религиозного образования, прежде всего, мусульманского на 2005–2015 годы». Архив автора.

разования и науки РФ утвердило «Комплексную программу содействия развитию сферы религиозного образования, прежде всего, мусульманского на 2005–2015 годы». В этом документе были проанализированы основные проблемы в сфере исламского просвещения: «Несмотря на то, что в России зарегистрировано более 70 исламских учебных заведений (и сотни незарегистрированных медресе и школ), в целом по стране отсутствует система подготовки высококвалифицированных религиозных деятелей. В основном используются зарубежные пособия и приглашаются зарубежные преподаватели. Контингент действующих в настоящее время муфтиев и имамов практически не имеет высшего (светского и религиозного) образования за исключением отдельных случаев. Вместе с тем, в страну возвращаются десятки, сотни выпускников зарубежных исламских учебных заведений всех уровней, получивших систематизированное и идеологически выдержанное исламское образование, но без учета российских реалий. Очевидно, что они лучше подготовлены, чем действующие имамы и муфтии, а с учетом сложной социально-экономической ситуации и возможности их финансирования из-за рубежа их позиции только укрепляются»³.

За период с 2007 по 2020 год Российское государство вложило в развитие отечественного исламского образования весьма значительные суммы⁴, однако анализ ситуации в сфере исламского образования в Татарстане и в других мусульманских регионах Российской Федерации свидетельствует о практически противоположной заявленным целям, тенденции: с течением времени в исламских учебных заведениях все большее влияние начинают приобретать российские выпускники иностранных исламских образовательных центров. В зависимости от ступени обучения их количество в медресе и исламских вузов может доходить до 100% процентов. Совершенно очевидно, что так называемые мобиль-

³ Комплексная программа содействия развитию сферы религиозного образования, прежде всего, мусульманского на 2005–2015 годы. Архив автора.

⁴ Подробнее о программе: Алмазова Л. Эволюция российского исламского образования в эпоху постсекуляризма (1990–2020) // Вестник Российской нации. 2020. №6.

ные акторы, благодаря приобретенному опыту получали дополнительные преимущества, или социальный капитал [Greiner, Sakdapolrak: 373–384], который они умело использовали, вернувшись на родину. При этом, насколько оправданы опасения российских властей в том, что преподаватели, имеющие зарубежный опыт обучения so called mobile actors принесут с собой чуждые ценности, идеологии и нормы? Следует помнить, что в ином контексте, приобретенные за рубежом идеи транформируются, адаптируются и начинают служить в местных реалиях совсем подругому. В этой связи интересно было бы получить ответ на следующие вопросы:

1) Какие зарубежные учебные центры определяют стратегии развития современного исламского образования в Республике Татарстан? 2) Как соотносится уровень учебного заведения с количеством преподавателей, имеющих интернациональный опыт образования за рубежом? 3) Какими соображениями руководствуются те, кто курирует назначения в сфере исламского образования, определяя – кому из «мобильных акторов» можно доверить преподавание, а кого следует держать на отдалении?

Однако, прежде чем дать ответы на вышеперечисленные вопросы сделаем небольшое историческое отступление.

Краткий исторический экскурс

Наиболее знаменитые медресе, функционировавшие среди татар Поволжья и Приуралья с 18 века получили свою известность благодаря мударрисам, имевшим опыт обучения далеко за пределами своей родины. Так в Каргалинском медресе особую известность получил Ишнияз б. Ширнияз ал-Хорезми (ум. в 1791 г.), который вернулся после длительного обучения в Ургенче, не менее популярен как учитель был Валиаддин б. Хасан ал-Багдади (1755–1831), обучавшийся в Багдаде. Он посещал также Индию, Хорасан и Бухару [Хабутдинов]. В другом известном медресе Мачкара преподавал мулла Мухаммадрахим аль-Ашити, вернувшийся после курса обучения из Дагестана. Айдар Хабутдинов пишет: «Именно выпускники Бухары создали практически все знаменитые медресе Волго-Уральского региона. Среднеазиатская система образования была основным примером и образ-

цом для подражания» [Хабутдинов]. По сведениям М.Н. Фархшатова, в 1800-1860 гг. число мударрисов на территории современного Башкортостана, обучавшихся за рубежом, составляло 21,5%, а в 1860-1890 гг. -13,4%» [Фархшатов: 61-62].

Если обратиться к наиболее известным личностям, оставившим след как в области образования, так и в сфере богословия, то, снова вырисовывается схожая картина: Габдрахим Утыз-Имяни (1754–1834/5) большую часть своей жизни посвятивший преподаванию, написанию трудов по фихку и слагавший стихи суфийского содержания, получил образование сначала в знаменитом Каргалинскои медресе, а затем у суфийского шейха Фаизхана ал-Кабули в Бухаре. Таджуддин Ялчыгул (1767–1838), преподаватель и автор комментария «Рисала-и Газиза» на сочинение Суфи Аллахияра «Субат ал-аджизин», учился сначала в Дагестане, потом в Диярбакыре (Османская Империя) у суфийского шейха Абд ал-Шукура Афанди, а затем в Стамбуле. Абу-Наср Курсави (1776–1812), имам и мударрис, учился на родине в медресе Мачкара, а затем в Бухаре, был мюридом Шейха Нияз-Кули ат-Туркмани. Вернулся на родину, преподавал в различных деревнях, пока не был обвинен куфре своим соотечественником. Вынужден был уехать в хадж и умер во время путешествия. Шигабутдин Марджани (1818-1889), руководитель медресе при Юнусовской мечети, автор многочисленных трактатов по фикху, богословию и истории, сначала обучался в родной деревне Ташкичу, а затем в Бухаре у шейха Салиха ал-Худжанди, потом в Самарканде у шейха Абу Саида ал-Самарканди. Зыяэтдин Камали (1873-1942) директор первого в Российской Империи высшего мусульманского учебного заведения - медресе «Галия» в Уфе учился сначала в уфимском медресе Усмания, затем в техническом колледже в Стамбуле, а завершил образование на теологическом факультете Университета ал-Азхар у самого Мухаммада Абдо. Список может быть продолжен: Галимджан Баруди (директор медресе Мухаммадия, Казань, учился в Бухаре), Закир Кадыри (ведущий преподаватель в медресе Хусаиния, Оренбург и Галия, Уфа, учился в Бухаре, Стамбуле и Каире) и многие другие. Проделанный автором статьи анализ биографий 242 татаробашкирских ученых, преподавателей и общественных деятелей,

приведенных в биобиблиографическом сочинении Ризаэтдина Фахретдина (1859–1936) «Асар» с 1843 по 1862 год свидетельствует, что 72 человека, или 30% имели интернациональный опыт и обучались за пределами своей исторической родины⁵. Следует отметить, что среди центров сосредоточения исламских наук и познаний в то время выступала Бухара: 53 ученых (или 78% от числа обучавшихся за рубежом) получили там свое образование. Мекка и Медина на втором месте: там учились не менее 8 человек, некоторые из которых также побывали и в Бухаре. По двое в Турции, Египте, Дагестане и Индии. По одному в Самарканде, Ургенче и Афганистане [Фахретдинов].

Таким образом, исламский мир задолго до западной глобализации имел свою специфическую глобализацию, заключавшуюся не столько в свободе экономической деятельности на больших географических пространствах, сколько в свободе получения знаний. До столкновения с Западным экономическим и военным превосходством исламский мир вполне удовлетворялся классической исламской системой образования, представленной мактабом (начальная школа) и медресе, общим для любой мусульманской страны.

Между тем к концу 19 века — началу 20 века конфигурация маршрутов татарских путешественников за знаниями претерпевает существенные изменения. Все большее количество студентов, наряду с традиционной Бухарой направляются в Турцию (уже прошедшую этап реформирования Танзимат (1839–1876) в том числе и в сфере организации светской системы образования) и Египет (ан-Нахда), которые раньше других в мусульманском мире начинают эпоху модернизации.

Опыт, приобретенный в конце 19 века татарскими студентами – шакирдами в учебных заведениях Турции, Египта, в российских учебных заведениях, а также в Европе – все это привело к тому, что в начале 20 века система религиозного образования у татар становится наиболее прогрессивной среди мусульманских народов Российской Империи. Студенты из казахских степей,

⁵ У Фархшатова данные о преподавателях медресе, в данном случае речь идет о гораздо большем числе мусульманских деятелей – имамов, ахунов, мударрисов, кадиев и др.

кыргызских аулов приезжают учиться в Казань, Уфу, Оренбург, Троицк. Учителя – татары, джадидские учебники становятся востребованными в Средней Азии и Дагестане. Однако всему этому приходит конец с наступлением 1917 года. Октябрьская революция стала поворотным моментом в истории исламского образования. Наиболее крупные медресе закрылись уже к 1918 г. после принятия декрета «Об отделении церкви от государства», а на основе их материально-технической базы были созданы иные образовательные структуры (Учительский институт им. Хусаиновых вместо медресе «Хусаиния» в Оренбурге; педагогический техникум, вместо медресе «Расулия» в г. Троицке; татарская гимназия вместо медресе «Галия» в Уфе и т.д.). Репрессии 30-х годов привели к практически полному уничтожению мусульманского духовенства. Лишь после войны (1941–1945) были открыты медресе Мир-Араб (с 1946 г.) в Бухаре и Ташкентский исламский институт (с 1971 г.). Как пишут своей статье А. Муминов, У. Гафуров и Р. Шигабдинов: «Новые (для того времени. – $\mathcal{J}.A.$) исламские университеты были учреждены с намерением готовить новых мусульманских специалистов без высоких квалификаций, но с крайне выраженной лояльностью по отношению к Советскому государству» [Муминов и др.: 252]. С 1960 по 1980-е гг. эти исламские учебные заведения окончили около 20 студентов из Поволжья и Приуралья. Именно они во многом заложили основы для возрождения ислама и исламского образования в постсоветскую эпоху.

Система профессионального исламского образования в Республике Татарстан

За тридцать постсоветских лет в Республике Татарстан полностью сложилась система исламского образования, состоящая из более 700 примечетских курсов, 8 (9 — до 2020 года) медресе, 2 исламских вузов и Болгарской исламской академии, имеющей общероссийское значение. В данном эссе я проанализирую преподавательский состав в рамках системы профессионального исламского образования, оставив систему примечетских курсов вне фокуса рассмотрения ввиду незначительного количества в ней выпускников зарубежных вузов.

Роль выпускников зарубежных вузов в медресе в Республике Татарстан

В 2017 году Духовное управление мусульман Республики Татарстан выпустило справочное издание на татарском языке под названием «Татарстан мәдрәсәләре һәм остазлары» в котором представлены краткие биографические сведения о сотрудниках и преподавателях медресе. Всего опубликовано 135 биографий, однако если исключить тех, кто не занимается преподавательской деятельности (19 человек – это вспомогательный персонал – бухгалтеры, завхозы, повара и пр.) и тех кто преподает светские дисциплины (16 человек), то преподавателей в области исламских наук и арабского языка, насчитывается 100 человек – на 9 татарстанских медресе, существовавших на 2017 год. 6 Трое из них – иностранцы: все преподают арабский язык в КВММ «Мухаммадия»: Мухаммад Махмуд из Египта, Хусама Хусейн из Иордании и Адель Мухсен из Сирии. Из оставшихся 97 преподавателей 23 человека – это студенты из Татарстана и сопредельных регионов, в 1990-2000-е годы обучавшиеся в зарубежных учебных заведениях. 9 человек – выпускники египетских вузов, как правило – это университет ал-Азхар, 5 человек обучались в Турции, чаще всего на курсах Куран - хафизов (Медресе Исмаил Ага, Орзанлы), 4 прошли обучение в вузах Саудовской Аравии (Исламский университет г. Медины, Умм ал-Курра и Дар ал-Хадис в г. Мекка), трое в Тунисе (двое в университете живых языков им. Хабиба Бургибы, и один в знаменитом университете Зайтун), двое в медресе Мир-Араб в Бухаре (Наиль Яруллин, Мухаммадия, 1991 г., Мансур Джалалетдинов, КИК, 1990), один (Камиль Валиуллин, «Мухаммадия») в Иордании, Университет Джараш и одна преподавательница – выпускница Международного исламского университета в Малайзии (Хайбутдинова И. «Мухаммадия)

По количеству выпускников, имеющих транснациональный опыт, можно составить рейтинг медресе.

 $^{^6 \} B \ 2020$ году прекратил свою деятельность Казанский исламский колледж.

Таблица 1 **Преподаватели медресе**

	I/ a	I/ a a a a	
	Количество пре-	Количество	
	подавателей	выпускников за-	
Медресе	арабского языка и	рубежных ислам-	%
	религиозных	ских учебных за-	
	дисциплин	ведений	
Казанский ислам-	4	2 (1 – ал-Азхар,	50%
ский колледж 7		Египет,	
		1 – Турция и Бу-	
		xapa)	
КВММ «Мухамма-	19	5+3=8	42%
дия»		(3 иностранцы)	1
		1 – Египет	
		1 – Турция	
		1 – Бухара	
		1 – Бухара 1 – Иордания	
		1 – Иордания 1 – Малайзия	
		1 — Малаизия	
Мотросо	13	4 (2. Соудовомоя	30%
Медресе «Ак Мечеть»	13	4 (2 – Саудовская	30%
«Ак імечеть»		Аравия,	
		1 – Турция,	
		1 – Египет,	
		араб. яз.)	
I/D) // 1000	10	5 (2 T	270/
КВММ им. 1000-	18	5 (3 – Тунис,	27%
летия принятия		2 – Саудовская	
ислама		Аравия)	2=21
Буинское медресе	11	3 (2 – Египет:	27%
		1 – курсы,	
		1 – шариат. ф-т,	
		1 – Турция	
Мамадышское мед-	4	1 (Египет, шари-	25%
pece		атский ф-т)	

 $^{^7}$ С 2020 года Казанский исламский колледж не обучает студентов. Здание решено передать для казанского представительства Болгарской исламской академии.

Альметьевское	11	2 ⁹ (1 – Турция,	18%
медресе ⁸		1 – Египет, курсы)	
Медресе «Фанис» 10	19	1 (Египет,	5%
		Аль-Азхар)	
Кукморское медре-	12	0	0%
ce			
Итого	100	26	100%

Директора медресе

Таблица 2

Директор	Медресе	Образование
Мансур Джалалетди-	КИК (Казань)	Мир-Араб, Бухара
нов		
Наиль Яруллин (с 1997	КВММ Мухаммадия	Мир-Араб, Бухара
по 2017)	(Казань)	Исмаил Ага, Стамбул,
Камиль Самигуллин с		Турция
2017		
Ильяс Зиганшин	КВММ им. 1000-летия	КВММ им. 1000-
	принятия ислама	летия принятия исла-
	(Казань)	ма, а также учился у
		выпускника медресе
		Мир-Араб в
		г. Н.Челны
		Фатиха Алиуллова

⁸ В сборнике 2017 года среди преподавателей медресе имеются биографии только 4 преподавателей. На сайте медресе в 2020 году – уже 11 преподавателей.

⁹ При этом в Альметьевском медресе насчитывается 4 преподавателя, окончивших медресе им. Мухаммада Арифа в Махачкале. URL: http://almet-medrese.magarifrt.ru/sveden/employees/. На самом сайте при этом не говорится об обучении директора медресе Фагима Ахметзянова на курсах Куран-хафизов в Турции. С 2017 года – в составе преподавателей произошли изменения: бывший выпускник ал-Азхара Инсаф Саубанов больше не работает в медресе. В таблице он указан, поскольку сведения в таблице даны по состоянию на 2017 год.

¹⁰ Ришат Шарапов, в 2017 году учился в ал-Азхаре. В медресе Фанис преподавал с 2010 по 2012 гг. В данный список выпускников не вошел.

Рустам Шайхивалиев	Ак Мечеть	Медресе Йолдыз (Н.Челны) – препода- ватели арабы
Фагим Ахметзянов	Альметьевское медресе	Курсы Куран- хафизов, Стамбул, Турция
Ильмир Хасанов	Буинское медресе	Ал-Азхар, Каир, Еги- пет (1 год курсы)
Альберт Хабибуллин	Мамадышское медресе	Ал-Азхар, Каир, Еги- пет (Шариатский ф-т)
Рашид Курамшин	Кукморское медресе	КВММ Мухаммадия

Таким образом, по медресе вырисовывается интересная картина: все три казанских медресе (Мухаммадия, 1000-летие принятия ислама и КИК) возглавляли представители Бухарской школы исламских знаний. Они были наиболее ментально подготовлены к ведению образовательной деятельности на постсоветском пространстве, поскольку бухарская система Мир-Араб, созданная в советские годы была заточена под идеологию секулярного общества и не настаивала на ведущей роли религии в обществе. В районах Республики ситуация несколько иная - в Набережных Челнах и Альметьевске достаточно сильно зарубежное влияние, которое пытаются перенаправить на уровне управленческих структур. Так в Альметьевске директором до 2013 года был Рафик Миннеахметов, выпускник шариатского факультета Мединского Университета, которого в 2013 году сменил Фагим Ахметзянов, имеющий опыт обучения в Турции, не случайно, это назначение совпало с избранием в 2013 году муфтием Камиля Самигуллина, также выпускника турецкого суфийского медресе Исмаил-Ага. В 2017 году автор данной статьи посещала Альметьевское медресе, половина преподавателей были заменены новыми, и разговоры

вели очень осторожные. Медресе имеет отличную библиотеку, все материалы которой были явно подарены Саудовскими Фондами в бытность директором еще Рафика Миннеахметова. При этом — это были классические тафсиры, хадисы и другая традиционная религиозная литература, в прекрасных изданиях.

В свою очередь, в Набережны Челнах еще свежа история с закрытым медресе Йолдыз, студентов которого обнаруживали в горячих точках — в Чечне, а также в числе исполнителей теракта, связанного со взрывом газопровода. Выпускник этого медресе в настоящее время и возглавляет единственное оставшееся в Челнах медресе Ак Мечеть. В это медресе в 2013 году перешел опальный директор Альметьевского медресе — Рафик Миннеахметов. Именно в этом медресе обосновались 2 выпускника миссионерских саудовских вузов. Однако, пока оно работает вполне в легальном поле, ежегодно проводят конференции, в медресе «родной язык» и «историю» преподает кандидат филологических наук Ринал Хазиев.

Кукморское медресе и медресе Фанис в Уруссу возглавляют директора, получившие лишь отечественное исламское образование. Кроме того, они достаточно основательно вписаны в светский контекст татарстанского общества: директор кукморского медресе Ришат Курамшин — выпускник музыкального училища по классу баяна, позже закончил КВММ Мухаммадия, а директор Медресе Фанис в Уруссу Марат Марданшин окончил педагогический университет в Уфе: а в 2009 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Сунгатулла Бекбулатов: педагог и историк».

Буинское медресе с 2013 до 2017 года возглавлял Рашид Маликов – выпускник того же самого медресе, кандидат исторических наук. С 2017 – это выпускник одногодичных курсов в ал-Азхаре Ильмир Хасанов.

Таким образом, анализ транснационального опыта директоров медресе свидетельствует о нескольких тенденциях:

1) Среди директоров медресе постепенно отходят на вторые роли те, кто получил местное или бухарское образование (Наиль

Яруллин – Мухаммадия, Мансур Джалалетдинов – КИК, Рашид Маликов – Буинское медресе),

- 2) Пока остаются на руководящих постах первые директора основатели: в медресе Ак Мечеть, Кукморском и Мамадышском медресе.
- 3) Постепенно власть переходит к более молодому поколению выпускников ал-Азхара, турецких центров Куран-хафизов: Камиль Самигуллин (Мухаммадия), Альберт Хабибуллин (Мамадышское медресе), Ильмир Хасанов (Буинское медресе), Фагим Ахметзянов (Альметьевское медресе)

Что касается анализа кадрового состава медресе, то тут также имеется ряд тенденций:

- 1) Разные медресе имеют разное количество выпускников зарубежных вузов от 0 до 50. Средние показатели 26%.
- 2) Чем больше в том или ином учебном заведении преподавателей, имеющих опыт обучения в известных центрах мусульманской учености, тем более востребованы его выпускники. Согласно сведениям, собранным во время полевого исследования по 7 районам РТ 2017 году большинство имамов этих районов чаще всего окончили медресе Мухаммадия или медресе им. 1000-летия принятия ислама. Кроме того, выпускники этих двух учебных заведений обычно занимают первые места на конкурсах арабского языка и исламских наук¹¹. Реже встречались выпускники медресе Ак мечеть. Остальные медресе работают прежде всего в пределах своих районов.

 $^{^{11}}$ Так в 2020 году первое место занял студент из КВММ им. 1000-летия принятия ислама, второе место – студент Мухаммадии.

${\it Poccuйckuй}$ исламский институт/Казанский исламский университет 12

Если проанализировать по тем же параметрам руководство и преподавательский состав Российского исламского института, то здесь тенденции, заметные в медресе усиливаются. Так, долгое

Следует заметить, что данное разделение произошло лишь в 2008 году, до того времени – с 1998 года работало одно юридическое лицо – Российский исламский университет. Оба вуза располагаются по одному и тому же адресу: Казань, ул. Газовая, д. 3. Во главе обоих учебных заведений стоит один ректор – Рафик Мухаметшин.

 $^{^{12}}$ Высшее профессиональное исламское образование в РФ предоставляется в двух формах:

¹⁾ Государственный стандарт по специальностям с углубленным изучением ислама — «Теология», «Лингвистика», «Журналистика» и др. Ступени обучения — бакалавриат и магистратура. Данные стандарты обязательно проходят процедуру государственной аккредитации на соответствие федеральному государственному образовательному стандарту. Каждый из стандартов учитывает специфику специальности, а кроме того, включает в себя значительный блок светских предметов общегуманитарной направленности. При общей нагрузке 4284 ч. арабскому языку уделяется всего 562 ч., а светским предметам — 886 ч., что составляет 20% всего учебного времени. Данному уровню образования в Республике Татарстан соответствует Российский исламский институт.

²⁾ Обучение студентов по религиозному стандарту, в рамках которого они получают диплом о высшем образовании по направлению «Подготовка служителей и религиозного персонала религиозных организаций» (профиль «Исламские науки», квалификация «Бакалавр исламских наук»). В 2019 г. Совет по исламскому образованию принял новый стандарт по программе бакалавриата. Стандарт, помимо глубокого изучения религиозных дисциплин, включает достаточно много часов по изучению арабского языка (1080 ч.), кроме того, по 72 ч. уделяется таким курсам, как «Физическая культура», «Основы (светского) права», «Педагогика и психология», «Родной язык», и по 36 ч. - «Концепции современного естествознания», «Информационные технологии в образовании», «История Отечества». Таким образом, на изучение светских дисциплин отведено 396 ч. (если не считать арабский язык), что при общей нагрузке программы в 4464 ч. составляет порядка 10%; В Республике Татарстан этому уровню образования соответствует Казанский исламский университет.

время ректором РИИ был муфтий Гусман Исхаков (1998–2006), сам выпускник медресе Мир Араб в Бухаре, а также проучившийся год в исламском университете в Триполи (1884–1885) Ливан. На первом этапе преподавание в вузе вели иностранные преподаватели. Так, на подготовительных курсах в 1998 году работали Салих Сейхан (Турецкая Республика) и Мухаммад Садыйк Авад (Арабская Республика Египет), оба – выпускники университета «ал-Азхар» [Российский: 10]. Позже, в 2006 г., после короткого (8 мес.) ректорства доктора исторических наук И.Загидуллина, решением совета учредителей РИИ возглавил доктор политических наук Рафик Мухаметшин, светский ученый, сделавшийся к тому времени религиозным человеком. Тема его докторской диссертации – «Ислам в общественно-политической жизни Республики Татарстан в конце XX века». Особенностью кадровой политики Р. Мухаметшина является то, что он, не имея религиозного образования и не зная арабского языка, обладает весьма ограниченными возможностями в сфере набора кадров в области исламских наук и вынужден опираться на мнение более знающих людей в своем окружении. С другой стороны, более привычная для нового ректора сфера гуманитарных предметов, в которой был не силен его предшественник – Гусман Исхаков – стала местом применения его собственных представлений о том, как должна быть организована гуманитарная наука в религиозном вузе. В результате, в РИИ сложился весьма сильный коллектив в области истории, филологии, педагогики и психологии, в котором работают более 15 кандидатов и докторов наук. В свою очередь, определяющими в области наук религиозных стали выпускники ал-Азхара – Рустам Нургалеев и Рамиль Гиззатуллин.

В целом, из 48 преподавателей, ведущих религиозные дисциплины, 22 человека (45%) в РИИ имеют зарубежный опыт обучения. При этом, как и в случае с медресе – лидирует Университет ал-Азхар. Его окончили 6 преподавателей, 3 преподавателя обучались в Саудовской Аравии (Исламский университет Медины и Умм ал-Курра в Мекке), три – в Сирии, по двое в Йемене, Индонезии и Тунисе (оба в Университете живых языков им. Хабиба Бургибы) и по одному в Малайзии, Турции, Судане и Иордании.

Ситуация с преподавателями КИУ, работающими на факультете исламских наук следующая: из 17 лекторов¹³, читающих курсы по исламским наукам и арабскому языку, 12 – выпускники зарубежных учебных заведений и 5 преподавателей окончили местные учебные заведения¹⁴. Из 12-ти – четверо преподавателей – выпускники ал-Азхара, Египет; двое окончили исламский университет Карауин в Марокко; и по одному выпускнику – из медресе Исмаил Ага, (г. Стамбул, Турция); Ливанского университета (г. Бейрут, Ливан); Международного института исламских и арабских наук (г. Дамаск, Сирия); Государственного исламского университета им. Маулана Малика Ибрахима (г. Маланг, Индонезия).

Соответственно в Казанском исламском университете доля выпускников иностранных вузов составляет уже 70%.

Болгарская исламская академия¹⁵

Поскольку одной из главных целей создания в БИА была идея предоставить максимальные возможности для получения качественного исламского образования на родине, то средством достижения этой цели стала организация преподавания на арабском языке силами команды из зарубежных профессоров. Первыми были приглашены два, уже пожилых профессора — Абдураззак ас-Саади, бывший советник по религиозных вопросам Саддама Хусейна, вынужденный бежать из Ирака во время вой-

__

¹³ Согласно расписанию зимней сессии, декабрь 2020 года. URL: http://kazankiu.ru/KIU/Raspisaniye/PSiRPRO%20m%20in%20zs%2020-21.pdf/

¹⁴ Среди местных учебных заведений, которые окончили преподаватели КИУ: Российский исламский институт, Казанский исламский университет и медресе Мухаммадия.

¹⁵ Болгарская исламская академия была открыта в 2017 году. С 2017 по 2019 гг. ректором БИА был Рафик Мухаметшин, доктор политических наук, который одновременно возглавлял и Российский исламский институт/Казанский исламский университет. С 2019 года ректором стал Данияр Абдрахманов, кандидат философских наук, который также не имел религиозного образования и не владел арабским языком. С 2021 года исполняющим обязанности ректора стал Айнур Тимерханов, арабист, доктор филологических наук.

ны 16 , и второй палестинец из Газы Исмаил Бол-Бол, бывший декан филиала Университета аль-Азхар в Газе (до 2015 года) 17 .

Абдураззак ас-Саади получил докторскую степень по арабской филологии в университете Умм ал-Курра в Мекке. В БИА ведет курсы по арабскому языку – морфологию и грамматику.

Второй профессор, преподающий с самого начала создания БИА – Исмаил Бол-Бол. Согласно его биографической справке, основное образование получено им в Каире, Университет аль-Азхар, да и большая часть трудовой деятельности профессора также связана с развитием филиала Университета ал-Азхар в Газе. Профессор преподает в БИА следующие курсы: толкование законодательных аятов Корана, хадис (изучение высказываний и действий пророка Мухаммада), исламская экзегетика и корановедение. Педагогический стаж профессора – 44 года.

Другие три профессора — иностранца представляют более молодое поколение — всем от 50 до 60 лет, и их преподавательский стаж составляет 28 –29 лет. Мухаммад Захрави — бывший профессор Дамасского Университета (Сирия) — в БИА читает курсы по методологии исламского права с ханафитской точки зрения, а Джунайд Алдейршави из Турции также преподает методологию исламского права, но уже согласно шафиитскому мазхабу. Сайф ал-Асри преподает самые разные курсы по фикху — сравнительное исламское право, современное исламское семейное право, проблемы шафиитского права, и др. Он приехал в БИА из сравнительно благополучного Абу-Даби.

Два из трех преподавателей российского подданства, обучающие студентов по религиозным предметам — это Саид Шагавиев, кандидат исторических наук, выпускник Международного исламского университета в Куала-Лумпур (Малайзия) по направлению «Арабское литературоведение» и Роберт Шангараев, выпускник Международного африканского университета (Судан) по

¹⁶ Советник Саддама Хусейна в Татарстане: он у меня спрашивал только о религии. URL: https://tnv.ru/news/kazan/83270-sovetnik-saddama-khuseyna-v-tatarstane-on-u-menya-sprashival-tolko-o-religii-video/ (дата обращения: 18.02.2022).

¹⁷ Биографическая справка, личный архив автора.

направлению Лингвистика. И один преподаватель – Рамиль Адыгамов, кандидат исторических наук, выпускник КВММ «Мухаммадия», приехал в Казань из Узбекистана, где впервые познакомился с основами ислама. Таким образом практически 100% преподавателей исламских наук и арабского языка в академии — это либо иностранные профессора (5 лекторов), либо российские выпускники зарубежных вузов (2 лектора), либо имеют опыт проживания в странах с исламским большинством (1 лектор).

Выводы

На протяжении многих веков мусульмане Поволжья и Приуралья были неотъемлемой частью трансрегиональных исламских образовательных сетей, сформировавшихся в ходе исторического развития мусульманской цивилизации: это и Багдад, и Стамбул, и Каир и священные города – Мекка и Медина, медресе в различных селениях Дагестана, и наконец, наиболее часто встречающаяся в биографиях татарских религиозных авторитетов Бухара. Советская эпоха на 70 лет почти полностью перекрыла эти дороги просвещения для мусульман региона: система образования в Бухаре, возрожденная советской властью в 1946 году была построена на иных основаниях, но и она дала достаточно мощный импульс для первого этапа религиозного возрождения начала 1990-х гг. Между тем, начиная с конца 2010-х гг. новое поколение молодых выпускников зарубежных исламских вузов постепенно вытесняет советские религиозные элиты. В качестве примера можно привести отставку в 2017 году директора медресе Мухаммадия Наиля Яруллина, закрытие в 2020 году Казанского исламского колледжа, которым руководил Мансур Джалалетдинов.

Выпускники Университета ал-Азхар в настоящее время доминируют в системе исламского религиозного образования в Республике Татарстан и во многом определяют ее основные направления развития¹⁸. Так, Рамиль Гиззатуллин является началь-

¹⁸ Дело доходит до того, что иногда мнение азхаровских шейхов становится основанием для принятия решений в Казани. Так в 2019 году Ахмаду Хемайа, бывшему имаму мечети Султана Хасана в Каире было отказано в визите в Болгарскую исламскую академию по причине того,

ником отдела науки и образования ДУМ РТ и, одновременно, он – декан факультета исламских наук КИУ; Рустам Нургалеев – проректор по учебной работе Казанского исламского университета, составитель образовательной программы для Болгарской исламской академии¹⁹. Если проанализировать деятельность последнего, то именно он во время одного из мероприятий, проведенных в рамках мусульманского лидера «Махалля» вызвался отстаивать позиции «традиционного ислама» в Татарстане (Алмазова, Ахунов: 54). В другом своем выступлении 25 декабря 2020 года на круглом столе «Учебники для медресе и исламских вузов в России» он прокомментировал положения средневекового факиха Маргинани в его труде «Хидайа» о джихаде, дав ему толкование, соответствующее российским правовым реалиям, а именно что джихад – это ничто иное как необходимость службы в российской армии на защите отечества. Очевидно, что кейс Рустама Нургалеева – это достаточно частный случай, однако он показателен в плане иллюстрации того, что образование, полученное в Ал-Азхаре, позволяет его выпускникам на родине вполне вписываться в российский правовой контекст.

Второе место делят выпускники турецких курсов хафизов Корана (муфтий ДУМ РТ) и выпускники, окончившие вузы Мекки и Медины. Однако в отношении последних со стороны российских властей существуют серьезные опасения, поэтому их, как правило, не назначают на руководящие посты и предпочитают ограничивать в ведении богословских курсов: так, например, в 2013 году от руководства Альметьевским медресе был отстранен Рафик Миниахметов (однако он был приглашен на пост заместителя директора медресе Ак Мечеть в Набережных Челнах), или шейху ас-Саади в Болгарской исламской академии разрешили преподавать лишь курсы, связанные с изучением арабского языка, несмотря на то, что он автор учебников по Этике и Акиде. Сложно сказать, насколько обоснованы опасения властей относительно присущего выпускникам из исламских учебных заведений

что в свое время он покинул класс Али Джум'а, не согласившись с его политикой потакания египетским властям.

¹⁹ Материалы личного архива автора.

Хаджаза чуждых российскому исламу толкований религиозных положений. Однако определенные салафитские положения его выпускники транслируют, в том числе и публично [Алмазова: 331–339].

Что касается турецких курсов Куран-хафизов, то в целом, традиция чтения Корана — это, пожалуй, самая консервативная дисциплина из всех исламских наук. Кроме того, ввиду того, что ряд студентов окончили медресе Исмаил-Ага, представляющее собой «одну из самых консервативных мусульманских общин Турции» [Саетов: 90], то данное направление, выбранное для обучения студентов из Татарстана, вполне коррелирует с общей охранительной тенденцией «официального ислама».

Таким образом, очевидна ориентация на формирование «ортодоксии» в Талал Асадовском (Asad: 14) смысле – как той, что победила в борьбе между различными группами мусульман при участии государства. Со стороны последнего это, в определенной степени, продолжение советского контроля за системой религиозного образования, когда власти следят за ее развитием в регулируемом ими ключе. Для этого подходят египетский и турецкий опыт, где религия уже достаточно длительное время составляет часть государственной системы, и где ей отводится определенная ниша, ограничивающаяся сферами семейного и ритуального права. Что касается мусульманской общины, то несмотря на наличие самых разных течений и толков, достаточно высокий уровень религиозных знаний, которые демонстрируют религиозные элиты как в целом, так и в образовательной среде, позволяет им авторитетно отстаивать собственную точку зрения публично, в том числе и в медиа пространстве.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Алмазова Л., Ахунов А. В поисках «традиционного ислама» в Татарстане: между национальным проектом и универсалистскими теориями // Ислам, имеющий мирную и добрую сущность / Под ред. Р.И. Беккина. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 15–69.

Алмазова Л.И. Современные религиозные дискуссии в Волго-Уральском региона: о чем не могут договориться между собой мусульмане? // Первый Казанский Международный научный форум «Ислам в мультикультурном мире» 1–3 ноября 2011 г. (г. Казань, Республика Татарстан) / Под ред. А. Ахунова и Р. Беккина. Казань: Издательство Казанского университета, 2012. С. 331–339.

Алмазова Л. Эволюция российского исламского образования в эпоху постсекуляризма (1990–2020) // Вестник Российской нации. 2020. N6. С. 40–81.

Мухаметшин Р. Система мусульманского образования в постсоветском Татарстане // Система мусульманского религиозного образования у татар: история, проблемы, перспективы. Казань: Институт истории АН РТ, 2005. С. 78–89.

Российский исламский институт в лицах, событиях, фактах. Казань: Издательство казанского университета, 2018.

Саетов И.Г. Вызов модерну из центра Стамбула: Джамаат «Исмаил Ага» в общественной жизни Турции // Ученые записки Казанского университета, 2013. Том 155, кн. 3., часть 2. С. 90–97

Советник Саддама Хусейна в Татарстане: он у меня спрашивал только о религии. URL: https://tnv.ru/news/kazan/83270-sovetnik-saddama-khuseyna-v-tatarstane-on-u-menya-sprashival-tolko-o-religii-video/ (дата обращения: 18.02.2022).

Татарстан мәдрәсәләре hәм остазлары / Сост: Н.Гиззатуллина, А.Карибуллин. Казань: Издательство Казанского университета, 2017.

Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. М., 1994. С. 61–62.

Фахретдинов Р. Асар. Том II. Казань: Татарское книжное издательство, 2010.

Хабутдинов А. Округ Оренбургского магометанского духовного собрания: роль медресе как общенационального института. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/ramazan/4/habutdinov.htm (дата обращения: 18.02.2022).

Ярлыкапов А. Основные проблемы взаимоотношений ислама и власти на Центральном и Северо-Западном Кавказе // Ислам и государство / Под ред. А. Малашенко, Юнусовой А. М.-Уфа: Информреклама, 2007. С. 158–176.

Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization, University of Minnesota Press., 1996.

Asad T. The idea of an anthropology of Islam. Washington D.C.: Centre for Contemporary Arab Studies, Georgetown University, 1986.

Greiner, Clemens, and Sakdapolrak, Patrick. 'Translocality: Concepts, Applications and Emerging Research Perspectives' // Geography Compass. 2013. №7 (5). P. 373–84.

Muminov A., Gafurov U., Shigabdinov R. Islamic Education in Soviet and post-Soviet Uzbekistan / Kemper M., Motika R., Reichmuth S. (eds.) // Islamic Education in the Soviet Union and its Successor States. London and New York: Routledge, 2009. P. 223–279.

Алмазова Лейла Ильдусовна, кандидат философских наук, доцент кафедры изучения исламской цивилизации Института международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия; leila almazova@mail.ru

Almazova Leila I., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Islamic Civilization Studies of the Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

УДК 297(470)

ПОИСК СВОЕГО МЕСТА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ИЛИ «МУСУЛЬМАНСКИЙ ВОПРОС» ИЗНУТРИ

Д.З. Марданова

В статье на примере двух сочинений Исмаила Гаспринского – эссе «Русское мусульманство» (1881) и художественного романа «Французские письма» (1851–1914) рассматривается пример решения «мусульманского вопроса» изнутри, то есть со стороны мусульман.

Ключевые слова: Российская империя, мусульманский вопрос, конец XIX – начало XX вв., Гаспринский.

MUSLIM SEARCH OF THE OWN PLACE IN THE RUSSIAN EMPIRE OR "MUSLIM QUESTION" FROM WITHIN

D.Z. Mardanova

The example of the solution of the "Muslim Question" from within or from the Muslim side is considered in the article by means of two works by Ismail Gasprinsky – the essay "Russian Islam" (1881) and the novel "French Letters" (1851–1914).

Keywords: the Russian Empire, Muslim question, late 19th – early 20th centuries, Gasprinsky.

Российское общество характеризуется богатством культур проживающих здесь народов, разнообразием форм их взаимодействия и контактов. Данное обстоятельство влияло на историю страны, делая опыт межэтнических отношений уникальным, в том числе в таком его аспекте, как производство знания. Активное участие в этом процессе играло государство, непосредственно определявшее и направлявшее его в нужное, с точки зрения государственного интереса, русло. В конце XIX в. в Российской империи усилились революционные настроения и государство, опасаясь их распространения среди национальных меньшинств, приступило к реализации программ, затрудняющих развитие самосознания нерусских народов (прежде всего, посредством политики русификации и христианизации). По мнению Роберта Джераси, в результате такой политики на рубеже XIX-XX вв. напряженность между русскими и представителями других национальностей достигла переломного момента. Это усугубилось осознанием «империей» своей этнической разнородности и привело к попыткам преуменьшить или хотя бы преодолеть эту разнородность и создать единую русскую нацию. Происходящее требовало осмысления разными участниками общественного процесса. В то время как российские правители и политическая элита пытались описать империю как находящееся в становлении однородное национальное государство, представители других народов имели собственное представление о своем месте и роли в империи, не всегда совпадающее с официальным [Джераси: 406].

На просвещенческую миссию империи разные группы «инородцев», реагировали по-разному. Наиболее восприимчивые — полностью ассимилировались, утрачивая родной язык, образ жизни и религию, другие — частично. Мусульманское население Поволжья в своем большинстве старалось сохранить язык, религию и образ жизни. Обер-Прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев в отчете за 1884 году даже писал, в связи с этим: «из всех инородцев, населяющих восточную часть России, они (мусульмане) менее всего доступны воздействию христианства»

[Джераси: 24]. Тем не менее, опрометчиво было бы думать, что мусульмане совсем отказывались от интеграции. Да, были те, кто выбирали отъезд из России, но, как известно, многие оставались и искали формы взаимодействия, искали собственное место в существующих условиях. Как показали в своих исследованиях Р. Крюз, Л. Габдрафикова, П. Шаблей и П. Сартори, Н. Тихонова и многие-многие другие²⁰, мусульмане интегрировались в определенных сферах жизни. Поэтому, размышляя о включенности мусульман в имперские процессы, скорее, следует говорить о разных уровнях интеграции и очерчивании разных границ. Деятельность И. Гаспринского, Ш. Марджани, Р. Фахреддина, Х.-Г. Габаши. Г. Баруди и многих других свидетельствует, что они готовы были к интеграции, но не ассимиляции. Важными и ключевыми моментами оставались для них язык и религия, поэтому их деятельность важно рассматривать в свете распространения идей мусульманского реформаторства и национальных идей. Чтобы сохранить идентичность они очерчивали собственные границы. Это прослеживалась и в богословской полемике, в «охранительных» фетвах²¹, программах реформ, участие в политической и общественной жизни, публичном пространстве и т.д. Так или иначе мусульмане переводили и осмысляли происходящие изменения в категориях собственной традиции, искали ответ для себя и для «империи» в пределах исламского дискурса. Это выразилось через сформировавшиеся стратегии лояльности и сопротивления мусульман по отношению к имперской власти.

_

²⁰ Crews R. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2006; Габдрафикова Л.Р. Повседневная жизнь городских татар в условиях буржуазных преобразований второй половины XIX — начала XX века. Казань: Институт истории АН РТ, 2013; Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М.: Новое литературное обозрение, 2019; Тихонова Н.Е. Роль крымскотатарской газеты «Переводчик-Терджиман» в этнокультурном и политическом дискурсе в России в 1880—1910-е гг. Дисс. ... к.и.н.). СПб., 2019.

²¹ Например, фетва Утыза-Имани о запрете на покупку кожи у русских, или запрет в *Тазкират ал-муниб* у Марджани для мусульман покупать мясо у русских и жениться на русских женщинах.

Сегодня мы часто говорим о мирном диалоге, единстве и сотрудничестве, как в России, так и в целом в мире, в связи с этим интересно рассмотреть вариант решения «мусульманского вопроса», предложенного Исмаилом Гаспринским в его знаменитом эссе «Русское мусульманство» и утопической футурологии «Французские письма». Недавно вышла статья Надежды Тихоновой, в которой автор утверждает, что Гаспринский стремился консолидировать российских мусульман как особую группу имперских подданых и пытался донести до них информацию об имеющихся в империи потенциальных социальных возможностях, а с другой – старался показать властям готовность мусульман к интеграции (но не ассимиляции) в имперский социум [Тихонова: 604-620]. То есть, Гаспринский не был против империи как таковой, он искал в ней достойное место для мусульман. Об этом также свидетельствует его активная деятельность, направленная на укрепление позиций мусульман в общественном пространстве Российской империи. Под лозунгом «единство в языке, мыслях, делах»²² Гаспринский направил свои усилия на развитие социальных сетей, издание газеты «Терджиман-Переводчик» (1883–1918), реформирование системы образования.

В «Русском мусульманстве» (1881), ориентированном в первую очередь на русскоязычных читателей империи, Гаспринский стремился показать, что для дальнейшего развития российского государства необходимо сближение русских и мусульман в бесконфликтном «русско-восточном соглашении». Тем самым Гаспринский предложил форму двунациональной империи, где ведущая роль отведена христианам и мусульманам, последним при этом принадлежит миссия по возрождению духовности империи. По мнению А. Хабутдинова, православно-мусульманский союз в России по своему смыслу оказывался близким к модели союза двух доминирующих этнических групп в рамках Австро-Венгерской империи [Хабутдинов]. Идея о двунациональной империи, однако, не нашла отклика ни в русском обществе и властных кругах империи, ни в среде самих российских мусульман. Как

 $^{^{22}}$ «Единство в языке, мыслях, делах» — часто цитируемый лозунг газеты «Терджиман».

отметили И. Зайцев и Т. Котюкова, русский консервативно-охранительный лагерь увидел в предлагаемой Гаспринским «двунациональной» модели империи возможность для появления альтернативной государственной модели нациостроительства, формулируемой как «обрусение до полного слияния с господствующей народностью» [Зайцев, Катюкова: 513-537]. Следует отметить, что подобно многим религиозным деятелям и мусульманским авторам того времени Гаспринский очерчивал границу «неассимиляции» по языку и религии, при этом важно, что он не отвергал русский язык и, более того, он им сам прекрасно владел, писал на нем (как известно, газета «Терджиман» печаталась на тюркском и русском языках), поддерживал контакты с российской интеллектуальной элитой (в частности с А.Н. Самойловичем, с которым они переписывались, «обменивались научной информацией, спорили о проблемах туркологии» [Зайцев, Катюкова: 513-537]). Размышляя в категориях нация/миллят, Гаспринский осознавал необходимость сохранения языка и религии для мусульман-тюрок. В своей работе «Русское мусульманство» посредствам контактов и взаимодействия мусульман и христиан, тюркских народов и русских, Гаспринский предлагал выход из кризиса и упадка, которые, как он считал, непременно ожидают Российскую империю из-за ее отхода от религии и духовности, как некогда произошло с другими мировыми империями. Взаимодействие в «русско-восточном соглашении» позволит избежать падения Российской империи. Дальнейшее развитие взгляды Гаспринского о месте мусульман не просто в Российской империи, а в мире в целом, нашли отражение в его знаменитых «Французских письмах». В «письмах» автор вышел за пределы Российской империи, в них речь шла уже не просто о российских мусульманах, а в целом об исламе и его роли в мировой истории. «Письма» писались в течение 63 лет (1851–1914), то есть они, пусть и в литературной форме, запечатлели представления автора, которые оттачивались на протяжении почти всей его жизни. Основная идея этого романа повествует о приключениях 'алима муллы Аббаса из Туркестана, приехавшего на Запад в последней четверти XIX века. Во время путешествия по Европе он посещает Гранаду и, к своему удивлению, находит тайную мусульманскую страну,

спрятанную в горах Сьерра-Невады, называемую ее жителями Дар ар-Рахат («Дом безмятежности или наслаждения»). Жители этой страны – потомки ал-андалузцев, тайно покинувших Гранаду после решения о сдаче ее испанскому королю. С опорой на андалузскую культуру они создали высокую цивилизацию. Мусульмане Дар ар-Рахат живут в мире и благоденствии, сохраняя свои духовные ценности и религиозные традиции. В недавней статье И. Алексеев, С. Лахути и К. Куликова, сообщают, что в оригинальной версии «Французских писем» описывается посещение муллой Аббасом лекции, на которой мударрис предсказывает бедствия, ожидающие Европу. Лекция в упрощенном виде приводит представления Гаспринского о цикличности истории: Европа подобна нового Риму, который после упадка и падения, возродился при помощи индустрии и коммерции. Гаспринский выделяет много параллельных мест между Европой и Римом, считая, что Европа следует по стопам старого Рима – отказывается от веры, получает распространение атеизм, что неизбежно приведет ее к закату. Гаспринский верил, что правильный общественный порядок, основанный на исламских ценностях и рациональном мышлении, продвижении прогресса (таракки) через модернизацию системы образования во всем мире поможет преодолеть фатальный упадок, непременно ожидающий европейское общество и культуру [Alexeev, Lahuti, Kulikova: 179–204].

Следуя этой же логике, можно предположить, что Гаспринский искренне верил, что российские мусульмане также помогут Российской империи возродиться, дадут ей духовный толчок. Теоретически «бесконфликтное существование» в рамках «русско-восточного соглашения», действительно, могло усилить Российскую империю изнутри. В начале XX века она как никогда нуждалась в таком внутреннем единстве. Однако идеи Гаспринского не нашли отклика ни в русском обществе, ни во властных кругах империи. Еще меньше понимания эти идеи вызвали в среде самих российских мусульман. Представленные в «Русском мусульманстве», они были утопичны и неосуществимы: прежде всего, потому что двустороннее соглашение оставляло за списком другие народы империи.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина // Исмаил Гаспринский. Полное собрание сочинений. Т. 2. Ранняя публицистика: 1879–1886 гг. / Гл. ред. Р.С. Хакимов; сост. С.А. Сеитмеметова. Казань — Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. С. 82–111.

Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России / Роберт П. Джераси; авторизов. пер. с английского В. Гончарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Зайцев И.В., Котюкова Т.В. «Шейх» и «мугаллим-устад»: письма Исмаила Гаспринского Александру Самойловичу // Minbar. Islamic Studies. 2020. №13(3). С. 513–537. DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-3-513-537

Тихонова Н.Е. Исмаил Гаспринский об интеграции мусульман в социально-политическое пространство Российской империи // Minbar. Islamic Studies. 2022. №15(3). С. 604–620. DOI: 10.31162/2618-9569-2022-15-3-604-620

Хабутдинов А.Ю. «Русское мусульманство» Исмаила Гаспринского: единство в многообразии. URL: https://idmedina.ru/books/islamic/?2576#_ftn18 (дата обращения: 15.12.2022).

Alexeev I., Lahuti S., Kulikova K. Andalusi Utopia and Muslim Modernity in Late Nineteenth-Century Russia: Ismail Gasprinskii's Epistolary Novel Dar al-Rahat // Al-Andalus in Motion: Travelling Concepts and Cross-Cultural Contexts / Kings College London Medieval Studies (KCLMS). Boydell and Brewer Ltd., 2021. P. 179–204.

Марданова Динара Замировна, научный сотрудник отдела истории религий и общественной мысли, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань, Республика Татарстан, Россия; dinara.mardanova@gmail.com

Mardanova Dinara Z., Researcher of the Department of the History of Religions and Social thought, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

УДК 31.748

«...ПРОТИВОРЕЧИТ ГРАНИЦАМ ПОВЕДЕНИЯ МУСУЛЬМАНКИ» ИЛИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕБЕ В ИСЛАМЕ В НАРРАТИВАХ СОВРЕМЕННЫХ МУСУЛЬМАНОК

А.Р. Гарифзянова, Д.А. Матвеева

В статье идет речь о том, как глобализация способствует трансформации образа современной мусульманки в городе. Сценарий жизни разворачиваются не только в зависимости от жизненной траектории девушки, этнического происхождения, ожиданий ее окружения, но дихотомии, в которой мусульманки сочетают религиозные практики и социальную активность в публичном пространстве.

Ключевые слова: хиджаб, мусульманки, религиозные практики.

«...CONTRADICTS OF THE BEHAVIOR OF A MUSLIM WOMEN» OR THE IMAGE OF THE SELF IN ISLAM IN THE NARRATIVES OF MODERN MUSLIM WOMEN

A.R. Garifzyanova, D.A. Matveeva

The article examines how globalization contributes to the transformation of the image of a modern muslim woman in the city. The scenario of life unfolds not only depending on the girl's life trajectory, ethnic origin, expectations of her environment, but also because of the dichotomy situation in which muslim women combine religious practices and social activity in public space.

Keywords: hijab, Muslim women, religious practices.

Женщина в исламе в контексте официального религиозного дискурса имеет особый, возлагаемый на нее, статус: она играет ключевую роль в формировании мусульманской идентичности и представлениях об исламе у окружающих, а также является своеобразным посредником, отвечающим за религиозность будущих

поколений. В результате образ мусульманки сложился под влиянием всех этих ожиданий. Однако глобализация трансформирует традиционный образ женщины-мусульманки, вместе с чем меняются и жизненные сценарии 23 современных мусульманок особенно в условиях современного мегаполиса. В своем роде женщины оказываются в ситуации социальной дихотомии, где на одной чаше весов традиционная модель поведения, в соответствии с религиозными канонами и ожиданием со стороны мусульманского сообщества. На другой – разнообразие жизненных сценариев реализации мусульманской жизненной карьеры, отличающихся приспособлением повседневных практик к современным условиям жизни светского общества и к религиозным требованиям. Проблема, в свою очередь, заключается в том, что трансформация повседневности постепенно затрагивает все сферы жизни, и мусульманки, как и многие «современные мужчины и женщины перестают действовать в рамках традиционных сценариев» [Risman: 81]. В ходе проведения пилотажной части «полевого» исследования жизненных практик, ценностей и профессиональных активностей женщинмусульманок, проживающих длительное время в Республике Татарстан, (чаще всего в городе Казань), были выявлены основные нарративы, отражающие различные стороны мусульманской жизни городских мусульманок. Итак, на данном этапе исследования среди всех опрошенных женщин были выделены условно следующие группы мусульманок: мусульманки-мигрантки, русские мусульманки, этнические мусульманки, по предположению авторов статьи, можно также выделить и мусульманок с «частичной» или номинальной мусульманской идентичностью. Исходя из предложенного разделения, были выделены биографические сценарии, предполагающие несколько общих моментов анализа для всех респонденток: «вход» в религию, «покрытие» как отдельная прак-

²³ Сценарный подход, изначально популярный в гендерных исследованиях [Темкина], перекочевал в труды, посвященные миграциям [Лернер и др.]. Под жизненными сценариями понимается определенная схема последовательных шагов, растиражированная биография, «некая идеальная модель, диктующая жизненные стратегии и повседневные практики» [Бредникова: 34].

тика (хиджаб) и связанные с этим сложности, а также представления о том, что значит быть мусульманкой.

Принятие ислама все респондентки описывали в интервью ярко и достаточно эмоционально. Нами были выделены несколько траекторий «входа» в ислам: мигрантская, локальная (местная) и экзистенциональная²⁴. Мигрантская траектория «входа» в религию предполагает традиционный и естественный сценарий включения в ислам с детства: обычно женщины являются этническими мусульманками (например, таджички или кумычки), для которых включение в религиозную жизнь происходит непосредственным путем:

«...родилась мусульманкой, я сама с Дагестана... у нас намаз читают с детства, прививают к религии, в отличие от Татарстана. У нас там религия была сохранена даже в те годы, когда религия преследовалась...» (женщина, 40 лет, кумычка, замужем, продавец).

«У нас нет медресе, где дают образование мусульманское. И юноши, и девушки мы полностью понятия не имеем что можно, что нельзя, мы делаем то, что нам говорили и делали наши предки» (девушка, 21 год, таджичка, не замужем, продавец).

Локальный сценарий также предполагает знакомство с исламом с раннего детства, но при этом не всегда означает реализацию религиозных ритуалов на практике (ношение хиджаба или чтение намаза), но при этом включение исламских практик в повседневность возможно с течением времени, уже будучи взрослыми, также стоит отметить, что зачастую принятие ислама является осознанным выбором самой женщины:

«...я считала себя мусульманкой, но платок для меня, намаз, как будто эти действия совершаются, когда человек станет старым, характерно для бабушек...» (ж., 28 лет, татарка, дизайнер-предприниматель, не замужем).

«я татарка, мои родители этнические мусульмане, они не практикующие мусульмане, это значит не читают намаз, просто мусульмане, не едят свинину, вот все...потом в 16 лет я начала задумываться о том, чтобы надеть платок, возможно это был мой подростковый бунт, мои родители не одобрили это, не то

_

²⁴ Все названия условны.

чтобы против религии были настроены, это был страх за мою безопасность, потому что не все еще в этом мире такие толерантные, но меня это не остановило, я надела платок» (ж., 21 год, татарка, не замужем, студентка и репетитор английского).

В свою очередь экзистенциональный сценарий предполагает принятие ислама через осознанный выбор, вызванный жизненными испытаниями. Согласно одной респондентке осознанное включение в мусульманскую жизнь происходит «с легкостью» следующим образом:

«...кого-то муж заставил или родители всю жизнь читали, тогда идет с тяжестью, как работа на самом деле, а когда ты осознанно приходишь к этому с благодарностью, то все не в тягость» (ж., 31 год, татарка, фотограф-блогер, замужем).

Помимо этого, экзистенциональный сценарий предполагает и включение в религию через поиск смысла жизни и осуждение окружающих:

«у меня была обычная среднестатистическая русская семья: папа коммунист-атеист, мама весь дом в иконах, но в церковь ходит только когда капец какой-нибудь случится....Я переехала от родителей, у меня сложная семейная история, я рано ушла из дома, также в Казани сняла квартиру, на какие-то там деньги, работала и училась, была в ужаснейшей жизненной ситуации, когда думаешь: «если завтра не будет, то в чем смысл жизни?», очень долго искала смысл жизни, читала кучу книг, ходила по всем заброшенным церквушкам, так получалось, что я все неправильно в церкви делала ... дыра такая была душевная, проблемы не заканчивались, я была одна, каждый день апокалипсис, травмы психологические, которые уже не хватало решать на амбициях и поэтому я начала искать, мне подсказали мечеть» (ж., 36 лет, смешанная национальность (русская, чувашка), предприниматель, блогер, замужем, 3 детей).

При этом интересен тот факт, что выбор ислама у большинства женщин является осознанным выбором и расценивается как «ресурс», смысл жизни и путь к «успокоению» у некоторых информанток проходил через испытания, например, хиджабом. Тогда возникает вопрос: хиджаб это все-таки символ испытания или ресурс? Сразу хотелось бы отметить, что хиджаб является одним из

основных элементов образа женщины в исламе, например, через хиджаб женщины идентифицируют себя, как религиозных женщин, соблюдающих нормы ислама. Мы можем говорить о «платке» как границе между светской и религиозной жизнью женщины, именно поэтому «покрытие» является одной из ключевых религиозных практик, которую современная мусульманка переживает:

«но я не думала, что я покроюсь, но как-то постепенно получилось органически, как-то само пришло без какого-то напряжения, как-то само собой получилось» (ж., 28, татарка, дизайнер-предприниматель, не замужем), «мой платок просто подкрепляет мою веру в бога, это мне помогает, меня ресурсит, еще не было такого, что платок тянул меня куда-то вниз» (ж., 21 год, татарка, студентка, репетитор английского).

Вместе с тем первичное покрытие влечет за собой ряд внутренних переживаний, испытаний и сомнений, например: «вообще первые три месяца, когда начала носить хиджаб, был какой-то кризис, были такие мысли, что я не достаточно хороша для этого» (ж., 21 год, студентка, татарка, не замужем), «...надо попробовать в чем прикол платка, здесь у меня было очень много знакомых с кем мы ходили на дискотеки, думаю, ну не совсем поймут, не смогу здесь начать ... Поэтому, знаете, что скажу, самый большой страх для меня был покрыться и что скажут люди, для меня хиджаб некое испытание до сих пор...» (ж., 36 лет, смешанная национальность (русский, чувашка), предприниматель, блогер, 3 детей).

К тому же хиджаб является фактором проявления локальной специфики ислама, например, значение хиджаба может изменяться в зависимости от территории прежнего проживания информанток, например, неоднозначная ситуация с хиджабом была в Таджикистане: «...Говорят — куртизанки. Они тоже начали покрываться, чтобы... их не ловили, чтобы у них не было проблем каких-то... У нас даже сейчас в Таджикистане, если ты закрытый, то никто тебя больше уважать не станет, а вот тут покрытых уважают...» (ж., 19 лет, студентка, безработная, таджичка, не замужем).

Локальная специфика может проявляться в этническом представлении о настоящей мусульманке через визуальный образ:

«...мне нравится, когда в образе национальная энергетика, когда есть татарское слово, когда есть орнамент... многие делают комплименты, особенно молодые, говорят, что это очень стильно, очень модно и что круто, что это происходит и они становятся свидетелями этого. Я начала носить банданы, когда это еще не было мейнстримом среди мусульманок...» (ж., 21 год, студентка, татарка, не замужем).

Мы можем говорить, что городские молодые мусульманки стараются больше сочетать модные молодежные тренды с традиционным образом, но при этом стремятся демонстрировать свою национальную идентичность и проявлять ее не только в практиках, но и с помощью, например, национального орнамента на одежде или в выборе определенных цветов одежды. Итак, представления о женщине в исламе трансформируются и выражаются как в визуальном ее образе, так и в ее активностях/ практиках повседневности под влиянием жизни в мегаполисе. Актуальным становится вопрос о том, как происходит самоидентификация женщин? Поэтому на вопрос: «Что для Вас значит быть мусульманкой?», важен и ответ, который, в основном, содержал в себе два главных аспекта: быть мусульманкой – это, прежде всего, про ответственность, нравственность и безопасность.

«...Для меня мусульманка, идеал мусульманки, наверное, нравственный человек, высоконравственный человек ...» (ж., 36 лет, смешанная национальность); «...для меня быть мусульманкой это безопасность, меня очень ресурсит вера...» (ж., 21 год, студентка); «...это соблюдение предписаний Всевышнего, ...стараться быть лучше» (ж., 28 лет, татарка, дизайнерпредприниматель); «быть мусульманкой для меня — это ответственность и безопасность. Ответственность это, вот о тебе, о твоих поступках будут судить как о всей группе девушек, которые носят хиджаб, тебе нужно как бы не ударить лицом в грязь» (ж., 21 год, студентка, татарка, не замужем).

Таким образом, сквозь разнообразие жизненных сценариев анализ момента принятия ислама и роли визуального образа в жизни современной мусульманки позволяет эффективно интерпретировать культурные рамки, практики и выборы религиозного поведения. Согласно нашему исследованию, вопросы идентично-

сти актуализируются/трансформируются в рамках трех жизненных сценариев городской мусульманки (мигрантский, локальный и экзистенциальный). Сегодня быть мусульманкой в современном городе — это не всегда соответствовать общественным ожиданиям, ведь сценарии жизни мусульманок постоянно усложняются и жизненные представления мусульманок меняются также. Сценарий жизни и реализации себя как мусульманки на практике зависит от социальных барьеров, этнической принадлежности, бэкграунда, профессиональной занятости и социальной среды.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Бредникова О.Е. (Не)возвращение: могут ли мигранты стать бывшими? // Этнографическое обозрение. 2017. №3. С. 32–47.

Лернер Ю., Рапопорт Т., Ломски-Федер Э. Русскоязычные студенты в Израильском университете: как работает «этнокультурный сценарий» советских евреев в эмиграции // Диаспоры. 2009. № 2. С. 62–90.

Темкина А.А. Сценарии сексуальности и гендерные различия // В поисках сексуальности / Под ред. Е.А. Здравомысловой, А.А. Темкиной. СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 2002. С. 247–286.

Risman B. From doing to undoing: gender as we know it $/\!/$ Gender & Society. 2009. Vol. 23, no. 1. P. 81–4.

Гарифзянова Альбина Раисовна, кандидат философских наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Института социальнофилософских наук, Казанский федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия; albina.garifzyanova@gmail.com

Garifzyanova Albina R., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of General and Ethnic Sociology of the Institute of Social and Philosophical Sciences, Kazan Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

Матвеева Дарья Александровна, студентка кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук, Казанский федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Matveeva Darya A., student of the Department of General and Ethnic Sociology of the Institute of Social and Philosophical Sciences, Kazan Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

УДК 7.03

МУСУЛЬМАНСКОЕ ИСКУССТВО ТАТАР: КЛЮЧЕВЫЕ СТАДИИ РАЗВИТИЯ

Г.Ф. Валеева-Сулейманова

1100-летнее развитие Ислама на территории Поволжья в культуре татар и их предков способствовало формированию своеобразного регионального варианта мусульманского искусства. Процессы его эволюции связаны с ключевыми этапами в истории татарского народа, с формированием средневековых татарских государств, развитием татарской мусульманской уммы в составе Российской империи, в современной Республике Татарстан.

Ключевые слова: мусульманское искусство, исламское искусство, философско-эстетическая доктрина, художественная традиция, Волжская Булгария, Золотая Орда, Казанское ханство, татарская умма, современное мусульманское искусство.

MUSLIM ART OF THE TATARS: THE KEY STAGES OF DEVELOPMENT

G.F. Valeeva-Suleymanova

The 1100-year development of Islam in the culture of the Tatars and their ancestors in the Volga region contributed to the formation of a regional version of Muslim art. The processes of its evolution are associated with key stages in the history of the Tatar people, with the formation of medieval Tatar states, the development of the Tatar Muslim Ummah as a part of the Russian Empire, in the modern Republic of Tatarstan.

Keywords: Muslim Art, Islamic Art, Philosophical-Aesthetic doctrine, Artistic tradition, Volga Bulgaria, Golden Horde, Kazan Khanate, Tatar Ummah, modern Muslim art.

На протяжении 1100-летней истории ислам глубоко отразился не только в общественных отношениях, религиозном сознании, но и создал своеобразное духовно-эстетическое пространство для развития мусульманского искусства. Наряду с архитектурой, музыкой, литературой, это искусство развивалось в формах художественного творчества, создающих эстетическую пространственно-предметную среду жизнедеятельности мусульманина.

Под термином исламское и мусульманское искусство подразумевается художественная культура, созданная мусульманскими народами, проживающими в широком географическом ареале — от Индии на востоке и Испании, Португалии на западе, восточной и центральной Африки на юге и Волго-Уральского региона на севере. Если мы окинем взором традиционное искусство мусульманских народов, то, несмотря на все территориальные границы и этнические различия, обнаружим в нем общность и образностилевое единство. Они отражают каноны исламской эстетики и суть художественного мировоззрения в исламе.

В формировании философско-эстетической доктрины Ислама важную роль сыграли учения Аль-Фараби, Ибн-Сины, Абу-Хамида Аль-Газали и многих других мусульманских мыслителей. Были утверждены теократические каноны, связанные с идеей неизобразимости Бога, пророков, ограничения, наложенные на изображения человека и живых существ. Они канонизировались преданиями – Хадисами.

Часто возникает вопрос, в чем разница между понятиями исламское и мусульманское искусство? Мы по-своему попытались на него ответить [Валеева-Сулейманова, 2008: 8]. Исламское по отношению к искусству является определением, отражающим его религиозную или божественную природу. Мусульманское — прилагательное от слова мусульманин, то есть оно подразумевает искусство, создаваемое последователями ислама. В то же время к мусульманскому искусству можно отнести произведения и не мусульман, однако, работающих в границах канонов исламской эстетики. Например, в современной художественной практике России можно привести с десяток таких известных имен. Надо учесть, что в исламском мировоззрении религиозное и светское составляют единое целое, и в определении «мусульманское» объ-

единяются и религиозное и светское искусство, в то время как в определении «исламское» выявляется его религиозная составляющая. Таким образом, можно сказать, что мусульманское искусство — искусство народов, исповедующих ислам, придерживающихся в своем творчестве основных канонов мусульманской эстетики.

Своеобразным географическим и культурным ареалом в исламском мире является территория Волго-Уральского региона, где предки татар на протяжении многих столетий осваивали художественно совершенный стиль мусульманского искусства. В период своего становления оно получило развитие в высоких формах городского художественного ремесла и отражало идеологию, сложившегося в X веке, крупного феодального государства — Волжской Булгарии. Однако, со временем, оно приобрело всеобщий характер, и стало неотъемлемой частью народной культуры, особенно после вхождения края в состав Российской империи, когда мусульманами была потеряна своя самостоятельная государственность.

На основе ислама и мусульманской культуры происходило сплочение татарской народности в рамках Золотой Орды и позднее развитие ее культуры в Казанском ханстве. Надо отметить, что в пределах Булгарского государства, вошедшего в состав Улуса Джучи, мусульманская культура преемственно развивала традиции булгарской городской культуры. В период Казанского ханства о сложившейся традиции свидетельствуют образцы высокого элитарного искусства, сохранившиеся в музейных собраниях Москвы (Оружейная Палата, Государственный исторический музей). В них также выявляются глобальные черты стиля, характерного для мусульманского искусства периода XV—XVI вв. Именно на преемственности традиций культуры Казанского ханства происходило дальнейшее развитие искусства казанских татар и волго-уральских татар в целом.

Зеркало. Биллон, литье. VIII–XII вв. Волжская Булгария

Надгробие. Резьба по камню. XIII – начало XIV вв. г. Болгары

Коранниица (миниатюрный футляр для Корана). Гравировка, чеканка. XIX в.

Унван рукописной книги. Каллиграф Али Махмудов. Середина XIX в. Государственный архив Республики Татарстан

Шамаиль. Каллиграф Госман Салиев. Казань. Начало XX в.

Ильясова А. Марьям, срывающая плод. Холст, масло. 1992

Шайхетдинов В. Аллаху Акбар! Холст, масло. 1996

Гилязетдинов С. Шамаиль Маш-Алла. Бумага ручного литья (конгрев). 2001

О развитии мусульманского искусства татар Поволжья свидетельствуют такие его виды, как художественное оформление жилища, комплекс национального костюма и ювелирное искусство, кожаные мозаика и тиснение, золотое шитье и вышивка, ткачество и аппликация, резьбы по камню и дереву. На основе арабской письменной графики получили развитие искусство каллиграфии в рукописной книге, шамаилях и резных каменных эпитафиях.

Истоки исламского искусства в Поволжье, как мы отмечали ранее, восходят к булгарской культуре, с начала X века ставшей частью мусульманской цивилизации. Процесс освоения эстетической доктрины мусульманского искусства происходил на основе преемственного развития сложившихся на протяжении веков тюркских художественных традиций. Его своеобразие сформировалось как сплав этнокультурных и религиозных канонов. Надо заметить, что в раннесредневековом тюркском искусстве, в том числе в искусстве булгарском, в доисламский период, наблюдается почти полное отсутствие изображений человека за некоторыми исключениями, связанными с обожествлением героизированных предков и предводителей рода, со снятием запрета на их изображения при культовом освящении. Неприятие изображения человека было также в искусстве иудеев и кочевых арабских племен до их перехода к монотеизму. Таким образом, можно сделать вывод о том, что отрицание изображения человека сформировалось в доисламский период.

Расцвет мусульманского искусства в Волго-Уральском регионе, да и во всей ойкумене исламского мира, приходится на XIII–XV вв. – когда произошло объединение тюрко-татарского населения Золотой Орды. Булгарские и хорезмийские мастера, носители оседлой городской цивилизации, сыграли определяющую роль в развитии искусства, архитектуры и ремесел данного государства. Ислам в 1320-х гг., ставший официальной религией в Золотой Орде, приобрел господствующее положение, и вся художественная культура находилась в сфере его влияния. В основу этой культуры была заложена имперская надэтническая идея, то есть осознание причастности к великому государству, объединившему наследие разных в основном тюркских племен и народ-

ностей. Например, на территории Волжской Булгарии, Крыма и Хорезма преемственная культура местных народностей вошла в симбиоз с золотоордынской имперской культурой, в результате чего возникли ее региональные варианты со своей художественной спецификой.

В эпоху Казанского ханства мусульманская культура татар достигла наивысшего расцвета. В отличие от Астраханского, Ногайского, Сибирского ханств и Большой Орды – государств кочевых и полукочевых татар, Казанское ханство было земледельческим, торговым государством с высокоразвитыми традициями ремесленного производства. Значительный подъем художественной культуры, развивавшейся в этот период в сторону рационализма и светской ориентации, поставил Казанское ханство в один ряд с передовыми государствами Востока и Восточной Европы. В то же время, период XV — первой половины XVI веков в истории Волго-Уральского региона знаменателен тем, что он был завершающим в развитии средневековой мусульманской культуры господствующей верхушки татарского общества.

Потеря государственности, в результате завоевания Казанского ханства, не привела, однако, к потере этнической самобытности и высоких форм культуры, созданных в течение предшествовавших столетий. Они были сосредоточены в аулах, где сохранялись и развивались, исходя из текущих условий, традиции былой городской феодальной культуры. Среди крупных поселений полугородского типа можно назвать Арск, Сабы, Зюри, Мондюш, Атня в Заказанье, Касимов (ныне в Рязанской области), аул Каргалы в пригороде Оренбурга, Кармыскалы в Башкирии, Ямбаево в Сибири и др. Искусство находилось в рамках творческих критериев, выработанных народным коллективом в условиях крестьянского быта и под влиянием традиций прошлой городской культуры — периода расцвета татарских ханств.

В XVIII–XIX веках мусульманская культура и искусство татар продолжили быть в ареале влияния мусульманской цивилизации. Татарская мусульманская община, будучи в сфере воздействия доминирующей в регионе русской христианской культуры, подвергаясь насильственной христианизации, сконцентрировала свои усилия на сохранении ислама. Этнограф середины XIX века

А. Риттих, посетивший Казань, писал, что татары являлись как бы «государством в государстве» [Риттих]. Что касается художественного сознания, то татары-мусульмане были далеки от восприятия христианской концепции Бога и негативно относились к его изображению в человеческом облике. Иконопись воспринималась ими как идолопоклонство, что оказало сильное влияние на запрет любого фигуративного изображения. В татарском искусстве XVIII–XIX вв. они практически отсутствуют.

В периодизации культуры татар этап с середины XVIII до середины XIX вв., отнесен нами к классическому, в то время как период со второй половины XIX до начала XX вв. к общенациональному [Валеева-Сулейманова, 2001: 457]. На первом этапе искусство, воплотившее достижения мусульманской культуры, переживало новый расцвет. После него, наступил этап освоения и трансформации цивилизационных достижений, идущих преимущественно с Запада и своеобразно претворенных в русской профессиональной культуре.

Классические формы в татарском искусстве сложились на базе городской культуры татар Поволжья и Приуралья, которая, в свою очередь, сформировалась на основе этнокультурных традиций казанских татар. Центрами развития были Казань и крупные аулы Заказанья. Здесь были созданы развитые формы ремесленного производства, предприятия художественных промыслов, что позволило выпускать массовую тиражируемую продукцию, обеспечивающую нужды всего мусульманского населения — татар, башкир, части казахов, узбеков. Высокопрофессиональные и трансформированные в массовые формы элементы казанско-татарской культуры стали всеобщими и объединяющими для мусульман Волго-Уральского и Западно-Сибирского ареалов.

Рубеж XIX—XX вв. был переломным. Из мусульманской и этнически традиционной татарская культура трансформировалась в светскую, европейски модернизированную культуру складывающейся татарской буржуазной нации. Процесс этот был поэтапным и имел свои особенности. В татарской умме постепенно утверждались идеи реформаторства — джадидизма, европейская концепция индивидуальной творческой личности, свободной от коллективного сознания мусульманской общины. Этот процесс

объясняет высокий взлет татарской поэзии, прозы, становление профессионального театра с целой плеядой имен актеров, сценического музыкального исполнительства, изобразительного искусства, всего того, что определило содержание «золотого века» татарской культуры в начале XX столетия.

Развитие татарской культуры в XX веке характеризовалось тем, что в ней не было составляющей, связанной со следованием критериям мусульманской эстетики. Светское направление в искусстве относилось к явлениям, связанным с идеологией так называемого «национального по форме и социалистического по содержанию» искусства. Однако связь этнического и религиозного сознаний способствовала опосредованному их выражению в новых формах культуры.

Феноменом постсоветской действительности стало возвращение к духовному наследию мусульманской культуры и восстановление прерванных традиций в области искусства. Возрождаются культовая мусульманская архитектура, виды искусства, связанные с арабской каллиграфией. В 1990-е годы наблюдаются процессы становления новой духовной парадигмы в искусстве татар, в котором мусульманская традиция пронизывают и содержательную и формальную стороны произведений.

Таким образом, развитие мусульманского искусства татар претерпело периоды подъемов и спадов, забвения и возрождения. Многовековая устойчивость в преемственности традиций мусульманского искусства способствовала его глубокому проникновению в художественное сознание.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Валеева-Сулейманова Г.Ф. Национальная традиция в декоративном искусстве // Татары. Серия «Народы и культуры». М.: Наука, 2001.

Валеева-Сулейманова Г.Ф. Мусульманское искусство в Волго-Уральском регионе (с углубленным изучением истории и культуры ислама). Учебное пособие. Казань: Магариф, 2008.

Риттих А.Ф. Материалы для этнографии народов России: Казанская губерния. Казань, 1870.

Валеева-Сулейманова Гузель Фуадовна, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник отдела истории религий и общественной мысли, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань, Республика Татарстан, Россия; valeeva_art@mail.ru

Valeeva-Suleymanova Guzel F., Doctor of Arts, Chief Researcher of the Department of the History of Religions and Social thought, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

УДК 908(574.41-25):297

ВКЛАД ТАТАР В СТРОИТЕЛЬСТВО МУСУЛЬМАНСКИХ ИНСТИТУТОВ СЕМИПАЛАТИНСКА XIX ВЕКА И РАЗВИТИЕ ГОРОДА

А.Х. Хузина

В работе повествуется о вкладе татар в развитие и становление Семипалатинска. У истоков торговли, промышленности и образования города Семей стояли представители татарской диаспоры — купцы и муллы. Они оставили потомкам свои начинания и опыт, которые вылились в крупнейшие в Советском союзе предприятия лёгкой и пищевой промышленности.

Татары инициировали строительство первых мечетей и медресе в торговой столице восточного региона Казахской степи. В медресе получали образование видные творческие лидеры, предприятия и фабрики дали толчок развитию города.

Ключевые слова: татары, Семипалатинск, татарская диаспора, мусульманские институты.

THE TATARS' CONTRIBUTION TO THE CONSTRUCTION OF MUSLIM INSTITUTIONS IN SEMIPALATINSK IN THE 19th CENTURY AND THE DEVELOPMENT OF THE CITY

A.Kh. Khuzina

The work informs about the contribution of the Tatars to the development and formation of Semipalatinsk. Representatives of the Tatar diaspora – merchants and mullahs – were at the origins of trade, industry and education of the city of Semey. They left to their descendants their undertakings and experience, which resulted in the largest light and food industry enterprises in the Soviet Union.

The Tatars initiated the construction of the first mosques and madrasahs in the trading capital of the eastern region of the Kazakh steppe. Prominent leaders were educated in the madrasah, enterprises and factories gave a start to the development of the city.

Keywords: tatars, Semipalatinsk, tatar diaspora, muslim institutions.

Семипалатинск был основан в 1718 году как военно-опорный пункт на казахско-русском пограничье. Этнический состав крепостного поселения, а в дальнейшем и города, всегда был разнообразным. В этом межнациональном котле татары долгое время были одним из самых многочисленных и важных «ингредиентов». Этому есть несколько причин: во-первых, татары и казахи — близкие народы, которых сближало происхождение, языки, религия.

«У татар и казахов религия – ислам суннитского толка, который, правда, у казахов был перемешан с традиционными верованиями и только получал распространение в XVII–XVIII веках. А татарский язык был главным средством коммуникации между царским правительством и региональной властью с одной стороны, а с казахской элитой – с другой. [Махмутов]

Во-вторых, важную роль в переселении татар на территорию востока Казахстана, и, в частности, в Семиполатную крепость, стали правительственные указы 1731, 1745, 1760 гг., которые давали право российским татарам и народам Центральной Азии на беспрепятственную торговлю в Семипалатинске [Шаблей]. В ре-

зультате в крепость и его окрестности стали активно переселяться татарские купцы из Вятской, Казанской, Тобольской губерний, которые искали новые возможности для развития своих торговых дел и были заинтересованы в переселении.

Удачное географическое местонахождение Семипалатинска делало его отличным транзитным пунктом между Российской империей, Средней Азией и Китаем. Это место и раньше находилось на торговом пути, а с приходом татарских купцов максимально реализовало свой потенциал в сухопутной торговле. Сами татары также были заинтересованы в новых возможностях. «Татарские купцы искали в Степи новые рынки поставки и сбыта продуктов, татарские крестьяне бежали на Восток, надеясь избежать рекрутской повинности, тяжелого налогового бремени, насильственной христианизации, а также зарождавшегося в то время в Центральной России земельного голода» [Атантаева]. Таким образом, можно сделать вывод, что татары, приехавшие за лучшей жизнью, были проводниками между Российской империей и казахской степью.

Строительство новой Семиполатной крепости по причине невыгодного расположения, тяжёлых климатических условий и подтоплений старого укрепления началось в 1776 году. Но уже за 10 с лишком лет до этого в районе современного города шла активная торговля между татарскими купцами и киргисцами (казахами). На левом берегу был организован Меновой двор в Заречной слободке через реку Иртыш. А на острове, в дальнейшем, получившем название Полковничий — купеческая меновая слободка, где торговали татары.

В середине XVIII века на острове было устроено место для торговцев с приезжими купцами. Паллас, посетив Семипалатинск в 1771 году писал: «Меновое место состоит в нескольких деревянных домиках или лавках, разделённых на ряды, обнесённых рогатками и рвом. Сие лавки определены частию для житья и поклажи товаров здешних российских и татарских купцов. В сём месте через Иртыш находится переезд, а на другой стороне несколько изб, для нужной остановки Киргизских купцов» [Кашляк].

После переноса крепости на новое место, остров стал заселяться купцами, которые переехали из старой крепости. Если в

1786 году в ней было 45 домов, то в 1792 уже 75. Однако постоянные подтопления в результате разлива Иртыша несли многотысячные убытки. Крупные наводнения в 1792—1793 годов и выход реки из берегов в апреле 1795 года едва не разорили купцов. В итоге было решено найти другое, «непотопляемое» место.

Торговцы решили переселиться в урочище «Маячное», около станицы Белокаменской в 50 верстах от города. Но военное начальство решило заложить слободку на правом берегу Иртыша, выше острова. В 1798 году этот район уже приобрёл официальный статус — был утверждён план купеческой слободки и торговой плошали.

Переехав на новое место, купцы обосновались и построили между татарской слободкой и русским форштатом гостиный двор «для складски заграничных товаров». На месте нового менового двора образовался первый семипалатинский базар, перенесённый с острова Полковничий — это первый торговый центр города, вокруг которого закипела жизнь.

Семипалатинск стал одним из крупных городов в казахской степи с наибольшей концентрацией татарского населения. 15 марта 1882 г. в Семипалатинске была проведена первая перепись населения. 22,8% горожан составили татары, подавляющее большинство из них занималось торговлей, были среди них купцы, промышленники. Многие освоили хлебопашество. Почти все они жили в правобережье и в большом достатке: «Дома их составляют лучшую часть города». Самой зажиточной частью Семипалатинска была Татарская слобода, или Татарский край, сохранивший свое название до наших дней. Как показывают архивные данные, татары по роду занятий были не только купцами, занятыми в торговле, но и крупными владельцами промышленных предприятий, как в городе Семипалатинске, так и в области. Представители татарской диаспоры были крупными меценатами, занимались благотворительностью, способствовали благоустройству города. Татары Восточного Казахстана являлись активными участниками экономической, социальной и культурной жизни области.

Татарские купцы активно открывали производства, цеха, мельницы, заводы. Они выделывали кожу, варили мыло, вытапливали сало. Основные производства стали подкрепляться и об-

растать подсобными производственными площадками. Ассортимент продукции рос. Самые известные и крупные предприниматели региона XVIII—XIX веков — это купцы Салиховы, Искаковы, Рафиковы, Усмановы, Габитовы, Иштерековы, Мусины, Шафировы. Династия Усмановых в 1861 г. была в списке самых многочисленных в крае, в ее составе было 5 семей общей численностью 33 человека. Самый крупный оборот имела семья И. Иштерякова — 99 тыс. рублей серебром в год. Семьи купцов Мусиных, Халитовых, Рафиковых способствовали развитию промышленности в городе [Атантаева]. Многие купцы начинали «своё дело» очень скромно, имея небольшой запас товара, оборотных средств, и огромное трудолюбие и упорство. В данном случае показательной является история братьев Мусиных, сделавших прорыв в Семипалатинске, и подаривших городу пароходство и судоходство.

Братьев Мусиных называли татарскими Ротшильдами. Глава семейства, Муса Мусин, приехал в Семипалатинск со своим сыном Садыком в 1809 году. Они продавали местным жителям чай и муку, на вырученные средства покупали у казахов шкуры, выделывали их вручную и шили тёплые тулупы и дублёнки. Отец и сын наняли рабочую силу и успешно продолжали выделывать шкуры. После смерти отца Садык продолжил его дело, открыл магазины в Семипалатинске и некоторых других близлежащих городах казахской степи. Он построил первую в Казахстане паровую крупчатую мельницу, которая запустила свои «шестерёнки» в 1899 году. Здание по сей день является действующим. Там располагается метизно-фурнитурный завод. В ближайшее время его планируется выкупить для нужд общественности города, разместить там мастерские ремесленников, детские студии, и, возможно историко-краеведческий музей.

Кроме того Садык Мусин хотел построить механизированную мельницу, долгие годы он готовил проект механизированного мукомольного завода. Однако ему не удалось осуществить свои планы. Его проект претворили в жизнь сыновья — Латиф и Фатих Мусины. Для осуществления проекта были наняты инженеры из Германии и США [Атантаева].

Отдельной и очень крепкой веткой в семейном бизнесе братьев Мусиных было горнорудное дело (добыча золота), паро-

ходство и судоходство по реке Иртыш. Фактически, Латиф Мусин первым открыл в Семипалатинске это направление. Торговля по Иртышу шла между Китаем и Россией через Семипалатинск.

На выделенные семьей Мусиных средства в городе были построены школы, больницы, мечети. Мусины содержали учителей, направляли самых талантливых детей на учебу в Россию, Англию, США, спонсировала газету. Мусины учредили ежегодную благотворительную акцию, согласно которой каждая семья бедняков получала 2 мешка муки, 40 кг сахара, чай, соль и 50 кг мяса. Один раз в год бедняки имели возможность бесплатно путешествовать на купеческих пароходах от Китая до Оби, включая пропитание. Не случайно семья Мусиных входила в список 150 самых влиятельных и богатых семей Российской империи [Атантаева].

Ещё одни крупные семипалатинские купцы и промышленники — Рафиковы. Казанский татарин, впоследствии ставший купцом, Рафик Искаков, торговал в Семипалатинске с начала XIX века. Члены семьи впоследствии были очень влиятельными в городе людьми, входили в различные городские общества и внесли большой вклад в инфраструктуру города. Они спонсировали двухминаретную мечеть. Интересный факт: Садык Садыкович Рафиков был членом делегации от Семипалатинска на коронации Николая II в 1897 году в Петербурге [Кашляк]

Концентрация татарского населения в Семипалатинске увеличивалась. Согласно данным первой переписи, проведённой в марте 1882 года, в Семипалатинске 22,8% горожан составили татары. Для сравнения — в соседних городах с большим присутствием татар эта цифра была намного меньше. Вот как описывают быт татар «Сибирские вести» в 1899 году: «Это народ торговый, промышленный, предприимчивый, деятельный, трудолюбивый, зажиточный. Дома их составляют лучшую часть города. Они хорошего росту, крепки, в одежде щеголеваты, вообще красивы. Татарки очень милы: лица нежные и белые, черты правильные, глаза и волосы чёрные, взгляд весёлый. И мужчины, и женщины живого общительного характера. Ташкентцы, тоже вышедшие сюда встарь из Ташкента, и которых здесь называют «сартами», занимают особый квартал татарской слободы и имеют свою особую мечеть».

Мусульманские институты: мечети и медресе

Были ли казахи мусульманами в чистом виде, когда в казахские степи стали заселяться татарские переселенцы со своей твёрдой верой в Аллаха? Одни учёные утверждают, что мусульманство было неотъемлемой частью жизни казахов, начиная со времён Казахского ханства. Приводя тот факт, что в некоторых персидских и китайских исторических источниках казахи описываются как мусульмане [Казахские традиции и исламизация].

По мнению других, культурно-духовная жизнь их была связана с тенгрианством вплоть до конца XIX века. О пограничном состоянии веры между исламом и язычеством писали русские, немецкие учёные, наблюдавшие за бытом казахов. Да и сам Чокан Валиханов рассказывал о слабой религиозности номадов. По их мнению, исламизация кочевников произошла гораздо позже, во второй половине 19 века, после ликвидации ханской власти и окончательного вхождения казахских земель в состав Российской империи. «Только с этого времени кочевники начали соблюдать пост, свершать пятикратную молитву, а богатые степняки стали отправляться на паломничество в Мекку, что свидетельствовало о проникновении в повседневную жизнь понятий об основных обязанностях мусульман», — говорит современные казахстанский историк Радик Темиргалиев [Казахские традиции и исламизация].

На семипалатинских землях магометанство укрепили татары. И опять же об этом позаботилась Российская империя. Если в середине XIX века вышли указы о переселении татар в связи с необходимостью поиска новых рынков сбыта товаров, то во второй половине этого же периода «было велено устроить на Сибирской линии мечети и при них мусульманские школы и каравансараи. Этим заложен был весьма прочный фундамент для распространения и укрепления среди киргизов (казахов), в то время по своим религиозным воззрениям ещё язычников, магометанской религии» [Кашляк].

В 1784 году из числа татар, несущих службу и знающих магометанские законы, стали назначать мулл с присвоением им жалованья от казны. В указе на имя барона Игельстрема 1785 года сказано: «снабжение разных родов киргизских (казахских – авт.)

муллами не малую пользу делам нашим принести может, почему и старайтесь определить оных, истребовав из казанских татар».

Первая мечеть в Семипалатинске была построена ташкентскими купцами (сартами) в 1798 году. Количество «иностранных и ташкентских бухарцев» в начале 19 века превышало татарское население почти в 10 раз.

Большая часть данных о хронологии строительства мечетей в Семипалатинске были взяты из книги Семипалатинского краеведа Виктора Николаевича Кашляка «Храмы Семипалатинска: прошлое и настоящее», которая собрала в себе полную информационную картину обо всех городских религиозных сооружениях царского и дореволюционного периода. Согласно источникам, первая мечеть в хронологическом плане в городе появилась в 1790-е годы. Она была построена из дерева на средства первых жителей — мусульман города, активную поддержку возведению первой мечети оказала интернациональная команда — узбек Бадал Айуб бай, казах Ишимкан бай и татарин Акмурат бай. Из-за своего небольшого размера и отсутствия минаретов среди жителей города данная мечеть стала известна как Токал-мечеть.

Сартские мечети, а их было построено в Семипалатинске три, не входили в систему Оренбургского магометанского духовного собрания, и не подчинялись центральному Муфтияту в отличие от всех других мечетей Семея [Кабдылхак].

Первая татарская мечеть за №1 была построена в период с 1800 по 1810 годы на средства Шафибая Ишим оглы, который был родом из деревни Мазарбаши Казанской губернии. Деревянная мечеть простояла совсем не долго, не больше двадцати лет. Её разобрали, перенесли на окраину города, возвели заново, оставив за ней первый номер. А на её месте построили «деревянную, более солидную мечеть №2 для богатых мусульман» (между 1820 и 1826 годами).

В 1949 году мечеть №2 сгорела при пожаре. После этого было решено построить новую каменную мечеть, на которую Ахмет ишан Хазрят, знатный Муса бай из Кышкари, деревни близ Казани, выделил 30 тысяч рублей. В дальнейшем он ещё раз профинансировал строительство, но деньги ушли не по назначению. Известный в городе полицмейстер Базылевич приостановил

строительство, аргументируя это тем, что мечеть не соответствует архитектурному облику города. Строительство было возобновлено на средства прихожан и закончилось в 1862 году. В этом же году Сетдык бай построил рядом с ней каменное здание медресе. Сейчас здание мечети №2 — это украшение современного Семея. Ни одно мусульманское сооружение не сравнится с ней по архитектурно-художественному решению.

В 1837 году была построена деревянная мечеть №3. Её профинансировали сыновья Абдулллатифа из деревни Минкар, что близ Казани — Тахир и Ибрахим. А рядом — деревянное медресе, которое сгорело в пожаре в 1877 году. Позже на деньги, собранные прихожанами, было сооружено каменное здание медресе. В 1902 году сгорело здание мечети, которое отстроили заново, но уже из камня, в 1910 году.

Постройки татарской слободки были обречены на частые крупные пожары, выжигающие целые кварталы из-за скученности построек, отсутствия площадей и брандмауэров.

О мечети №4 сообщается мало, известно лишь, что она была из дерева и довольно просторная. При мечети работали две школы. И что в 1907 году прихожанам мечети был выделен участок на 33 квартале, где разрешили перестроить храм из-за его ветхости.

Мечеть №5 была построена на средства Ганиятулла бая в 1859 году. В 1937 году мечеть снесли под строительство на её месте родильного дома.

Мечеть №6 построена в начале 50-х годов 19 века на средства Мухаммед Хажи, сына Исмагила Иштерекова из деревни Ташкичу около Казани. В медресе при мечети учился казахский поэт и просветитель Абай Кунанбаев. Мударрисом в этом медресе был зять купца Мусина — Габдулла хазрат. В 1947 году мечеть сгорела. В здании медресе жили люди, используя его как дом. А в 1994 году разобрали и вновь возвели на территории мемориального комплекса имени Абая.

Деревянная соборная мечеть №7 построена в 1852 году и до сих пор радует горожан. Находится в самом центре татарского края. В советские годы в здании располагались пионерский клуб и радиостанция. Сейчас мечеть выполняет свои прямые функции.

Сартовскую мечеть №8 в пределах 1800—1811 годов построили на средства ташкентского купца, лидера в своём деле Миркурбана Аюпова, который знаменит тем, что снабдил экспедицию для Чокана Валиханова и тайно проник вместе с ним в Кашгарию. Согласно источникам, в особой комнате этой мечети хранились два волоска из усов пророка Мухаммеда. В 1937 году мечеть, располагавшуюся около речки Семипалатинки, разобрали.

Мечеть №9 располагалась в местности Джана-Кала (новые выселки).

Ещё три мечети были построены на левобережье Семипалатинска, в Заречной слободе. Первую казахскую деревянную мечеть в 1841 году построил старшина Джоламан Джандырбеков, которая сгорела в марте 1930 года.

Мечеть №2 в Жана-Семее построили на средства казахского старшины и первого крупного казахского купца Танебая Каукенова. Она существует до сих пор.

Относительно мечети №3 известно, что она построена по ходатайству мусульман. Проект строительство каменной мечети утверждён 1 сентября 1917 года. С 1930-х годов в здании мечети располагались овощные склады, а затем кинотеатр «Заря». Бывшую мечеть снесли в 1999 году.

Отдельно стоит сказать про мечеть села Аккултык, которая расположена в 35 км от города. Её построили в 1907 году на средства купца, выходца из Казни, который проживал в Семее.

Её уникальность в том, что, простояв 100 лет без ремонта и вмешательства со стороны, смогла выстоять и дождаться полной реконструкции. Благодаря инициативе выходцев из села, были собраны деньги (более 6 млн. тенге) и здание восстановили.

Заключение

Подводя итоги, нужно сказать, что татары внесли огромный вклад в развитие Семипалатинска – ныне города Семей. Буквально освоили город и превратили его в торговый и производственный центр казахской степи. Почти во всех сферах общественной и экономической жизни транзитного города татары были передовиками: торговля, образование, ремесло, строительство, благотворительность. Неоценимую лепту и большое участие татары приняли в

строительстве мечетей и медресе, оставив городу и горожанам архитектурное наследие в виде культовых сооружений религиозного зодчества. Пожары уничтожили большую часть деревянных храмов, советская власть и антирелигиозная идеология тоже повлияла на их сокращение. Тем не менее, три мечети, ныне действующие в Татарском крае, до сих пор выполняют свои прямые функции. Наследие представлено в виде прекрасных соборных сооружений, с уникальным объемно-планировочным решением. Их архитектурно-художественные образы неповторимы. Тематика декорации, в частности орнаментов, резьбы наличников, карнизов, фриза не повторяются ни в одной современной мечети.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Атантаева Б.Ж., Ахметова Р.Д. Татары Семипалатинского Прииртышья в историческом и культурном аспекте (XIX – нач. XX вв.) // Мир Большого Алтая. 2018. № 4. С. 511–515.

Кабдылхак Н. Мусульманский Семей. Мусульманское население и мусульманские институты Семипалатинска в XIX веке. Доклад на конференции «Определяющая роль ислама в сохранении и развитии татарской общности. Роль татар в распространении ислама на территории Евразии» (г. Семей, Республика Казахстан, 21 сентября 2016 г.).

Казахские традиции vs исламизация. URL: https://nomad.su/?a=3-201103280034 (часть I); URL: https://nomad.su/?a=3-201104010031 (часть II) (дата обращения: 22.02.2023).

Кашляк В. Храмы Семипалатинска: прошлое и настоящее. Семипалатинск, 2004.

Махмутов З.А. История заселения татарами казахской степи (XVII—XX вв.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. №12. Ч.1. С.123–126.

Шаблей П.С. История татарской общины Семипалатинска. Историческая этнология. 2020. Т. 5, N 1. С. 75–94.

Хузина Альбина Халеловна, журналист, член Общественного объединения «Краеведческое общество "Прииртышье"», г. Семей, Республика Казахстан; Albina-semey@mail.ru

Khuzina Albina Kh., journalist, member of the Public Association "Local History Society "Priirtyshye"", Semey, Republic of Kazakhstan

СЕКЦИЯ 3. Риски религиозной радикализации и экстремизма в современной России: социальные основания, поиск путей профилактики и раннего предупреждения

УДК 297

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БАЗЫ ИСЛАМСКОГО РАДИКАЛИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА

П.А. Денисенко

Рассматриваются основы информационной базы исламского радикализма и экстремизма и как производное теории ведения информационной борьбы против Российской Федерации. Их суть – политологические, социологические, психологические приемы воздействия на общество, отдельного гражданина посредством информации.

Ключевые слова: авторитет, дезинформация, псевдологические выводы, пропаганда, ярлык, ложный флаг.

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE INFORMATION BASE OF ISLAMIC RADICALISM AND EXTREMISM

P.A. Denisenko

This article is devoted to issues of information basic tools of Islamic radicalism and extremism, which are also studied as derivatives of anti-russian information campaign. They are politologic, sociologic, phsycologic methods used to affect not only on the special person but also on the whole society.

Keywords: authority, disinformation, pseudological conclusions, propaganda, label, fake flag.

Понятия и определения «информационная борьба» и «информационная война» имеют давние исторические корни и трактовки. Однако в настоящее время они совершенно по-разному рассматриваются и интерпретируются в российских и западных научных школах. Причиной тому является то, что Российская Федерация является объектом испытания многочисленных политологических, социологических, психологических приемов (способов, средств) воздействия на наше общество, отдельного гражданина посредством информации.

Представленные теории ведения информационной борьбы, войны можно рассмотреть в следующем концентрированном виде.

Теория 1. Использование авторитетов (групп влияния). Ее основа — использование авторитетных, известных для целевой аудитории людей или групп. В качестве таких групп влияния могут выступать известные политические деятели, руководители предприятий, преподаватели высших и средних учебных заведений, деятели культуры, известные актеры, и т.д. Для эффективности данного метода важно присутствие следующих факторов: доверие к представителю группы влияния, его известность, высокие профессиональные качества, личные достоинства, высокий официальный пост (в прошлом или настоящим), его близость с целевой группой электората и т.д.

Примеры: Вербальная пропаганда: «Закон следует возродить в его первозданной чистоте, включая такие меры, как отрубание голов и рук и побивание камнями» (Абу Бакр аль-Багдади, $И\Gamma U \Pi^{1}$) [Абу Бакр аль-Багдади].

Визуальная пропаганда: Флаг ИГИЛ. На флаге ИГИЛ написано – «Нет Бога, кроме Аллаха», что является высшей легитимацией их борьбы, которая якобы ведется от имени Всевышнего. Это известная каждому мусульманину шахада. Шахада используется для легитимации деятельности боевиков ИГИЛ от имени Пророка Мухаммада (круг на флаге – изображение печати пророка). В контексте борьбы ИГИЛ шахада может обозначать веру

 $^{^1}$ Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством РФ террористическими.

своим идеалам, причем веру до самой смерти, особенно ценится в планах мученической смерти и самопожертвования. Кроме того, это отсылка к авторитету героической истории: впервые использование черного флага было произведено Абу Муслимом в ходе аббасидской революции 747 года. Революция привела к победе Аббасидов и сделала его национальным героем своей страны. Аббасиды, в глазах исламского сообщества, даже в настоящее время, считаются оплотом мусульманской общности и веры в идеалы своей религии.

Теория 2. Имитационная дезинформация. В одной из сторон конфликта (войны) имеются исходный набор положений и утверждений, который является базой для каких-либо пропагандистских (агитационных) основ. Вторая сторона привносит свои изменения в пропаганду первой. В конечном итоге они придают ей другой вектор и снижают доверие, формируют отрицательное отношение. Применяется в виде подмены высказываний руководителей, лидеров или официальных сообщений.

Пример: Знамя Победы — штурмовой флаг 150-й ордена Кутузова II степени Идрицкой стрелковой дивизии, водружённый 1 мая 1945 года на крыше здания рейхстага в городе Берлине во-

еннослужащими Красной Армии Алексеем Берестом, Михаилом Егоровым и Мелитоном Кантария.

Знамя Победы заменено Шахадой (флаг) ИГИ Π^2 , представляющий собой чёрное полотнище с надписью «Нет Бога, кроме Аллаха» сверху и печатью Мухаммеда снизу³.

Теория 3. Псевдологические выводы. Содержательно она представляется в использовании неправильных логических выводов.

² Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими

³ Патеев Р.Ф., директор Центра исламоведческих исследований АН РТ, «Джихадизм в современном медиапространстве» (выступление 17.11.2022 г. в МГЛУ на Международной научно-практической конференции «Предуниверситарий как инновационная модель образовательной среды в школе профильного типа в системе вузовской подготовки кадров. Актуальные проблемы воспитания и развития учащихся в школе профильного типа»).

Примеры: Вербальная пропаганда: «Тот, кто ранее был вовлечен в джихад, понимает, что это ничто иное, как жестокость, грубость, терроризм, запугивание (других) и уничтожение. Я говорю про джихад и сражение, а не про ислам, их не нужно путать... Невозможно продолжать воевать и двигаться от одной стадии к следующей, если начальная стадия не будет содержать в себе расправу с врагом и превращение его в человека без дома» [Абу Бакр Наджи].

Джихад и ислам – это нераздельные понятия. Их разделение является неправильным логическим выводом.

Теория 4. Принуждающая пропаганда. Данная теория воздействия использует слова и выражения, имеющие принуждающий характер.

Принуждающие действия с использованием вербальной пропаганды: «Принудительной пропагандой ислама повстанцы радикальной джихадистской организации «Ан-Нусра» занялись в городе Маалуле — сирийском центре христианства. По словам очевидцев, боевики людям предлагали жестокий выбор — Аллах или смерть» [Об ошибках Саид Кутба].

Теория 5. Наклеивание ярлыков. Теория состоит в эксплуатации предрассудков и стереотипов населения через навешивание какого-либо отрицательного образа. Ярлык квалифицирует этот объект как что-то, чего аудитория боится, ненавидит, испытывает отвращение, находит подозрительным или нежелательным и др.

Пропаганда данной организации и других радикальных джихадистских организаций эксплуатирует наклеивание на врагов ярлыков сиониста, либо пособников сионизма, антизападные и антихристианские настроение, которые они старательно поддерживают своей пропагандой. Используются аргументативные средства вербального, визуального и деятельного характера. Цель заключается в том, чтобы утвердить адресата воздействия в том,

 $^{^4}$ Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством РФ террористическими.

что сионисты, «крестоносцы», «империалисты» желают лишить мусульман их веры, культуры, земель и имущества путем прямого насилия или подкупом. Саид Кутб создал идеологию противостояния «мира ислама» и «мира джахилии» (иудео-христианский мир). Эта идеология широко используется пропагандистами радикального джихадизма.

Примеры:

- 1) «Те общественности, которые считают себя мусульманскими на самом деле входят в число общественностей неверия, погрузившихся во тьму невежества. Причина этого в том, что они признали божествами других помимо Аллаха». «Весь мир в наше время живет в джахилии, подобно той, в которой появился Ислам. Все что вокруг нас является джахилией» [Заблуждения Саид Кутба].
- 2) «После длительного анализа деятельности движения «аль-Ихван аль-Муслимун» («Братья – мусульмане»⁵) и сравнения его с первым исламским движением, мне стало ясно, что сегодня это движение лицом к лицу сталкивается с ситуацией, похожей на ту, что господствовала в человеческом обществе, когда зарождался ислам. Люди далеки не только от исламского шариатского порядка, но и от мусульманских ценностей и нравственности. Сегодня существуют сильные сионистские и христианские империалистические лагеря, которые изо всех сил борются против распространения ислама и пытаются его уничтожить посредством различных строев и диверсионной деятельности. Они плетут интриги и отдают директивы, направленные на достижение поставленных перед ними целей. А в это время исламские движения охвачены мелкой политической борьбой местного значения за договора и пожертвования, соперничеством на выборах или же травлей одних партий против других. Они стремятся прийти к власти, чтобы установить исламский шариатский по-

⁵ Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

рядок, в то время как большая часть общества не имеет представлений об исламских вероубеждениях и нравах и не болеет за них душой. Поэтому исламские движения должны начинать строить свою деятельность с фундамента: возрождать в сердцах и умах людей исламские вероубеждения и воспитывать тех, кто отвечает на призыв и принимает эти правильные мусульманские представления, в здоровом исламском духе. Мы не должны терять времени, увлекаясь событиями, происходящими в политическом мире, и не должны пытаться установить исламский порядок посредством прихода к власти, пока само мусульманское общество, познавшее ислам и желающее жить по его законам, не станет требовать этого исламского порядка. Достижение исламского порядка и утверждение законов Аллаха – неблизкая цель, потому что это невозможно до тех пор, пока само общество или добрая его часть, способная повлиять на ход событий, не вернется к правильным исламским вероубеждениям, а затем уже к исламскому порядку и здоровому мусульманскому воспитанию, основанному на мусульманской нравственности. Каким бы затяжным ни был этот этап и сколько бы времени он ни занял, мы должны ждать».

3) «Эти обстоятельства побудили меня начать работать с каждым молодым мусульманином и действовать в этом направлении очень медленно и осторожно, дабы разъяснить им, как важно изучить исламскую идеологию в ее истинном свете до того, как начать вникать в детали исламского законодательства и порядка. Мы не должны расходовать свои силы в локальных политических движениях, существующих в современном мусульманском мире, а должны беречь их для воспитания как можно большего числа молодых мусульман в здоровом исламском духе. Затем мы, естественно, должны перейти к следующему шагу и начать формировать мусульманскую основу в самом обществе, потому что в наши дни человеческое общество, включая и мусульманские страны, очень похоже на то, что существовало в эпоху появления ислама, или даже подобно ему. Тогда ислам в первую очередь начал исправлять вероубеждения людей и их

нравственность, а не законы и строй. Сегодня активисты исламского движения и проповедники должны начинать с тех же отправных точек, с которых начинался ислам, и следовать тем же путем, учитывая лишь некоторые изменившиеся обстоятельства» [Саид Кутба о сподвижниках].

Теория 6. Ложный флаг (фальшивый флаг, фальшивые цвета). Классическая провокация — тайные операции, осуществляемые с целью убедить общественность в том, что эти операции проводятся другими организациями или государствами.

Пример: 19 марта 2013 года в районе Алеппо был применён химический боезаряд, после чего по просьбе правительства Сирии была создана комиссия при ООН по расследованию инцидента во главе с Оке Селстромом. Всего в ООН до августа 2013 года поступило 13 докладов о применении химического оружия, однако были ли это различные случаи, не установлено. Комиссия Селстрома прибыла в Сирию для расследования 18 августа 2013 года

Европарламент на пленарной сессии 12 сентября 2013 года в Страсбурге принял резолюцию по ситуации в Сирии, в документе говорится: «...по информации из различных источников, именно сирийские власти ответственны за применение химоружия». «Применение химического оружия в Сирии является военным преступлением и преступлением против человечности. В этой связи необходимо принять четкие, сильные и точно направленные совместные меры, не исключая мер по устрашению» [Эксперт].

На одной из ракет были элементы маркировки на кириллице: «Г ИШ4 25-67-179К». По словам директора Центра анализа стратегий и технологий Руслана Пухова, это 140-мм реактивный снаряд от советской РСЗО БМ-14-17 образца 1952 года. «Цифра 179, дважды встречающаяся на снаряде, — это номер завода 179 — Новосибирского завода «Сибсельмаш», одного из основных в СССР производителей неуправляемых реактивных снарядов различных типов. А индекс «4-67-179» расшифровывается как «4-я партия 1967 года выпуска, завод №179», сказал Пухов. По словам Пухова, «РСЗО БМ-14-17 у сирийцев давно сняты с вооружения, да и снаряды серии М-14 к ним давно вылежали все предельные сроки

хранения». Пухов считает, что использовать столь старые вооружения могли скорее повстанцы, чем сирийские власти, у которых есть возможность применять более современные установки «Град» [Эксперт].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Абу Бакр аль-Багдади. Islamic State leader Abu Bakr al-Baghdadi addresses Muslims in Mosul // The Telegraph. July 5, 2014. URL: https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/iraq/10948480/Isla mic-State-leader-Abu-Bakr-al-Baghdadi-addresses-Muslims-in-Mosul.html (дата обращения: 10.03.2022).

Абу Бакр Наджи. Идарат аль-Тавахаш (Управление жестокостью). 2004.

Заблуждения Сайд Кутба, и слова учёных о нём. URL: https://asar-forum.com/viewtopic.php?t=558 (дата обращения: 10.03.2022).

Об ошибках Саид Кутба и его обвинение пророка Мусу и сподвижников. URL: https://kavkaz-muslima.forum2x2.ru/t1079-topic (дата обращения: 10.03.2022).

Саид Кутба о сподвижниках. URL: https://youloy-ruslan. livejournal.com/134838.html (дата обращения: 10.03.2022).

Эксперт: Дамаск вряд ли применял снаряды, найденные инспекторами ООН. РИА Новости. 17.09.2013. URL: https://ria.ru/20130917/963749026.html

Денисенко Петр Александрович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теологии, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия; pd15331533@yandex.ru

Denisenko Petr A., Doctor of Philosophical Sciences, professor, Head of Theology Department, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

УДК 297

ПРЕВРАЩЕННЫЕ ФОРМЫ ИСЛАМСКИХ ФЕНОМЕНОВ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

М.Я. Яхьяев

В статье раскрывается суть превращенных форм ислама, когда исламские феномены, такие, как джихад, шахидизм, под влиянием средств массовой информации, некоторых представителей научного сообщества, теряют изначальный смысл и приобретают политизированные трактовки в качестве идеологической основы экстремизма и терроризма.

Ключевые слова: Ислам, экстремизм, терроризм, идеология, превращенные формы, джихад, шахидизм, исламское мученичество.

TRANSFORMED FORMS OF ISLAMIC PHENOMENA AS AN IDEOLOGICAL BASIS OF EXTREMISM AND TERRORISM

M. Ya. Yakhyaev

The article reveals the essence of the converted forms of Islam, when Islamic phenomena such as jihad, shahidism, under the influence of the media, some representatives of the scientific community, lose their original meaning and acquire politicized interpretations as the ideological basis of extremism and terrorism.

Keywords: Islam, extremism, terrorism, ideology, transformed forms, jihad, shahidism, islamic martyrdom.

Глубинная сущность исламских феноменов находит свое адекватное внешнее проявление в самых многообразных формах и разновидностях. Однако в современном мире все большее распространение получают превращенные формы их существования,

в которых религиозная природа искажается до неузнаваемости, но которые продолжают существовать и восприниматься в общественном сознании как исламские явления. И такие превращенные формы представляются заинтересованными социальными субъектами как проявления исламской религии, именем ислама обосновываются и оправдываются различные проявления международного экстремизма и терроризма.

Отличительной чертой превращенных форм социальных явлений оказывается объективное устранение изначальных содержательных моментов, их замещение иным, трансформированным контентом. Исходное содержание в них сохраняется лишь в «снятом», деформировано виде, оно вытесняется новым, искажающим внутреннюю природу явления содержанием. Результатом такой модификации становится отдельное существование превращенных форм, игрющих роль самостоятельного механизма религиозных и социально-политических процессов.

Иначе говоря, главной отличительной особенностью превращенной формы является такая трансформация породившего ее содержания, которая приводит к возникновению принципиально иного феномена, существенно отличающегося от того, на базе которого он сформировался. И такая новая косвенная фигурация существует как вполне самостоятельный, отделенный в пространстве и времени предмет. В своем бытии превращенная форма — это такой же абсурд, как и жареный логарифм, но, в отличие от последнего, она существует как часть нашей реальности.

Превращенная форма исламского феномена — это форма существования исламского явления, в котором подлинно исламское содержание вытеснено и искажено до неузнаваемости. В ней исходные, собственно исламские звенья «сжаты» в особое состояние, породившее новое качество, новую, не связанную с исламом действительность. И что значительно хуже, все эти превращенные формы религиозных явлений продолжают представляться и восприниматься общественным сознанием как исключительно исламские феномены. Говоря по-другому, главной особенностью превращенных форм исламских феноменов становится обретение ими такой «содержательной» и функциональной роли, которая основана на искажении, деформации, вытеснении собственно ис-

ламского содержания. Но усилиями настроенных против ислама аналитиков, отдельных политических и религиозных деятелей, средств массовой информации и даже представителей религиоведческого сообщества, превращенные формы с завидным упорством представляются как собственно исламские феномены.

К наиболее распространенным в современном мире превращенным формам исламских явлений можно отнести «джихадизм», «шахидизм», «женский шахидизм», «подростковый шахидизм», «исламское мученичество», «исламизм», «халифат», «исламский экстремизм», «исламский терроризм» и пр. Научнотеоретический анализ подобных превращенных форм наглядно показывает то, что их глубинная религиозная сущность трансформирована и искажена до степени полной утери в них исламского содержания и смысла. Но в силу того, что они возникли на основе конкретных исламских явлений и сохраняют свое внешнее сходство с исламом, они продолжают представляться оппонентами религии и отражаются в массовом сознании не иначе как исключительно исламские явления.

Уважаемые участники конференции, регламент не позволяет мне представить вам детальный анализ всех этих превращенных форм исламских феноменов, без чего боюсь остаться не понятым многими. Поэтому я постараюсь с отсылками на свои же работы, в которых представлен их подробный анализ, рассмотреть отдельные аспекты некоторых превращенных форм исламских феноменов.

Начну с джихада, превращенная форма которого раскрыта нами в моей работе. Именно джихад сегодня оказался тем исламским явлением, с обращением к которому исламская религия чаще всего компрометируется, демонизируется и делегитимируется в глазах современников, которым методично насаждается образ неопрятно обросшего волосами мусульманина-фанатика с автоматом Калашникова наперевес, обвешанного СВУ и жаждущего уничтожить всех, кто не согласен с ним [Яхьяев М.Я., Яхьяев А.М.: 81–95].

О джихаде как исламском феномене, его истоках и природе, разновидностях и исторической эволюции написано и сказано многими авторитетными исследователями, мыслящими как в рели-

гиозной, так и в светской парадигмах. Значительно меньше сказано о джихаде и джихадизме как превращенных формах ислама.

В своей превращенной форме джихад предстает шестым столпом ислама, призывом к перманентной вооруженной борьбе, которую должны вести мусульмане против всех неверных, вероотступников и лицемеров. Такая трансформация джихада осуществляется путем выхолащивания его глубинной сущности, замещения всего его внутреннего богатства одним гипертрофированным аспектом, выдаваемым за целое. Вот ссылка на слова Йозефа Шахта, которые дают понимание джихада как превращенной формы исламского явления: Джихад является «священной войной исламской страны против неисламских, которая направлена на постоянное расширение границ до тех пор, пока весь мир не станет мусульманским, и все не будет находиться под властью ислама» [Шахт: 139].

На основе превращения джихада в «стремление грабить, забирать в плен, убивать врагов», его представления как «агрессивного средства насаждения религии» целенаправленно создается образ ислама как религии «огня и меча» [Добаев: 193].

Именно превращенная форма джихада закладывается в основу джихадизма как экстремистской идеологии, обосновывающей и оправдывающей от имени ислама необходимость использования насильственных террористических средств для достижения военно-политических целей далеких от религии, но объявляемых исключительно исламскими. Против такого превращения выступают многие авторитетные теологи, в частности, Харун Яхья, который пишет об изображении джихада оправданием любого насилия и средством достижения военно-политических целей как о «величайшей несправедливости и искажении истины» [Харун Яхья: 36].

Подлинная суть исламского джихада состоит в сосредоточении сознания, воли, желаний, усилий как отдельного верующего, так и всей мусульманской уммы в целом на укреплении веры в Аллаха, на защите и распространении этой веры, приведении личной и общественной жизни в соответствие с нормами и требованиями ислама. Из такого понимания проистекает и высшая цель джихада, о которой В.Х. Акаев пишет: «Это борьба против

людских пороков, путь духовного совершенствования верующего, через который должно достигаться совершенство мусульманского социума» [Акаев: 437].

Еще одной превращенной формой исламского феномена, которая нацелена на оправдание от имени ислама многообразных проявлений экстремизма и терроризма предстает шахидизм, в котором суть шахидства трансформируется и искажается до неузнаваемости. Те, кто интересуется подробностями этой проблемы, могут ознакомиться с нашей статьей «Шахидство в исламе и шахидизм в современном мире» [Яхьяев 2021]. Здесь же я только отмечу, что суть шахидства обнаруживается в том, что шахидом ислама может быть объявлен лишь тот мусульманин, который на пути джихада как средства укрепления веры в Единого Аллаха в себе и других людях уже обменял свою земную жизнь на вечное существование.

Имеющее широкое хождение в современном мире представление шахидов как террористов-смертников, обвешанных взрывчатыми веществами, не что иное, как следствие превращения исламского феномена в идеологическое и военно-политическое явление. Об этом пишут многие, в частности, В. Акаев: «Шахидизм – не столько религиозный, сколько политический феномен. Шахид – мусульманин, принявший мученическую смерть, защищая веру, насильственно убитый или погибший в ходе сражения против врага, напавшего на его родину» [Акаев: 439].

Образчик придания шахидству превращенной формы мы видим в статье В. Френкеля, где можно прочитать: «В исламе мученик — шахид — это тот, кто убил наибольшее количество «неверных» ценой самоубийства (причем убитые им невиновные люди не считаются мучениками, они же просто собаки, с точки зрения ислама)» [Френкель: 127]. Подобные «заклятые друзья» ислама пишут о шахидах, готовящих террористические атаки, о пойманных и осужденных шахидах, о террористах-шахидах, взорвавших себя и т.п. Говоря о террористах-самоубийцах как о шахидах ислама, они рассуждают о колоссальном росте статуса шахида внутри групповой иерархии, обретении им высочайшего общественного и религиозного одобрения.

В своей превращенной форме шахид оказывается головорезом-смертником. И это при том, что живой человек в исламе не может считаться шахидом, так как шахидство это статус, приобретаемый мусульманином лишь после смерти, и то если мусульманин пал, защищая свою веру, родину, семью, честь и т.д. Тогда какое отношение к исламу имеют «шахиды», живущие среди людей, образующие «батальоны религиозных смертников», готовящие и осуществляющие самоубийственные террористические атаки и пр.? Да абсолютно никакого, но, тем не менее, шахидизм как превращенная форма исламского шахидства с завидным упорством выставляется всякого рода проводниками терроризма как исключительно исламское явление.

В такой же превращенной форме зачастую изображается и исламское мученичество, приводящее, по сути, к отождествлению мученичества с шахидством и как следствие, объявлению каждого, кто принимает мучительную смерть в самых разных жизненных обстоятельствах мучениками джихада, притом однобоко трактуемого как вооруженная борьба мусульман против всего остального мира.

С подробным анализом мученичества в исламе вы можете ознакомиться в нашей статье «Феномен мученичества в исламе» [Яхьяев 2022]. Представленный в ней анализ показывает, что в исламской религии, в силу ряда особенностей вероучения и обстоятельств утверждения ислама, не сложилось восприятия мученичества аналогичного христианскому, в ней нет и культа поклонения святым-мученикам веры. Но для вдохновителей терроризма это не становится препятствием. Придавая исламскому мученичеству превращенную форму, они объясняют и оправдывают суицидальное поведение террористов, объявляемых ими же мучениками ислама.

Анализ первых проявлений мученичества мусульман (Жизнь и смерть Сумайи бинт Хуббат, убийство трех посланцев Мухаммада, которые были отправлены из Медины к племени хузайма и пр.) обнаруживает то, что оно является особенной формой исламского служения, проявляющейся в жертвенном характере поведения ве-

рующего, находящегося в ожидании райского вознаграждения за стойкое и безропотное перенесение всех лишений, которые он терпит от врагов своей веры. Исламское мученичество предстает индивидуальной позицией мусульманина, оказавшегося в конкретных жизненных условиях, угрожающих ему смертью. Мученик не желает смерти ни себе, ни другим, но если он не видит возможности жить в своей вере, со своими убеждениями и ценностями, то проявляет готовность принять смерть от рук врага.

Для понимания сути мученичества в исламе значимо и то, что оно не связано с джихадом как вооруженной борьбой за веру. Мученичество в исламе утвердилось исключительно как пассивное проявление индивидуальной приверженности вере. Оно отличается от шахидства еще и тем, что мученичество является статусом, которым мусульманин наделяется его единоверцами, в то время как шахидство — это посмертный статус мусульманина, которым он наделяется Творцом в загробном пристанище. В загробном мире мученичества нет места ни для шахидов, ни для принявших мучительную смерть, так как все они становятся обитателями Рая, хотя и разных его уровней. Мученическое существование в вечной жизни уготовлено лишь вероотступникам, лицемерам, многобожникам, всем тем, кто предопределен к пребыванию в Аду.

В своей превращенной форме исламское мученичество оказывается приравненным к шахидству: «Шахидизм по своей сути – это известный всем религиям феномен влечения к мученичеству» [Мамхегов: 940]. Одновременно с этим и шахидство сводится к стремлению к смерти: мученики в исламе приносят в жертву свою жизнь в борьбе с неверными, на благо общины [Gullickson].

Для таких авторов не значимо то, что ислам допускает не стремление, а всего лишь готовность мусульманина к смерти, но и то исключительно как последнее средство сохранения веры. Мученик ислама не желает смерти ни себе, ни своим единоверцам, но он проявляет готовность уйти из жизни в таких конкретных условиях, когда последним средством сохранения себя в вере оказывается принятие смерти от своих гонителей. Именно поэто-

му любое принуждение верующего к самопожертвованию, подавление его разума и воли с помощью психотропных средств, НЛП, иных способов и приемов воздействия на верующего не превращает самоубийцу в мученика ислама.

Еще раз замечу, что мученичество является особым прижизненным психофизическим состоянием личности, которая находится в окружении врагов его религии, и которая подвергается ими всевозможным истязаниям и лишениям. От мученичества принципиально отличается состояние суицидально ориентированной личности, которая добровольно или под внешним принуждением выбирает смерть себе и другим. Индивидуальные психические переживания личности, ориентированной на совершение террористического акта, имеют мало общего с переживаниями искренне верующей личности, находящейся в руках врагов его религии. Поэтому самоубийство в исламе предстает не религиозно мотивированным выбором, а кратковременным актом, совершаемым слабовольной личностью, неважно, добровольно или принудительно. В суицидальном акте террориста, как бы в его психику не вбивали представление о его поступке как высшей форме служения Богу, нет и не может быть ничего от религиозного мученичества, поэтому самоубийца в исламе не считается мучеником веры. Только придание исламскому мученичеству превращенной формы и позволяет вождям-вдохновителям терроризма представлять суицидальное поведение отдельного верующего как активное участие в джихаде, путь к шахидству или мученичество в вере.

В заключение доклада отмечу, что всем нам крайне важно понимание того, что в превращенных формах исламских феноменов новое, нерелигиозное качество приобретает самостоятельное существование, которое не просто отличается от исходного, но которое в социальной реальности существует вне связи с исходной сущностью. Глубинное исламское содержание в них трансформировано в иной, внеисламский контент, существующий вполне объективно, дискретно и самостоятельно. Именно поэтому все возможные превращенные формы исламских феноменов

должны быть подвергнуты последовательному анализу и квалифицированы как антиисламские или квазиисламские, то есть не просто потерявшие исламское содержание, предельно исказившие исходную сущность, но приобретшие новое, отличное от исламского, нерелигиозное содержание и качество.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Акаев В.Х. Суфизм в контексте арабо-мусульманской культуры. Грозный: ГУП «Книжное издательство». 2020.

Добаев И.П. Экстремистские неправительственные религиознополитические организации как средство геополитики исламского мира // Философия права. 2002. \mathbb{N} 2. С. 193.

Мамхегов Э.З. Терроризм и ислам: общественные явления современного мира // Bulletin of Medical Internet Conferences. 2016. Volume 6. Issue 5. C. 940.

Харун Яхья. Ислам проклинает террор. Астана, 2002.

Френкель В. Под тенью ислама // Россия и мусульманский мир. 2003. № 8. С. 118–141.

Schacht J. İslam Hukukuna Giriş (Шахт Й. Введение в исламское право) / пер. Мехмет Даг, Абдулкадир Шенер. Анкара, 1977.

Яхьяев М.Я., Яхьяев А.М. Феномен джихада в исламе // Исламоведение. 2020. № 4. С. 81–95.

Яхьяев М.Я., Феномен мученичества в исламе // Исламоведение. 2022. № 2. С. 67–83.

Яхьяев М.Я. Шахидство в исламе и шахидизм в современном мире // Исламоведение. 2021. № 2. С. 19–33.

Gullickson Gay L. Emily Wilding Davison: Secular Martyr // Social Research. 2008, vol. 75, no. 2. P. 461–484.

Яхьяев Мухтар Яхьяевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социально-политических наук, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия; muchtar59@mail.ru

Yakhyaev Mukhtar Ya., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy and Socio-Political Sciences, Dagestan State University, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia.

УДК 297+37.035

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО КРИЗИСА МОЛОДЕЖИ

И.И. Гайнутдинов

Выступление посвящено проблемам духовно-нравственного воспитания молодежи в сложных современных геополитических условиях. Обосновывается важность выработки идеологии, доктрины и стратегии общей согласованной деятельности таких институтов общества как Государство, Школа, Церковь и Семья по гражданскому и духовно-нравственному воспитанию молодежи в современных реалиях, чтобы каждый названный выше институт с присущими ему формами и методами работы мог полнее и эффективнее реализовать свой потенциал на основе взаимопонимания, сотрудничества и ответственности.

Ключевые слова: ислам, религиозные организации, государство, молодежь, духовно-нравственное воспитание.

INTERACTION OF THE STATE AND RELIGIOUS ORGANIZATIONS AS A FACTOR OF OVERCOMING THE SPIRITUAL AND MORAL CRISIS OF YOUTH

I.I. Gaynutdinov

The speech is devoted to the problems of spiritual and moral education of young people in difficult modern geopolitical conditions. The importance of developing an ideology, doctrine and strategy for the overall coordinated activity of such institutions of society as the State, School, Church and Family on civil and spiritual and moral education of young people in modern realities is substantiated, so that each institution named above with its inherent forms and methods of work can be more fully and efficiently realize their potential on the basis of mutual understanding, cooperation and responsibility.

Keywords: Islam, religious organizations, State, youth, spiritual and moral education

Духовное собрание мусульман России в своей повседневной деятельности неизменно уделяет большое внимание укреплению веры, утверждению исламских и культурных ценностей в мировоззрении молодежи, ее образованию, просвещению и воспитанию, на полноценную социализацию в современных условиях. В рамках этих задач осуществляется постоянное взаимодействие с федеральными органами государственной власти и Правительством Москвы.

Эксперты неоднократно отмечают, что нам нужны идеология, доктрина и стратегия общей согласованной деятельности таких институтов общества как Государство, Школа, Церковь и Семья по гражданскому и духовно-нравственному воспитанию молодежи в современных реалиях, чтобы каждый названный выше институт с присущими ему формами и методами работы мог полнее и эффективнее реализовать свой потенциал на основе взаимопонимания, сотрудничества и ответственности.

Такой взгляд позволит координировать наши усилия в масштабе всей страны на единой институциональной, стратегической, теоретико-методологической и методической основе, достигнуть позитивного результата. Для этого нужны изменения и дополнения в законодательстве, концептуально-программные стратегические документы нового поколения по молодежной политике, принятые с участием основных институтов общества и религиозных организаций.

Такое сотрудничество будет способствовать преодолению имеющейся отстраненности молодежи, вовлечению молодого человека в решение актуальных современных проблем, укрепляет духовно-нравственную мотивацию его деятельности, способствует его гражданскому становлению, укрепляет связь поколений и сплоченность общества.

Роль религиозных организаций в охране духовного здоровья, нравственности наших молодых, наших юных сограждан, вне всякого сомнения, очень высока. Истоки общественной морали — в религиозных традициях народов нашей страны, в их гуманистической направленности. Идеалы гражданского мира, взаимодействия людей разных культур, взаимодействия по вопросам защиты страны, патриотизма, создания нормальной, полноцен-

ной, крепкой семьи, честного труда, сострадания к ближнему – они веками утверждались на нашей земле подвижниками всех конфессий.

Религиозные организации вместе с государством могут многое сделать для того, чтобы не допустить духовного упадка и распространения негативных настроений в молодежной среде. Молодёжь должна верить и в себя, и в возможности государства.

Для полноценного сотрудничества государства и религиозных объединений в выработке основ молодёжной политики сегодня созданы хорошие условия: и нормативные, и организационные, и политические. На федеральном уровне и в большинстве регионов действуют соответствующие консультативные органы, общественные советы, реализуются различные программы.

Но сегодня самый главный и самый важный для молодежи информационный и коммуникационный канал — всемирная сеть Интернет. Кроме действительно необходимой информации Интернет несет в себе и всевозможные формы подчинения себе — информационно, интеллектуально, морально и духовно.

Все это приводит к тому, что у молодых людей, быстро теряющих традиционные ориентиры из-за мощнейшего потока информации, самоидентичность нередко формируется на основе откровенно ложных понятий и установок. И в таких условиях, например, мусульманская молодежь, иногда, становится «разменной монетой» для радикалов и экстремистов. Здесь самое главное – говорить с молодежью на понятном им языке, и на их территории – в информационном поле сети Интернет.

Необходимо активнее вовлекать молодежь как участников в общественные, социальные, культурные и политические процессы, происходящие в Российской Федерации. Наладить взаимный диалог между молодежью и государством. Вносить в исполнительные, законодательные и представительные органы государственной и муниципальной власти свои предложения по совершенствованию механизмов межрелигиозного диалога и межнационального взаимодействия.

Мы, как религиозные деятели, глубоко убеждены в том, что лишь в режиме диалога и конструктивного сотрудничества, координации усилий государства, основных институтов общества мы

достигнем целей гражданского и духовно-нравственного воспитания молодежи.

Гайнутдинов Ильнур Исмагилович, помощник Главы Духовного собрания мусульман России, имам-хатыб Московского муфтията, г. Москва, Россия; gulistan-60@mail.ru

Gaynutdinov Ilnur I., Assistant to the Head of the Spiritual Assembly of Muslims of Russia, Imam-Khatib of the Moscow Muftiate, Moscow, Russia

УДК 297

ОПЫТ МОНИТОРИНГА ПО АНАЛИЗУ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ РОССИЙСКОЙ УММЫ И ИСЛАМСКОГО РАДИКАЛИЗМА В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.Ю. Хабутдинов

В статье мы анализируем опыт проведения ситуационного анализа / мониторинга российской уммы в рамках Казанского Международного научного форума «Ислам в мультикультурном мире» в 2015-2022 гг. В этот период в российской умме произошли значительные события: от стабилизации середины 2010-х гг. до эпидемии ковида и специальной военной операции (СВО) Вооруженных Сил РФ. В географическом плане мониторинг первоначально концентрировался на регионах Приволжского федерального округа, так как Казанский федеральный университет является федеральным университетом ПФО, и на Крыме, который в 2014 г. был включен в состав России. В дальнейшем к ним добавились прежде всего столицы Москвы, Санкт-Петербург и их агломерации, а также регионы Северного Кавказа. Проблематика докладов включает в себя анализ мусульманского образования; идейных течений и тенденций среди мусульман (включая радикальные); межэтнических и межконфессиональных отношений; организационных структур (Духовные управления мусульман) и состава духовенства; социальной и политической деятельности духовенства и (или) религиозных лидерств; деятельности мусульманских СМИ и освещение деятельности мусульман в СМИ.

Ключевые слова: ситуационный анализ, мониторинг, российская умма, специальная военная операция, исламский радикализм, Казанский федеральный университет.

MONITORING EXPERIENCE ON THE ANALYSIS OF THE CURRENT STATE OF THE RUSSIAN UMMAH AND ISLAMIC RADICALISM IN THE SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION

A. Yu. Khabutdinov

In the article we analyze the experience of conducting situational analysis / monitoring of the Russian Ummah in the framework of the Kazan International Scientific Forum «Islam in a multicultural World» in 2015–2022. During this period, significant events took place in the Russian Ummah: from the stabilization of the mid-2010s to the Covid epidemic and the special military operation. Geographically, the monitoring initially focused on the regions of the Volga Federal District, since Kazan Federal University is a federal university of this District, and on the Crimea, which in 2014 was incorporated into Russia. The capitals of Moscow, St. Petersburg and their agglomerations, as well as the regions of the North Caucasus were added to them. The topics of the reports include an analysis of Muslim education; ideological trends and trends among Muslims (including radical ones); interethnic and interfaith relations; organizational structures (Muslim Spiritual administrations) and the composition of the clergy; social and political activities of the clergy and (or) religious leadership; activities of Muslim media and coverage of Muslim activities in the media.

Keywords: situational analysis, monitoring, Russian Ummah, special military operation, Islamic radicalism, Kazan Federal University.

В данной статье мы анализируем опыт проведения ситуационного анализа / мониторинга российской уммы в рамках Казанского Международного научного форума «Ислам в мультикультурном мире» в 2015–2022 гг. Само двойное название: «Современное состояние российской уммы» (памяти Е.М. Примакова)» / «Исламский радикализм в субъектах РФ» (памяти Е.М. Примако-

ва)» говорит о двух основных изучаемых проблемах: собственно о состоянии российской уммы и о радикальных течениях в этих регионах. Несмотря на достаточно короткий срок и количество мероприятий (восемь) они стали достаточно репрезентативными, так как включили в себя анализ ситуации уммы в период от присоединения Крымского полуострова к России в 2014 г. до СВО, начавшейся 22 февраля 2022 г., включительно.

Сама идея такого рода мониторинга имеет два основных источника. Во-первых, участие автора этих строк в исследовательском проекте «Ранее предупреждение и управление этническими конфликтами в процессе социально-политической трансформации России через общественный диалог и образование», организованном Международным общественным организационным центром стратегических и политических исследований в 2000-2001 гг. В рамках этого проекта в 1999-2001 гг. выходил бюллетень «Конфликт – диалог – сотрудничество. [Конфликт – диалог - сотрудничество]. Руководителями проекта и редакторами бюллетеня выступили: И.Д. Звягельская (ныне член-корреспондент РАН, руководитель центра ближневосточных исследований ИМЭМО РАН), В.В. Наумкин (ныне академик РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН). В качестве объектов стали Кабардино-Балкария, Краснодарский край Республика Татарстан Бурятия и Москва. В этом проекте была дана попытка связать анализ этнических и этнорелигиозных процессов, поэтому важную роль в нем сыграли не только этнологи, но исламоведы и специалисты по истории Ислама в России.

Вторым опытом стало участие автора в ситуационном анализе «Ислам в России: угрозы радикализации», организованном Центром ситуационного анализа (ЦСА) Российской Академии Наук и прошедшем под личным председательством выдающегося российского политика и ученого Е.М. Примакова [Эксперты ЦСА РАН]. Непосредственную организацию этого ситуационного анализа осуществлял А.К. Аликберов (ныне директор Института востоковедения РАН). В рамках этого ситуационного анализа были разработаны ряд предложений, большинство из которых остались нереализованными. Возможно поэтому идея ситуационного анализа (который требует выработки практических прогно-

зов), доминировавшая в 2015 г., в настоящее время сменяется идеей мониторинга, для понимания реальной ситуации на местах в ее ежегодной динамике.

В целом, всем участникам проекта хотелось бы выразить благодарность руководству Казанского (Приволжского) федерального университета и лично директору Института международных отношений (ИМО КФУ) Р.Р. Хайрутдинову за помощь и поддержку в организации мониторинга как мероприятия в рамках Международного научного форума «Ислам в мультикультурном мире» в 2015–2022 гг.

Вначале обозначим список исследуемых регионов. Поскольку КФУ является федеральным университетом Приволжского федерального округа, то в 2015 г. географически доклады охватывали ряд регионов Приволжского федерального округа и Крымский полуостров. Из регионов ПФО был выбран треугольник трех крупнейших центров татарской мусульманской городской цивилизации в Новое время: Казани, Уфы и Оренбурга, которые в настоящее время являются центрами Республики Татарстан, Республики Башкортостан и Оренбургской области, соответственно. Из регионов Прикамья присутствовал Пермский край с его тысячелетней историей мусульманской городской цивилизации. Из поволжских областей, где среди татар исторически преобладают татары-мишари, были представлены Нижегородская и Саратовская области (где на востоке области существует значительная казахская община), а также Республика Мордовия.

Необходимо отметить, что в целом к середине 2010-х гг. в российской умме произошла стабилизация по сравнению с началом 2010-х гг., не говоря уже о 1990-х гг., когда насилие охватило многие регионы Северного Кавказа. Несмотря на успехи ИГИЛ (организация запрещена в РФ) вплоть до 2016 г., в Волго-Уральском регионе в середине 2010-х гг. мы не видим актов убийств, совершенных экстремистами. Проявления радикального салафизма в РБ и РТ [Ислам в мультикультурном мире 2016: 43–44, 126] в 2015 г. свелись к видеороликам с экстремистскими призывами. В целом, данная тенденция сохранится и на начало 2020-х гг.

Принципиально важным событием было вхождение в 2014 г. Крымского полуострова в состав России, когда центральные власти в 2014 г. стремились использовать опыт татар Волго-Уральского региона в лице президента РТ Р.Н. Минниханова и председателя ДУМ РФ Равиль-хазрата Гайнутдина в выстраивании отношений с крымскими татарами, включая руководство ДУМ Крыма (сейчас ДУМ Крыма и Севастополя). [Ислам в мультикультурном мире 2016: 225].

Проблематика докладов, включала в себя анализ мусульманского образования и форм мусульманского просвещения; идейных течений и тенденций среди мусульман (включая радикальные); межэтнических и межконфессиональных отношений в регионах России; организационные структуры (Духовные управления мусульман) и состава духовенства; социальной и политической деятельности духовенства и (или) религиозных лидерств; деятельность мусульманских СМИ и освещение деятельности мусульман в СМИ.

В целом, уже в середине 2010-х гг. мы видим, что общероссийские тенденции централизации затронули структуры Духовных управлений мусульман. К середине 2010-х гг. наряду с созданием общероссийского ДУМ РФ мы видим, что в большинстве регионов, исследованных в 2015 г., существуют одно (РТ, Нижегородская, Оренбургская и Саратовская области) или два (Башкортостан, Пермский край, Крым) Духовных управлений мусульман. Исключением здесь являлась Мордовия с ее тремя Духовными управлениями мусульман.

В 2016 г. была осуществлена попытка дать анализ ситуации в нескольких федеральных округах [Ислам в мультикультурном мире 2017]. В Приволжском федеральном округе был дан анализ ситуации в шести регионах: Республика Мордовия, Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Нижегородская, Оренбургская и Саратовская области. На основе исследований А.Н. Старостина была дана картина процессов в мусульманском сообществе Уральского Федерального Округа; Сибирского и Дальневосточного Федеральных Округов в 2016 г., где основное внимание уделялось конфликтам и радикальным течениям. Наряду с Крымом был предложен анализ ситуации в других регионах Южного Федерального округа, включая Астраханскую область и Республику Адыгея, была дана краткая сводка эволюции исламского

радикализма на Северном Кавказе, где в середине 2010-х гг. основной опасностью являлся «Кавказский эмират» («Имарат Кавказ», организация, запрещенная в РФ), чьи лидеры присягнули ИГИЛ.

В 2017 г. деление на регионы по федеральным округам сохранилось. В Приволжском федеральном округе был дан анализ ситуации в тех же шести регионах. Однако, как и в 2016 г. по РБ были проанализированы только джамааты. Так в 2016 г. статья Ю.М. Юсупова и А.Т. Бердина называлась «Просуфийские джамааты в контексте внутриконфессионального конфликта», статья за 2017 г. уже только А.Т. Бердина «Просалафитские джамааты в Республике Башкортостан по материалам мониторинга внутриконфессиональной конфликтности». А.Н. Старостин проанализировал процессы в мусульманском сообществе Уральского Федерального Округа в 2017 г. Среди южных регионов вновь был дан анализ мусульманской общины Крыма (Э.С. Муратова) и Астраханской области (М.М. Имашева). Исследование Северного Кавказа было поделено между анализом на Северо-Восточном Кавказе в 2017 г. и на Северо-Западном Кавказе в 2014-2017 гг. [Ислам в мультикультурном мире 2018].

С 2018 г. сборники мониторинга перестали выходить, что связано с целым рядом организационных вопросов, главным из которых, по нашему мнению, является перенос программы по подготовке специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама целиком в религиозные вузы. Несмотря на это, Казанский международный научный форум «Ислам в мультикультурном мире» продолжил свою деятельность и в последующие годы.

В 2018 г. среди регионов Приволжского федерального округа были традиционно проанализированы РТ, РБ, Мордовия и Нижегородская область. При этом была сделана попытка исследовать сразу три региона Волго-Сурского междуречья: Республику Мордовия, Пензенскую и Ульяновскую области, которые отличаются наличием сразу нескольких муфтиятов, которые ориентируются на ДУМ РФ, ЦДУМ и ДСМР. По РБ Ю.М. Юсупов вновь остановился на частной проблеме, в этот раз на исследовании специфики функционирования неформальных религиозных со-

обществ в Республике Башкортостан. В ходе мониторинга был дан анализ ситуации в Астраханской области, Уральском федеральном округе, Северном Кавказе и Крыму. Впервые широко обсуждалась ситуация как в регионах, отправляющих внутренних мигрантов (прежде всего Северный Кавказ), так и принимающих (УрФО, прежде всего в лице многосоставной Тюменской области; Москва и Московская область; Санкт-Петербург и Ленинградская область. В итоге, возникла дискуссия о том какой регион: отправляющий или принимающий должен нести ответственность за радикальные действия мигрантов.

ІХ Международный форум «Ислам в мультикультурном мире» прошел 26–27 сентября 2019 г. Среди регионов ПФО были традиционно представлены Республика Татарстан, Нижегородская, Оренбургская и Саратовская области. В ходе мониторинга был дан анализ ситуации в Астраханской области; Уральском федеральном округе; на Северном Кавказе (была впервые отдельно выделена Ингушетия); в Крыму; Центральном Федеральному округе (прежде всего на примере Москвы); Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

X Международный форум «Ислам в мультикультурном мире» прошел 3 декабря 2020 г. в зуме, что было ожидаемо в связи с эпидемией коронавируса. Наконец-то был дан целостный анализ ситуации в Республике Башкортостан представителем данного субъекта РФ в лице З.Р. Хабибуллиной. Социальная проблематика наряду с нарастающей централизацией и самоизоляцией стали ключевыми при обсуждении итогов первого года эпидемии. На мониторинге были традиционно представлены пять субъектов ПФО: РБ, РТ, Мордовия, Оренбургская и Саратовская области. Среди других регионов был дан анализ ситуации в Дальневосточном федеральном округе; Республике Крым и Севастополе; Астраханской области; Республике Ингушетия; на Северо-Восточном Кавказе; Северо-Западном Кавказе; в Центральном Федеральном округа (прежде всего на примере Москвы); Санкт-Петербурге и Ленинградской области. В качестве эксперимента был дан анализ ситуации в Республике Узбекистан, где наиболее интересным было влияние исламского фактора в политике, прежле всего внешней.

Мониторинг, прошедший 15 октября 2021 г., имел примерно сходный список участников. По регионам ПФО речь шла о РБ, РТ, Мордовии, Оренбургской и Саратовской областях. Из других регионов можно отметить Крым; Астраханскую область; Центральный Федеральный округ; Санкт-Петербург и Ленинградскую область; Северо-Западный Кавказ; Республику Дагестан.

На Мониторинге, состоявшемся 29 сентября 2022 г., большое внимание было уделено регионам Северного Кавказа, были сделаны отдельные доклады по Республике Дагестан, Карачаево-Черкесской республике, Республике Ингушетия, Чеченской Республике, Республике Северная Осетия — Алания, Республике Адыгея. На мониторинге были традиционно представлены шесть субъектов ПФО: РБ, РТ, Мордовия, Оренбургская, Нижегородская и Саратовская области. Среди других регионов были Центральный Федеральный округ; Санкт-Петербург и Ленинградская область.

Мониторинг проходил в стране, где уже восьмой месяц шла Специальная военная операция Вооруженных Сил РФ на Украине (СВО). Практически накануне была объявлена частичная мобилизация. В своем докладе профессор Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова, доктор исторических наук А.Б. Осмаев остановился на специальном обращении муфтия Чечни Салаха Межиева 27 февраля 2022 г. к чеченскому народу по поводу событий на Украине: «В своем обращении муфтий заявил, что те, кто поехал воевать на Украину, «пошли на джихад»... «Поэтому те, кто там воюет, они воюют ради Корана, ради Аллаха, ради того, чтобы эта грязь не распространилась у нас. Они на джихаде, в этом нет никаких сомнений».

Старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета, кандидат исторических наук Д.Н. Денисов рассказал о деятельности духовенства ЦДУМ, включая председателя Регионального Духовного управления мусульман Оренбургской области (РДУ-МОО) в ведении ЦДУМ России муфтия Альфит-хазрата Шарипова, в поддержку СВО, начиная с 25 февраля 2022 г.

Научный сотрудник Института этнологических исследований Уфимского Научного Центра РАН, кандидат исторических наук 3.Р. Хабибуллина указала на то, что муфтии ДУМ РБ и ЦДУМ России не пропустили ни одного митинга сторонников СВО, называя ее богоугодным делом. При этом 22 сентября 2022 г. председатель ЦДУМ муфтий Талгат-хазрат Таджуддин высказался о поддержке частичной мобилизации, объявленной в России, выступая на пленарном заседании по случаю торжеств, связанных с 1100-летием принятия ислама Волжской Булгарией [В Уфе Верховный муфтий].

Таким образом, на основе анализа восьми мониторингов (2015–2022 гг.) можно прийти к следующим выводам:

- 1. Мониторинг вначале рассматривался как продолжение ситуационного анализа «Ислам в России: угрозы радикализации», организованного Центром ситуационного анализа (ЦСА) РАН (2012), прошедшего под научным руководством и личным председательством академика РАН Е.М. Примакова. Однако поскольку данный проект не получил развития и практического воплощения, то и проект «Исламский радикализм в субъектах РФ» (памяти Е.М. Примакова)» превратился в экспертную площадку для обсуждения ситуации в мусульманской умме, прежде всего в Европейской части России;
- 2. Начавшийся в 2015 г. в стенах КФУ мониторинг получил географическую привязку к Приволжскому федеральному округу, поскольку КФУ является федеральным университетом для ПФО. В течение всех этих лет мониторинг старается сохранить свой фокус в ПФО на Республике Татарстан, Республике Башкортостан и Оренбургской области. Во-первых, здесь речь идет о треугольнике трех крупнейших центров татарской мусульманской городской цивилизации региона в Новое время: Казани, Уфы и Оренбурга. Во-вторых, именно в этих трех субъектах мы видим наиболее значительные по численности мусульманские общины в ПФО;
- 3. С 2015 г. во всех мониторингах, кроме последнего, давался анализ развития мусульманской общины Крымского полуострова, который вошел в состав РФ в 2014 г. Как исторически (как минимум со времен Казанского и Крымского ханств), так и в последние годы между мусульманами Волго-Уральского регионов и

Крыма существуют многочисленные связи в религиозной сфере, включая религиозное образование;

- 4. С конца 2010-х гг. важной темой обсуждения становятся контакты между мусульманами южных, с одной стороны, и северных и центральных районов РФ, с другой стороны. В связи с массовой миграцией мусульман Северного Кавказа в Поволжье, Приуралье, Сибирь, Центральную Россию и на Северо-Запад радикально меняется тип отношений между так называемой «поволжской» уммой, где традиционно доминируют татары, и «кавказской» уммой, где ключевую роль играют представители чеченцев и горских народов Дагестана. Поэтому на мониторинге 2022 г. мы максимально постарались устроить диалог между специалистами из регионов условно «Север» и «Юга» России;
- 5. Эпидемия ковида радикально изменила образ жизни и практики мусульманского сообщества России, но намного более радикальными стали изменения, которые принесла СВО, начавшаяся 24 февраля 2022 г. Поскольку мониторинг 2022 г. прошел в самом конце сентября, то специалистам удалось обсудить изменения в риторике и деятельности как всероссийских, так и региональных централизованных Духовных управлений мусульман на протяжении 7 месяцев. Наиболее явным выражением такой позиции являются благотворительные акции под лозунгом «Za мир во всем мире», высказывания муфтиев и Советов улемов ДУМов в поддержку СВО и против властей Украины и стран НАТО. Военные имамы начинают появляться в так называемых добровольческих батальонах, сформированных в Республике Башкортостан и Республике Татарстан;
- 6. При общем процессе централизации в России, в том числе и действий по объединению в рамках всероссийских централизованных религиозных организаций (ЦРО) Духовных управлений мусульман мы видим, что региональные муфтияты, особенно в республиках в составе РФ, сохраняют свою самостоятельность как отдельные ЦРО. Это касается как Республики Татарстан и Республики Башкортостан, так и Духовных управлений мусульман республик Северного Кавказа.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

В Уфе Верховный муфтий России Талгат Таджуддин высказался о поддержке частичной мобилизации. 22 сентября 2022 г. URL: https://gtrk.tv/novosti/284815-ufe-verhovnyy-muftiy-rossii-talgat-tadzhuddin-vyskazalsya-podderzhke-chastichnoy (дата обращения: 26.09.2022).

Ислам в мультикультурном мире. 5-й Казанский международный научный форум. Казань, 5–6 ноября 2015 г.: материалы ситуационного анализа «Современное состояние российской уммы» (памяти Е.М. Примакова) / Под ред. И.Р. Гафурова, В.В. Наумкина, Р.Р. Хайрутдинова, А.Ю. Хабутдинова. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2016.

Ислам в мультикультурном мире: межконфессиональное согласие и преодоление радикализма. VI Казанский международный научный форум (Казань, 17–18 декабря 2016 г.): материалы мониторинга «Исламские радикальные движения и преодоление радикализма в современном мире (памяти Е.М. Примакова)» / Под ред. И.Р. Гафурова, В.В. Наумкина, Р.Р. Хайрутдинова, А.Ю. Хабутдинова. Казань: изд-во Казанского ун-та, 2017.

Ислам в мультикультурном мире: межконфессиональное согласие и преодоление радикализма. VII Казанский международный научный форум (Казань, 8–11 ноября 2017 г.). Исламский радикализм в субъектах РФ (памяти Е.М. Примакова): материалы мониторинга состояния мусульманской общины России / Сост. А.Ю. Хабутдинов; под ред. И.Р. Гафурова, В.В. Наумкина, Р.Р. Хайрутдинова и др. Казань: изд-во Казанского ун-та, 2018.

Конфликт – диалог – сотрудничество = Conflict – dialogue – cooperation: бюллетень / Междунар. обществ. орг. Центр стратег. и полит. исслед. М.: [б.и.], 1999–2001. № 1–8.

Эксперты ЦСА РАН проанализировали перспективы ислама в РФ. URL: https://rg.ru/2012/04/04/islam.html (дата обращения: 16.11.2021).

Хабутдинов Айдар Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия; профессор кафедры истории Татарстана Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия; aikhabutdinov@mail.ru

Khabutdinov Aidar Yu., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Kazan Branch of the Russian State University of Justice; Professor of the Department of History of Tatarstan of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

УДК 322.2+323.17

КОНФЛИКТОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ В СОВРЕМЕННОМ МУСУЛЬМАНСКОМ СООБЩЕСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН⁶

Б.Г. Ахметкаримов

Разнообразие религиозной практики становится характерной чертой социально-психологического портрета мусульманского сообщества Республики Татарстан в начале третьего десятилетия XXI века. Сохранение мира и баланса в духовной жизни региона в большей степени зависит от состояния ряда факторов. В данной статье приведен анализ факторов конфликтогенности в современном мусульманском сообществе Республики Татарстан в проблемном поле исследований политической идентичности. Почему и каким образом мусульманская религия в Республике Татарстан все чаще проявляется как инструмент, направленный на достижение большего самоопределения, свободы, устранение несправедливости для религиозных групп, используется для форми-

⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-011-31642 «Риски радикализации коренных мусульманских сообществ в поликонфессиональном регионе России: факторы, закономерности, механизмы». The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-011-31642.

рования политических претензий, обретение групповой самобытности и признания? Результаты проведенного опроса в рамках исследования указывают на необходимость более глубокого изучения и понимания взаимосвязи между проявлениями религиозной идентичности мусульман и их положением как национальных меньшинств. Более того, подчеркнуты значимость отношения официального духовенства к вопросу религиозного плюрализма в регионе, уровень религиозного образования мусульманского сообщества и влияние интернета.

Ключевые слова: Республика Татарстан, ислам, факторы конфликтогенности.

CONFLICTOGENIC FACTORS IN A CONTEMPORARY MUSLIM COMMUNITY OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

B.G. Akhmetkarimov

The diversity of religious practice is becoming a characteristic feature of the socio-psychological portrait of the Muslim community of the Republic of Tatarstan at the beginning of the third decade of the 21st century. Preservation of peace and balance in the spiritual life of the region largely depends on the state of a number of factors. This article provides an analysis of the factors of conflict in the modern Muslim community of the Republic of Tatarstan in the problematic field of research on political identity. Why and how is the Muslim religion in the Republic of Tatarstan increasingly manifested as a tool aimed at achieving greater self-determination, freedom, eliminating injustice for religious groups, used to form political claims, gain group identity and recognition? The results of the survey conducted as part of the study indicate the need for a deeper study and understanding of the relationship between the manifestations of the religious identity of Muslims and their status as national minorities. Moreover, the significance of the attitude of the official clergy to the issue of religious pluralism in the region, the level of religious education of the Muslim community and the influence of the Internet are emphasized.

Keywords: Republic of Tatarstan, Islam, conflictogenic factors.

Мусульманское сообщество Республики Татарстан и его состояние остаются объектом пристального внимания специалистов из разных областей науки с момента выявления феномена возрождения религиозной жизни в постсоветской России и продолжают привлекать исследовательский интерес по мере роста религиозного самосознания населения. Тем не менее, несмотря на богатую историографию темы, остается много вопросов, связанных с анализом мусульманского сообщества Татарстана с позиций конфликтологии. В данной статье приведен анализ факторов конфликтогенности в современном мусульманском сообществе Республики Татарстан в проблемном поле исследований политической идентичности.

Почему и каким образом мусульманская религия в Республике Татарстан все чаще проявляется как инструмент, направленный на достижение большего самоопределения, свободы, устранение несправедливости для религиозных групп, используется для формирования политических претензий, обретение групповой самобытности и признания?

Российская и зарубежная научная литература на тему религиозной конфликтогенности указывает на ряд факторов, среди которых выделяются возросшее расслоение населения по критериям материального достатка и усиление миграционных потоков [Fox; Henne, Klocek; Козлов, Шахматова]. Несмотря на присутствие обоих факторов, в Республике Татарстан подавляющее большинство населения, судя по мнению опрошенных жителей региона в ходе данного исследования, за последние годы не участвовали и не наблюдали конфликтных ситуаций, вызванных этнорелигиозными разногласиями. Тем не менее, для той части населения, которая признает наличие религиозных разногласий в конфликтных ситуациях, проблема постепенно становится существенно острой, на что указывает анализ статистики упоминаний о конфликтных ситуациях в регионе в тематических каналах социальных сетей.

Из анализа общего содержания ряда популярных среди практикующих мусульман страниц в социальных сетях⁷ данная статья выделяет три группы факторов, которые оказывают влияние на формирование напряженности как результат социального взаимодействия светского общества и мусульманских религиозных групп, включающих свою систему отношений и групповые интересы. Эти факторы указывают на существование определенных рисков для сохранения устойчивого состояния социальной структуры в республике и современного российского общества.

Итоги исследования социальных сетей и анкетирования, проведенного в мусульманских приходах и мечетях региона, в среде практикующих мусульман и лидеров мусульманского общественного мнения указывают на то, что культура и религия коренных мусульман в Татарстане носят глубоко смешанный характер. В своих публикациях на цифровых площадках и ответах на вопросы анкеты респонденты отмечают сужение пространства для национального самоопределения во втором десятилетии 21 века. На этом фоне наблюдается рост религиозного самосознания. Причиной такому явлению указываются два обстоятельства: 1) истечение срока исполнения договора «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий» между федеральным центром и Республикой Татарстан в 2017 году и 2) факт того, что изучение татарского языка стало добровольным с сокращением количества часов, отведенным для его освоения [История договорных].

В условиях, когда политические светские элиты остаются ограничены рядом сдерживающих обстоятельств и должны действовать в рамках федерального законодательства, духовное управ-

⁷ Телеграм – 1. Мулла из-за-угла (Расул Тавдиряков); 2. Исламисть; 3. "Иснад" – онлайн медресе; 4. Алиф-тв; 5. Аг-гаd; 6. Религия сегодня/Islam; 7. Шариатские вопросы; 8. Телеграм канал Камиля Хазрата Самигуллина (kamilhazrat); 9. al-Futuwwa. Инстаграм – 1. Шариатские вопросы (#шариатскиевопросы); 2. Инстароман – Моя сестра салафитка (#моясестрасалафитка); 3. Голос Ислама (#голосислама); 4. Мин татарча сойлэшэм (#минтатарчасойлэшэм). Информационно-новостной портал – Голос ислама.ru (Дмитрий Хамза Черноморченко).

ление республики выступило с рядом инициатив, опираясь на светский характер государственного строя. Во-первых, духовенство выступило с инициативой проведения пятничных проповедей на татарском языке. Во-вторых, духовным управлением было предложена организация и проведение курсов по изучению татарского языка при мечетях [В БФ «Закят»]. В одних кругах это укрепило авторитет ДУМ РТ как главного актора в мусульманском сообществе республики. В других кругах инициативы официального духовенства воспринялись как очередная попытка укрепить в самосознании мусульман понятие «традиционный ислам» в его узкой трактовке.

Доминантный статус официального духовенства в республике действительно вызывает определенное беспокойство у некоторых групп верующих. С одной стороны духовенство сделало большие шаги в сторону суфистских тарикатов. Так, с приходом к должности Муфтия Камиля Хазрата Самигуллина, было сделано многое, чтобы включить суфистские течения (Кадирия, Шазилийя, Накшбандийя-Халидийя, Хакканийя, Топбашия, Хусайнийя, Мухаммадийя) в категорию «традиционного ислама». Тем не менее, несмотря на попытки расширить зону легитимного присутствия на религиозном пространстве для подобных групп, ДУМ РТ продолжает встречать противодействие со стороны маргинальных религиозных образований. В борьбе за лояльность единоверцев продолжают участвовать последователи запрещенных в России группировок (Хизбут-Тахрир, Таблиги Джамаат, Ат-такфир ва Хижра, Файзрахманисты). Подключение к вопросу правоохранительных органов с целью обеспечения безопасности общества придает некоторым исламским группам образ мучеников, который в свою очередь тоже порождает волну противоречий. Часто любое внешнее воздействие трактуется как попытка войти в сакральное пространство религиозных братств.

Применение современных технологий связи, значимость которых стала особо заметной в период пандемии, связанной с распространением новой коронавирусной инфекции, тоже вскрыло наличие рядя противоречий в мусульманской умме республики. В условиях отсутствия или наличия ограниченного контакта с местными религиозными авторитетами на передовые планы на-

чали выходить цифровые источники информации и виртуальные/интернет имамы. На современном этапе активно распространяются интернет страницы с религиозным содержанием и отдельные сообщества в популярных социальных сетях. Исследователи указывают на наличие более чем 400 активных мусульманских сайтов к 2019 году [Сафиуллина-Ибрагимова]. Популярностью пользуются интернет-имамы, трактовка ислама у которых может не просто разниться с Ханафитским мазхабом и акыдой матуридитов, но и вовсе вести в уникальных направлениях.

Подводя итоги, следует отметить, что разнообразие религиозной практики становится характерной чертой социальнопсихологического портрета подрастающего поколения мусульман Республики Татарстан. Сохранение мира и баланса в духовной жизни региона в большей степени становится зависимым от решения ряда вопросов и факторов. Во-первых, это положение и статус национальных меньшинств. Чем меньше возможностей у группы национально-религиозного меньшинства выразить национальную идентичность через существующие светские институты, тем выше вероятность возникновения напряженности на религиозной почве. Во-вторых, важно отношение официального духовенства к вопросу религиозного плюрализма в регионе. Доминантный статус духовного управления может сохраняться в меру его возможности отображать взгляды и интересы большинства верующих. Тем не менее, для предотвращения конфликтных ситуаций необходим более широкий охват возможных интерпретаций религиозной догматики. В-третьих, это влияние Интернета. В современных условиях не представляется возможным изоляция общества от внешних информационных потоков. Риски возникновения конфликтов в определенной доле связаны с уровнем религиозного образования мусульманского сообщества региона. Эпизодические познания о вероучении ислама часто приводят к выбору незаконных методов выражения своей позиции. В совокупности с общей социально-гуманитарной обстановкой в регионе и воздействием иных причин и обстоятельств, вышеперечисленные факторы способны указать на возможные риски возникновения очагов опасных явлений, связанных с этно-религиозными разногласиями, на территории Республики Татарстан.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

В БФ «Закят» ДУМ РТ стартовали уроки татарского языка для подопечных / Общественная организация Республики Татарстан «Исполком Всемирного конгресса татар». URL: http://tatar-congress.org/ru/blog/topnews/v-bf-zakyat-dum-rt-startovali-uroki-tatarskogo-yazyka-dlya-podopechnyh/ (дата обращения: 17.01.2021).

История договорных отношений Кремля и Татарстана, «Коммерсанть» от 11.07.2017, История договорных отношений Кремля и Татарстана. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3351733 (дата обращения: 17.01.2021).

Как не родной. Изучение татарского языка окончательно станет добровольным? // Еженедельник «Аргументы и Факты» № 17. АиФ-Татарстан 25.04.2018. URL: https://kazan.aif.ru/society/details/kak_ne_rodnoy_tatarskiy_yazyk_okonchatelno_stanet_dobrovolnym (дата обращения: 17.01.2021).

Козлов В.А., Шахматова Н.В. Факторы национальной и религиозной конфликтогенности в Саратовском регионе // Материалы V Международной научно-практической конференции Дыльновские чтения «Социальные инновации в жизни россиян: тенденции и парадоксы». Саратов: Издво «Саратовский источник», 2018. С. 118—122. URL: https://elib.pnzgu.ru/files/eb/6v4R3AFkPnw.pdf (дата обращения: 17.01.2021).

Сафиуллина-Ибрагимова Р.Р. Что проповедуют «Шейх-google» и «Фейсбук-муфтий»? (Теологические вопросы в мусульманской блогосфере и мобильных приложениях). ІХ Международный Форум «Ислам в мультикультурном мире: ислам в Евразии: Адаптация и интеграция мусульманских сообществ». Казань, 26–27 сентября 2019 г. (рукопись).

Henne P.S., Klocek J. Taming the gods: How religious conflict shapes state repression // Journal of Conflict Resolution. 2019. T. 63, №. 1. P. 112–138.

Fox J. Towards a Dynamic theory of Ethno-Religious Conflict // Nations and Nationalism. 1999. T. 5, №. 4. P. 431–463.

Ахметкаримов Булат Гумарбаевич, доктор философских наук, доцент кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия; BGAhmetkarimov@kpfu.ru

Akhmetkarimov Bulat G., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations, World Politics and Diplomacy of the Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

УДК 297

ПРАКТИКИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ В РЕЛИГИОЗНЫХ СООБЩЕСТВАХ НА ПРИМЕРЕ ТАТАРСТАНА

И.А. Мухаметзарипов

В Республике Татарстан часть верующих прибегает к помощи религиозных посредников (священнослужителей, специалистов с религиозным образованием, авторитетных единоверцев и др.) для урегулирования межличностных конфликтов в сфере брачно-семейных, имущественных, предпринимательских и иных отношений. Результаты социологического опроса, проведенного в 2020–2021 гг., свидетельствуют о том, что мусульмане чаще христиан используют религиозные институты, что объясняется как особенностями исламской нормативной системы, так и структурой мусульманских объединений, спецификой связей между религиозными профессионалами и населением. Казыи (шариатские судьи) Татарстана, образованные и опытные мусульманские бизнесмены востребованы в качестве медиаторов и арбитров по широкому спектру вопросов: заключение и расторжение религиозных браков, примирение супругов, раздел наследства, возврат долга, выполнение договорных обязательств и др.

Ключевые слова: мусульмане, христиане, урегулирование споров, медиация, арбитраж, казыят Татарстана.

DISPUTE RESOLUTION PRACTICES IN RELIGIOUS SOCIETIES ON THE EXAMPLE OF TATARSTAN

I.A. Mukhametzaripov

Some believers in the Republic of Tatarstan resort to the help of religious moderators (clergymen, specialists with religious education, authoritative believers, etc.) to resolve interpersonal conflicts in the field of matrimonial, property, business and other relations. The results of a sociological survey conducted in 2020–2021 indicate that Muslims use religious institutions more often than Christians, which is explained both by the peculiarities of the Islamic regulatory system and the structure of Muslim associations, the specifics of relations between religious professionals and the population. Qadis (Sharia judges) of Tatarstan, educated and experienced Muslim businessmen are in demand as mediators and arbitrators on a wide range of issues: religious marriage and divorce, marital reconciliation, distribution of inheritance, debt repayment, fulfillment of contractual obligations, etc.

Keywords: Muslims, Christians, dispute resolution, mediation, arbitration, qadiyat of Tatarstan.

Разрешение конфликтных ситуаций между верующими входит в число важнейших задач религиозных сообществ, обеспечивая их устойчивое функционирование и повышая статус религиозных лидеров, даже в условиях индустриализированной урбанизированной среды, когда часть населения, несмотря на общее снижение религиозности, обращается к традиционным нормативно-регулятивным механизмам. В Республике Татарстан урегулированием разногласий согласно нормам шариата, занимаются имамы и казыи Духовного управления мусульман РТ (как правило, их деятельность охватывает брачно-семейные и наследственные дела), специалисты с шариатским образованием (специализирующиеся, в основном, на спорах между предпринимателями). Церковные епархиальные суды Татарстанской митрополии Русской православной церкви рассматривают дела о церковных правонарушениях в отношении клириков, а также в отношении мирян, относящихся к разряду церковно-должностных лиц, и монашествующих. При сравнении нормативных систем ислама и православного христианства выделим следующие моменты:

- 1) предписания шариата многочисленны и охватывают разнообразные аспекты жизни верующих, тогда как в христианстве сферы применения церковных норм исторически ограничивались из-за расширения масштабов правового регулирования государства, постепенно сведя соблюдение канонов лишь к общим принципам и обрядам. Вследствие этого в исламе больше расхождений между светскими законами и религиозными нормами, чем в православии;
- 2) компетенция нормативной системы у представителей этнической группы в исламе может быть ограниченной из-за необходимости владения арабским языком для чтения первоисточников, что затруднительно для многих неарабоязычных мусульман, тогда как в православии освоение норм может быть выше в силу их меньшего числа и большей доступности первоисточников на русском языке;
- 3) применение норм ислама в неарабоязычной среде требует наличия не только духовенства, но и широкого круга специалистов по шариату, способных разъяснить верующим содержание и смысл норм, соотнести их с народными обычаями и светскими законами. В православии объяснение христианских принципов, обрядовых вопросов и ограниченного числа церковных норм повседневной жизни возложено преимущественно на духовенство. В исламском учении отсутствует «церковная» иерархия, а религиозный авторитет определяется уровнем мусульманского образования, без необходимости прохождения дополнительных процедур посвящения в особую группу религиозных профессионалов. Вследствие этого урегулирование споров в исламе осуществляется широким кругом акторов (духовенством, шариатскими судьями, выбранными сторонами посредниками, медиаторами, арбитрами).

С целью выявления востребованности религиозных механизмов урегулирования конфликтов среди населения Татарстана, нами в 2020—2021 гг. был проведен социологический опрос среди жителей республики, результаты которого показали следующее:

- 1) мусульмане чаще христиан прибегали к помощи духовенства, единоверцев с глубоким знанием религии и авторитетных знакомых-верующих;
- 2) мусульмане показали большую осведомленность в своей среде об обращениях знакомых и родственников к авторитетным религиозным людям (включая представителей духовенства, специалистов-богословов, авторитетных верующих) для урегулирования конфликтов;
- 3) до половины респондентов-мусульман обращались по вопросам брака и развода, семейных отношений, раздела наследства, исполнения финансовых и иных обязательств, что почти в два раза превышает положительные ответы христиан;
- 3) больше половины опрошенных мусульман часто или регулярно обращались к религиозным авторитетам по вопросам исполнения религиозных обрядов, тогда как среди христиан таких выборов было около трети;
- 4) оценка эффективности деятельности и востребованности религиозных органов урегулирования конфликтов среди мусульман оказалась выше, чем среди христиан, ответы которых во многом напоминали ответы нерелигиозной группы;
- 5) выбор респондентами вариантов действий для истребования крупного денежного долга также продемонстрировал существенные различия в моделях поведения в зависимости от вероисповедания. Мусульмане показали большую склонность решать разногласия с привлечением авторитетного религиозного человека: религиозный посредник в той или иной форме (как промежуточный, догосударственный этап разрешения спора или как наивысший авторитет) оказался важен почти для половины опрошенных мусульман, тогда как у христиан это значение составило лишь 1/5 [Мухаметзарипов].

Поскольку мусульманские объединения, в отличие от православных церковных органов, активнее взаимодействуют с единоверцами в плане медиации и арбитража, то представляется целесообразным рассмотреть их подробнее. На территории Татарстана институт казыев прошел долгий путь трансформации. Так, в Волжской Булгарии и Казанском ханстве это были официальные государственные суды, в Российской империи — должностные лица Оренбургского Магометанского Духовного Собрания с судебно-контрольными функциями. В советский период роль мусульманских институтов была максимально нивелирована, но процессы религиозного возрождения конца 1980-х — начала 1990-х гг. привели к их постепенному восстановлению. Этому способствовало и изменившееся российское законодательство. Например, в Российской Федерации казыи действуют в пределах, установленных законами о свободе совести и о религиозных объединениях.

Официально казыи в Татарстане появились в 1995 г. Казыят ДУМ Татарстана состоит из главного казыя и 9 региональных казыев из числа наиболее образованных и опытных мухтасибов (старших имамов) районов, каждый из которых действует в пределах собственного казыятского округа. В казыятский округ включается 5—6 мухтасибатов, границы которых совпадают с административным делением республики. Насчитывается 9 казыятских округов: Столичный (г. Казань), Северный, Северо-Западный, Юго-Западный, Южный, Юго-Восточный, Восточный, Северо-Восточный, Прикамский.

Все казыи входят в состав Совета казыев – постоянно действующего коллегиального органа муфтията под председательством главного казыя, взаимодействующего с Советом улемов и Советом аксакалов ДУМ РТ. Полномочия Совета казыев включают: 1) проверку на соответствие нормам ислама уставов и положений мусульманских организаций и учреждений ДУМ РТ; 2) надзор за исполнением решений и постановлений ДУМ РТ; 3) контроль за толкованием норм ислама и деятельностью мухтасибов; 4) представление муфтию кандидатов на должности мухтасибов районов для утверждения в должности; 5) привлечение представителей духовенства к дисциплинарной ответственности за совершенные проступки; 6) инспекции и ревизии деятельности местных мусульманских организаций.

Основным регламентирующим документом выступают Основы проведения мусульманских обрядов имамами на территории Республики Татарстан (тат. «Нигезлэмэ»), принятые Советом улемов ДУМ РТ 17 января 2019 г. [Үзэклэшкэн дини оешма]. Данный документ представляет собой постатейный сборник пра-

вил, сгруппированных по тематическим разделам. Кроме обрядовых вопросов (намаз, похороны и поминки, пост, хадж и др.), в «Нигезлэмэ» есть главы о совершении брака и развода («никах», «талак»), проведении мусульманского арбитража по делам о расторжении брака, уплате алиментов («нафака»). Имамы должны руководствоваться указанными правилами, а казыи – осуществлять надзор за их соблюдением.

Кроме административных функций значительная часть работы казыев связана с урегулированием конфликтов. Большую часть обращений мусульман составляют брачно-семейные дела, в особенности соблюдение правил развода. Главный казый Татарстана Джалиль Фазлыев констатирует, что среди верующих республики число разводов составляет 50% от общего числа браков, причем существует тенденция к увеличению. Женщины обращаются чаще, чем мужчины. Как правило, причинами являются плохое обращение со стороны мужей, невыплата денег на содержание. Иногда мужья в эмоциональном порыве произносят троекратный талак, а затем пытаются исправить ситуацию [Хэкимова]. В таких случаях казыи стараются примирить супругов, дать время на обдумывание ситуации. При разбирательстве бракоразводных дел участвуют арбитры (мухаккимы), избираемые из числа членов комиссий по сохранению семей ДУМ РТ. Если попытки не увенчиваются успехом, казыи оформляют развод.

Сложными делами для казыев являются споры, возникающие с участием вторых жен в полигамном браке. Проблемы могут возникать как в отношении раздела совместно нажитого имущества, так и при наследовании после умершего мужа, поскольку брак со вторыми женами не регистрируется в органах ЗАГСа. Казыи выносят решение по шариату, стараясь обеспечить права второй жены, однако во избежание проблем ДУМ РТ рекомендует заключать особые договоры, в частности, ведется работа над формами договоров о никахе, в которых предусматриваются подобные вопросы [Зайни].

Рассмотрение дел начинается по добровольному согласию сторон. Сначала заявители обращаются к имаму. Если он не может решить вопрос самостоятельно, то направляет к мухтасибу района. Мухтасиб, в свою очередь, при необходимости рекомен-

дует обратиться к региональному казыю. Казый приглашает конфликтующие стороны к рассмотрению дела, оформляет вызовы (в том числе по почте), ведет протокол. Бракоразводные дела рассматриваются региональным казыем в первой инстанции. Если казый затрудняется с вынесением решения, то к работе приступает Совет казыев. Исполнение решения казыя — дело сугубо добровольное, все зависит от религиозности и интересов сторон.

Казыи выполняют функцию религиозных наставников не только в отношении духовенства, но и широкого круга верующих. Главный казый регулярно разъясняет, в каком размере и порядке должен выплачиваться махр (брачный дар невесте), рассказывает о правах и обязанностях супругов, особенностях поведения мусульман и членов их семей. Казыи контролируют проведение обряда имянаречения, занимаются составлением сборников мусульманских имен, рекомендуемых для новорожденных в семьях татар-мусульман [Гаделшина].

Поскольку нормы шариата затрагивают не только брачносемейные и наследственные вопросы, но и охватывают широкий спектр экономических отношений, к казыям часто обращаются предприниматели. Как правило, споры возникают у бизнеспартнеров, не оформляющих свою деятельность в документальной форме. Особенно сложными являются дела об определении финансовых и других обязанностей сторон, выполнении обязательств, выплате долгов.

Несмотря на общее снижение религиозности в современном обществе, количество обращений в казыят относительно велико. К примеру, в 2018 г. Совет казыев ДУМ РТ рассмотрел более 500 обращений и более 900 человек получили дистанционную консультацию. В день может быть 10–12 заявителей по брачносемейным вопросам [В Галиевской мечети]. Количество обращений к региональным казыям может исчисляться, по меньшей мере, несколькими тысячами в год. С 2019 г. действует консультативный центр «Даруль-ифта», работники которого с участием казыев в 2020 г. ответили на 10 тыс. обращений верующих [В 2020 году колл-центр]. За месяц шариатские специалисты ДУМ РТ отвечают примерно на 830 обращений, что составляет примерно 37 запросов в день.

Казыят ДУМ РТ сочетает в себе контрольные, консультативные, медиативные, арбитражные функции, востребованные не только духовенством и мусульманскими организациями, но и широким кругом верующих. При активном участии казыев и других специалистов по шариату происходит выработка моделей поведения, адекватных текущим социально-экономическим и политико-правовым реалиям. В мусульманском сообществе Татарстана шариатские нормы и институты адаптировались к современным условиям и органично вплелись в повседневную жизнь.

Урегулированием конфликтов между предпринимателями в Татарстане занимаются не только казыи, но и мусульманские арбитры, посредники, не относящиеся к системе муфтията. Например, при Ассоциации предпринимателей-мусульман РФ (АПМ РФ) действует мусульманский арбитраж по экономическим спорам. Свой орган медиации имеется у Центра развития исламской экономики и финансов (Казань), где религиозными медиаторами в сфере финансовых и имущественных отношений выступают шариатские эксперты, члены Совета по исламскому праву ЦРИ-ЭФ. Консалтинговая компания «Золотой сундук», объединившая специалистов по шариату Набережных Челнов и районов Закамья Татарстана, предлагает услуги по проведению арбитража (тахким). Подчеркнем, что арбитраж, решение споров являются дополнительной областью деятельности указанных специалистов, так как основными направлениями выступают оказание финансовых услуг мусульманам и ведение бизнеса по стандартам халяль, консультирование по нормам шариата в финансово-экономической сфере (включая уплату закята, раздел наследства и т.д.), проведение платных образовательных курсов. Они практически полностью сосредотачиваются на решении споров, возникающих в сфере исламского бизнеса (предпринимательство, сделки, а также связанные с ними трудовые отношения), затрагивая семейные отношения лишь в части консультирования по финансовым вопросам.

Более тесное взаимодействие с религиозными институтами в мусульманской среде Татарстана объясняется, на наш взгляд, следующим: 1) в исламе спектр религиозных норм, регулирующих социальные отношения, шире, чем в христианстве; 2) му-

сульмане чаще, чем христиане, сталкиваются с необходимостью соотнесения религиозных норм с повседневностью; 3) правильное соблюдение норм ислама невозможно без значительного числа специалистов по шариату, в особенности в неарабоязычной среде; 4) лица, обладающие глубокими познаниями в религии, но не обладающие формальным статусом священнослужителя, более востребованы и активны в мусульманской среде, нежели в христианской. В православном христианстве религиозные нормы охватывают лишь часть сфер жизни, ограничиваясь общими принципами, а не конкретными правилами, и религиозные профессионалы представлены преимущественно духовенством. Потребности в подробном разъяснении религиозных норм у христиан меньше, чем у мусульман, и нужды в религиозных специалистах не возникает, чему не способствует и церковная иерархия, направленная на выстраивание вертикальных, а не горизонтальных связей.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

В 2020 году колл-центр «Даруль-ифта» ДУМ РТ ответил на 10 000 обращений. URL: http://dumrt.ru/ru/news/news_25237.html (дата обращения: 30.12.2020).

В Галиевской мечети обсудили роль современной мусульманки в семье и умме. URL: http://dumrt.ru/ru/news/news_21769.html (дата обращения: 06.03.2019).

Зайни Р. Джалиль хазрат Фазлыев о работе казыята. URL: http://www.infoislam.ru/publ/mnenija/intervju/dzhalil_khazrat_fazlyev_o_ra bote_kazyjata/4-1-0-24817 (дата обращения: 17.06.2017).

Мухаметзарипов И.А., Гафиятуллина И.Р. Востребованность религиозных институтов урегулирования споров у мусульман и христиан Татарстана // Исламоведение. 2022. Т. 13. № 2 (52). С. 51–66.

Гаделшина Л. Жәлил хәзрәт Фазлыев: «Имамнар балага мәгънәсез исем кушудан баш тартырга хокуклы». URL: https://baltasi.tatarstan.ru/tat/index.htm/news/837706.htm (дата обращения: 06.02.2017).

Хәкимова Л. Татарстанның баш казые: Кыз балага арзанлы әйбер алып бирү — егет тарафыннан әдәпсезлек. URL: https://intertat.tatar/news/religion/25-03-2018/tatarstanny-bash-kazye-kyz-balaga-arzanly-yberalyp-bir-eget-tarafynnan-d-psezlek-4940966 (дата обращения: 25.03.2018).

Үзәкләшкән дини оешма – Татарстан Республикасы мөселманнары Диния нәзарәте имам-хатыйблары тарафыннан гыйбадәт кылулар һәм дини йолалар уздыру турында нигезләмә. Казан: Татарстан Республикасы мөселманнары Диния нәзарәте, 2019.

Мухаметзарипов Ильшат Амирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия; muhametzaripov@mail.ru

Mukhametzaripov Ilshat A., Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Center of Islamic Studies of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

УДК 316.6

КРИЗИСНАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ И МУСУЛЬМАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Р.Р. Сафиуллина-Ибрагимова

В статье рассматривается что происходит с людьми в ситуации специальной военной операции, когда многие испытывают состояние тревоги и паники. Уже даны разные характеристики и названия этому: «новая реальность», «режим новой неопределенности». В связи с тем, что психологические проблемы не обходят стороной и верующих, религиозные деятели должны владеть необходимыми психологическими знаниями, чтобы осуществлять первичную помощь в кризисных ситуациях. Как это проявляется в мусульманском сообществе, и как профессиональное психологическое сообщество реагирует на эти вызовы?

Ключевые слова: специальная военная операция, кризисная психология, ислам, мусульмане.

CRISIS PSYCHOLOGY DURING THE SPECIAL MILITARY OPERATION AND THE MUSLIM SOCIETY

R.R. Safiullina-Ibragimova

The article examines what happens to people in a situation of a special military operation, when many are covered by a state of anxiety and panic. Even after the onset of stabilization, however, many are familiar with this state – when the tedious waiting sometimes seems unbearable. Different characteristics and names have already been given to this: «new reality», «new uncertainty mode». Due to the fact that psychological problems do not bypass believers, religious figures should possess the necessary psychological knowledge to provide primary care in crisis situations. How it manifests itself in the Muslim community, and how the professional psychological community responds to these challenges?

Keywords: special military operation, crisis psychology, Islam, Muslims.

Новая реальность, официально называемая «период проведения специальной военной операции», началась для кого-то 24 февраля 2022 года, с начала объявления СВО, а для кого-то 20 сентября 2022 года, когда частичная мобилизация непосредственно коснулась сотни тысяч семей. Последние 30 лет граждане нашей страны не оказывались в такой ситуации. Как отмечают специалисты, ее можно сравнить по уровню стресса с развалом Союза [Кризисная психология]. В стране в первом полугодии на 87% больше, чем за тот же период прошлого года возросло потребление антидепрессантов [Ларина]. Результаты исследования, опубликованные 22 ноября 2022 года на сайте ВЦИОМ, показывают, что среди респондентов 25–34 лет желание записаться на приём к психологу возникает у каждого пятого среди молодежи [Опрос показал].

В состоянии турбулентности, в котором сейчас находится весь мир, кто-то закручивается в торнадо тревоги еще сильнее или ищет, на что опереться внутри себя, так как потеряны все внешние опоры стабильности. При всей кажущейся адекватности,

на самом деле человек проваливается не в лимбическую систему, а в состояние рептильного мозга, где три стратегии: бей, беги, замри, которые, при этом, не выбираются. На это еще накладывается сложносочиненный семейный опыт, трансгенерационные паттерны реагирования и выживания.

Несмотря на то, что ситуация с СВО и мобилизацией для большинства людей оказалась новой и незнакомой, в ней действуют общие закономерности по работе с тревогой, известные профессионалам, чьи компетенции и навыки высоко востребованы в этих условиях. Для того чтобы сложившаяся ситуация в мире и стране не пошатнула базовые человеческие потребности — потребность в безопасности, в доверии миру, в защищенности и в уверенности в будущем, и случившееся не стало психологической травмой, ведущей к утрате гумантарной составляющей, утрате ценностных и нравственных смыслов, именно грамотная организация кризисной психологической помощи чрезвычайно важна [Рассказова].

В связи с этим специалисты сейчас активно обсуждают и затрагивают тему военной операции, отмечая, что да, идет травматизация, что травму трогать не нужно лишний раз. Если дети более адаптивны, то у взрослых происходит заморозка, которую снимать в данных обстоятельствах не получается, и не нужно. И только поддерживающей терапией, используя разные методики, снимая эту остроту, возможно, подготавливать площадку, на которой, может, потом клиент будет готов прорабатывать травму, а может, и потом никогда не будет.

Чаще клиенты обращаются с тревогой, страхом, депрессией [Работодатели предложили]. На первом месте запрос потери смысла жизни. На втором месте – взрывные конфликты между близкими людьми. Академик А. Асмолов ввел термин «всероссийский невроз» – это когда потеряны ориентиры ради чего жить, куда двигаться и как жить. Наблюдаются ремиссии психоэмоциональных, психических расстройств.

В Казани существуют горячие линии и центры психологической помощи, где бесплатную помощь оказывают психологи с опытом работы в кризисных ситуациях 8 .

Если обратиться к рассылке пресс-службы ДУМ РТ, то ни с начала СВО, ни с начала мобилизации, в ней не обнаружена информация о кризисной психологической помощи. Объявляется о сборе средств в поддержку мобилизованных, которые отправляются в места их дислокации.

Состоя во многих чатах, в том числе и районных, деревенских, я наблюдаю, как люди из глубинки, в деревнях готовы отдавать последнее для отправки мобилизованным родным и близким, односельчанам, проявляя чудеса самоорганизации и сплоченности. Собирают продукты, одежду, медикаменты, военное снаряжение, плетут маскировочные сети. У каждой семьи, отправившей своих детей и близких на войну, линия фронта проходит по их домам.

Многие спасаются от внутренней тревоги, уходя в активную деятельность. Так, в Казанской Мечети Марджани инициатива женского актива мечети была поддержана имам-хатыйбом, и за две недели собрано несколько рам для плетения маскировочных сетей, сплетены и отправлены на фронт более 18 сетей.

В Благотворительном фонде «Каусар» существует «Женский клуб с психологом», проводятся занятия для детей по песочной терапии. Команды психологического центра 4life, состоящие из психологов-мусульман, провели несколько встреч, в том числе и в онлайн формате для нуждающихся. В связи с тем, что психоло-

⁸ Бесплатная психологическая помощь в Казани: Круглосуточная медицинская психологическая служба «Сердэш», Психологическая служба «Выбор», Городской психолого-педагогический центр «Ресурс», Кризисный центр «Дива», Служба экстренной психологической помощи по телефону МБУ МП Центр «Доверие», Служба психологической помощи «Утешение» Казанской епархии, Всероссийская горячая линия помощи мусульманам (от АППМ), Телефон доверия ДУМ РТ, Служба экстренной психологической помощи по телефону МБУ МП Центр «Доверие» (учредитель Исполком Казани) [Голубницкая].

гические проблемы не обходят стороной и верующих, религиозные деятели должны владеть необходимыми психологическими знаниями, чтобы осуществлять первичную помощь в кризисных ситуациях. Для этой цели Ассоциацией психологической помощи мусульманам было подготовлено и издано методическое пособие для мусульманских религиозных деятелей «Психологическая помощь в кризисных ситуациях» [Психологическая помощь]. Из 15 авторов учебного пособия — пятеро представители Татарстанского регионального отделения АППМ.

Уже существуют разработанная программа курса для обучения имамов и их помощников первичной помощью в кризисных ситуациях. Осталось согласовать эту программу курса с ДУМ РТ и начать обучение служителей исламского религиозного права и вероучения, если удастся прийти к согласованному видению.

Особую актуальность в нынешних условиях приобретает профилактика и помощь при вторичном травматическом стрессе (ВТС) для самих специалистов, оказывающих кризисную психологическую помощь. В связи с этим, чрезвычайно актуальны различные обучающие семинары для самих психологов по проведению групп самоподдержки, «Работа психолога в кризисных ситуациях» и другие. Подобные семинары уже организуются по линии Красного креста [Обучение волонтеров-психологов РКК]. Для психологической поддержки семей мобилизованных начал формироваться реестр психологов-добровольцев, готовых вести группы поддержки для родственников мобилизованных в районах Республики Татарстан.

В этих условиях следует учитывать активизацию синдрома наследуемого посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), которое присутствует практически у каждого жителя

⁹ ВТС – естественная последовательность поведения и эмоций, возникающих при узнавании о травматических событиях, участниками которых оказались значимые другие люди, а также стресс, возникающий при оказании помощи или желании оказать помощь травмированному или страдающему человеку. Вторичная травма может наступить внезапно, безо всякого предупреждения [Figley].

бывшего Советского Союза, который так и не получил должного осмысления. Следует отметить, что с синдромом ПТСР редко обращаются за помощью. Теоретически этим может заниматься служба психологической помощи МЧС (в первую очередь это касается техногенных, антропогенных катастроф). Но этого недостаточно и ожидается, что культура психологической помощи будет расти. Несмотря на то, что у нас в стране функционируют реабилитационные центры с профессиональными психологами и психотерапевтами для ветеранов боевых действий (Афганистан, Чечня, Украина), тем не менее, еще до нынешних событий они не могли справиться с тем количеством нуждающихся в квалифицированных реабилитационных услугах.

У любой травмы присутствует сама травма и контекст. В данном случае важно понимание именно контекста, а именно, как общество реагирует на этих людей. К сожалению, в большинстве случаев сил не хватило чтобы посмотреть им в глаза, сказать: «Да, я признаю, что это было, я готов выслушать тебя... Как ты это пережил? Как ты с этим жил?», постоять рядом. Если общество будет так реагировать на людей войны, то контекстуального травмирования будет меньше.

Опыт больших потрясений подтверждает, что ничего не обрушивается безвозвратно. Есть и другой, новый опыт — после этого потрясения, так как люди продолжают жить. Без формирования этого нового опыта есть опасность провалиться в катастрофическую картину. Другая проблема — этот личный опыт так же способен сформировать новую иллюзорную картину.

Как правило, в кризисной ситуации человек переживает примерно 9–12 дней шока, 40 дней протекает процесс Кюблера-Росса, потом перерабатывание этого шокового опыта. После этого уже данный шок/травма превращается в инструмент. Формируются соответствующие отделы коры головного мозга, которые способствуют тому, чтобы справиться с этим. От точек соприкосновения каждый выстраивает какую-то компромиссную систему решений.

При этом имеют место быть разные точки зрения. Самое правильное быть с единомышленниками в безопасной среде, но при этом идти с уважением к оппонентам, с целью услышать другую точку зрения и предъявить свою, но не с целью переубедить, а увидеть точки соприкосновения.

Как правило, война заканчивается, когда все уже устали. И неизбежно такой момент наступает. И всем придется договариваться, уважать друг друга, вместе что-то делать. Построение мирной жизни строится на соучастии, консенсусе, и здесь велика роль, как светских, так и религиозных организаций.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Голубницкая А. Когда не вывозишь сам: куда обратиться за бесплатной психологической помощью в Казани. URL: https://116.ru/text/health/2022/03/09/70495187/ (дата обращения: 20.03.2022).

Кризисная психология в период CBO. Консультирует Анастасия Зубкова. URL: https://e-news.su/mnenie-i-analitika/423008-krizisnaja-psihologija-v-period-svo-konsultiruet-anastasija-zubkova.html (дата обращения: 15.10.2022).

Ларина А. Спрос на антидепрессанты в России вырос на 66% // Коммерсант. 06.07.2022. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5447930 (дата обращения: 24.11.2022).

Обучение волонтеров-психологов РКК. URL: https://vk.com/public214100558 (дата обращения: 12.11.2022).

Опрос показал, что россияне стали больше нуждаться в психологической помощи // Независимая газета. 22.11.2022. URL: https://www.ng.ru/health/2022-11-22/8_8596_news4.html (дата обращения: 22.11.2022).

Психологическая помощь в кризисных ситуациях: методическое пособие для мусульманских религиозных деятелей / Под ред. О.С. Павловой, С.Ю. Зязина, Н.Ю. Бариевой. М.: Ассоциация психологической помощи мусульманам — АНО Научно-просветительский и культурный Центр «Умеренность и созидание», 2022.

Работодатели предложили предоставлять демобилизованным психолога и коуча. URL: https://www.rbc.ru/society/28/11/2022 /638104569a7947687889b3dc?ysclid=ldfylvf81e513218293 (дата обращения: 28.11.2022)

Рассказова Н. Психолог рассказала о том, как частичная мобилизация повлияла на систему семейных ценностей. URL: https://stribuna.ru/articles/video-report/psikholog_rasskazala_o_tom_kak_chastichnaya_mobilizatsiya_povliyala_na_sistemu_semeynykh_tsennostey/ (дата обращения: 10.11.2022).

Figley C.R. Compassion Fatigue: Toward a New Understanding of the Costs of Caring // Secondary Traumatic Stress: Self-Care Issues for Clinicians, Researchers, and Educators / B.H. Stamm (Ed.). Lutherville, MD: Sidran, 1995. P. 3–28.

Сафиуллина-Ибрагимова Резеда Рифовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры исламской теологии, Российский исламский институт, г. Казань, Республика Татарстан, Россия; rezeda.saf@mail.ru

Safiullina-Ibragimova Rezeda R., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Islamic Theology, Russian Islamic Institute, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

РЕЗОЛЮЦИЯ КОНФЕРЕНЦИИ

Заслушав и обсудив доклады, представленные на Международной научно-практической конференции «Российский ислам как фактор укрепления межнационального и межконфессионального мира и согласия», приуроченной к празднованию 1100-летия принятия Ислама Волжской Булгарией, участники конференции обращаются к научному сообществу, органам власти, общественным объединениям и организациям с предложениями и рекомендациями.

- 1. Участники конференции считают, что усилия научного сообщества, религиозных организаций, институтов гражданского общества и государственной власти должны быть направлены на использование всех механизмов, обеспечивающих сбалансированное соединение российской, гражданской, этнической и религиозной идентичности в контексте инновационного развития российского общества и его противостояния внешним вызовам.
- 2. Стратегия политики государства в сохранении и развитии духовного потенциала всех народов Российской Федерации фиксирует внимание на сохранение этнокультурной и этноконфессиональной самобытности и традиций народов. Усилия местных государственных органов, научного сообщества и общественных объединений должны быть направлены на поддержку практик способствующих развитию и самореализации личности, ее духовному самосовершенствованию и содействуют сохранению позитивного межконфессионального взаимодействия и диалога.
- 3. Обращаем внимание всех ученых, исследующих религиозную сферу и сферу межконфессиональных отношений, на необходимость совершенствования методологии и методики проводимых исследований в целях наиболее адекватного отражения социальной практики и расширения возможностей религиозных организаций в позитивном взаимодействии с институтами гражданского общества и с управленческими структурами.

- 4. Анализ имеющейся информации свидетельствует о необходимости совершенствования системы мониторинга межэтнических и межконфессиональных отношений в регионах на уровне интегрированных региональных систем мониторинга с научно выверенным категориальным и индикативным аппаратом, сочетающим количественные и качественные показатели, достоверно и своевременно отражающие религиозную ситуацию в регионах РФ, текущее состояние межнациональных и межконфессиональных отношений.
- 5. Обратить внимание научного сообщества на необходимость усилить внимание к таким направлениям исторических, этносоциологических, политологических исследований как: изучение истории и опыта взаимодействия традиционных для России конфессий (православия, ислама, буддизма и иудаизма); соотношения гражданской и этноконфессиональной идентификации среди различных социальных групп; социальных аспектов формирования и развития общероссийской гражданской, этнокультурной и этноконфессиональной идентичности и других направлений, помогающих осознать культурную сложность российского общества.
- 6. Продолжить работу по совершенствованию взаимодействия религиозных, общественных и государственных структур и организаций в формировании оснований для гармоничной интеграции религиозных общин и светской части российского сообщества.
- 7. Активизировать взаимодействие религиозных, общественных и государственных институций по совершенствованию форм и методов исламского образования с учетом специфики регионов с мусульманским населением в Российской Федерации, а также формированию оптимальной системы лицензирования религиозных учебных заведений и примечетных образовательных курсов.
- 8. Исследователями установленно, что в современной России межконфессиональные отношения актуализированы в двух направлениях: между верующими в каждом субъекте Федерации и между принимающим сообществом и прибывающими из иной культурной среды мигрантами-мусульманами. В связи с этим, особую актуальность приобретают как всестороннее изучение

религиозных ценностей, практик, специфики адаптационных механизмов данных групп населения, так и культурной дистанции, психологических аспектов ее восприятия принимающим сообществом. В связи с этим, наряду с постоянным мониторингом межэтнических и межконфессиональных отношений, считаем необходимым принятие дополнительных мер и финансирования наиболее актуальных исследований в данной сфере.

- 9. В целях совершенствования адаптации мигрантов продолжить системную работу по взаимодействию с регионами исхода республиками Российской Федерации и странами СНГ через взаимодействие с постоянными представительствами в Российской Федерации республик Кавказа, Закавказья и Средней Азии (Азербайджан, Армения, Грузия, Кыргызстан, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан), в целях укрепления межгосударственного сотрудничества, содействия в предупреждении и разрешении межнациональных и межконфессиональных конфликтов.
- 10. Межконфессиональные отношения динамичное явление и их модус в обозримой перспективе во многом зависит от молодежи, ее духовного развития, ценностной структуры, идентификационных траекторий. В связи с этим, призываем к развитию координационных усилий научного сообщества, религиозных организаций, институтов гражданского общества и государственных структур в совершенствовании образовательной и публичной сфер, сферы государственной политики в формировании условий для духовного развития молодежи в соответствии с общегражданскими ценностями России, как поликонфессионального и поликультурного государства.
- 11. Научное сообщество рекомендует лидерам религиозных объединений представлять в национальные и религиозные советы при главах городов, районов информацию о проделанной работе в сфере укрепления межнациональных и межконфессиональных отношений в целях профилактики правонарушений и предупреждения межэтнических и межконфессиональных конфликтов.
- 12. Научное сообщество должно активно содействовать систематическому проведению мероприятий превентивного характера, борьбы с религиозным экстремизмом и радикализмом: круглые столы, семинары, конференции, совещание по актуальным

для субъектов Федерации вопросам межнационального и межконфессионального взаимодействия.

- 13. Обращаем внимание Министерства образования и науки РФ, региональных профильных министерств и местных органов власти на важность участия этносоциологов и религиоведов в курсах и школах по переподготовке преподавателей вузов и школ с целью повышения компетенции преподавательского состава в сфере межкультурного и межконфессионального взаимодействия.
- 14. Призываем совершенствовать кооперацию научного сообщества, институтов гражданского общества и государственных органов в изучении региональной специфики ислама, его норм и ценностей, а также успешных практик сотрудничества субъектов межрелигиозного взаимодействия в контексте формирования внутри- и межконфессионального мира и согласия в субъектах Российской Федерации.

РОССИЙСКИЙ ИСЛАМ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО МИРА И СОГЛАСИЯ:

материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к празднованию 1100-летия принятия Ислама Волжской Булгарией (г. Казань, 24–25 ноября 2022 г.)

Научное издание

Компьютерная верстка – $\it Л.М.$ Зигангареева Подписано в печать 26.06.2023 г. Формат $60\times84^{-1}/_{16}$ Усл. печ. л. 13,75 Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства «Ихлас» 420041, Казань, ул. Вишневского 26а